

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 9 (96)
сентябрь, 2024

Содержание журнала для лиц
12+
старше
12 лет
Содержание
журнала
не
рекомендуется
для
лиц
младше
12 лет

S. NIKAS

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ, ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ!

Сентябрь – время открытия театрального сезона, и к этому культурному событию было принято решение о формировании специального «театрального» номера журнала. Тема театра регулярно поднимается на страницах «Александра», но прошло без малого пять лет до момента, когда этому виду искусства было посвящено всё издание.

Движущей силой этого номера являются Николай Железняк, заместитель директора театра «Глас», и Катерина Чекановская, друг «Александра» и руководитель многих театральных постановок. Сам номер создаётся во время осуществления в Москве прекрасного проекта «Театральный бульвар», и под впечатлением от него «театральный» «Александр» стал литературной площадкой для разноплановых миниатюрных произведений, подобно тому как бульвары нашей столицы стали театральными подмостками.

В этом году не удалось сформировать продолжение сборника «Яблочный Спас», и для восстановления справедливости произведения, которые наши авторы прислали заранее, без объявления конкурса, мы публикуем в данном издании и надеемся на понимание.

Желаем всем красивой и вдохновляющей осени!

**Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор**

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«АЛЕКСАНДРЪ»!**

Мы рады знакомству с вами на страницах этого издания, популяризирующего русскую культуру и творчество современных писателей!

Русский духовный театр «ГЛАС» в октябре откроет 36-й сезон!

Сейчас особое время. Время, когда наше государство выбрало в качестве ориентира для своего развития фундаментальные, незыблемые ценности, в числе которых семья, культура, патриотизм.

2024 год, согласно указу Президента Российской Федерации, объявлен Годом семьи. Прилагается немало усилий по сохранению традиционных семейных ценностей, таких как любовь, верность, уважение, взаимопонимание и поддержка. С самых первых шагов в своём творчестве и по сей день мы следуем всем этим важнейшим направлениям. Духовность, возвышенность, пробуждение души – то, ради чего создаются наши постановки. Наши авторские спектакли не имеют аналогов. Классика! Детские постановки! Постановки для всей семьи, водевили, спектакли, открывающие прекрасных малоизвестных авторов! Также мы создатели нового жанра – жития святых!

«Театр – это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра» (Н. В. Гоголь).

Мы приглашаем вас к знакомству! Откройте для себя, своих близких и родных маленький уголок чудесного творческого пространства, в котором каждый найдёт что-то для души и размышления!

**Татьяна БЕЛЕВИЧ,
директор театра «ГЛАС»**

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (96), сентябрь 2024 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.09.2024 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Никас Сафронов. Пушкин

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6 Миссия – нести свет
9 Русский духовный театр

ПРОЗА

- 27 Николай Железняк.
Проводы

КЛАССИКИ

- 32 Василий Киляков.
Чехов и Мопассан

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 34 Валерий Румянцев
37 Натали Донч

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 38 Катерина Чекановская.
Сквозняки
40 Наталья Липатова.
Любовь к театру
42 Татьяна Власова.
Любовный недуг

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- 45 Ренат Харис.
Танк «Алёша»

ДЕБЮТ

- 52 Юлия Хабарова.
Тишка

ДЕТЯМ

- 54 Юлия Акс.
Йикссур кызы

ЖИТЕЙСКОЕ

- 60 Эвелина Новикова.
Вот и радуйся!

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 62 Наталия Петрищева

ПУШКИНИАНА

- 65 Ольга Даранова.
«Минувшее меня объемерет живо...»
69 О. Матвейчев, А. Болдырев.
Пугачёвщина. Что это было?

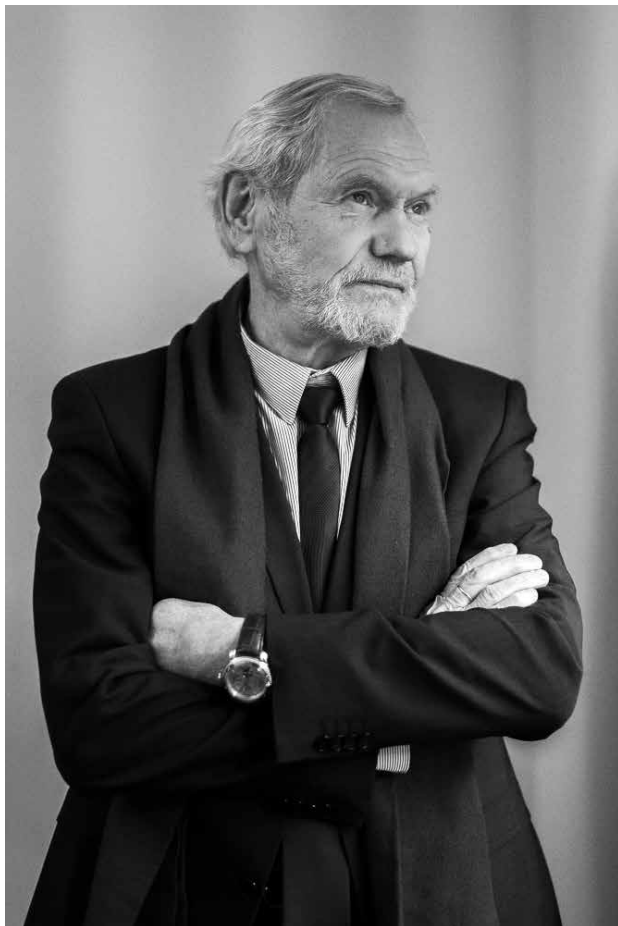
МИНИАТЮРЫ

- 72 Александра Мазуркевич

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

- 78 Владимир Икорский
Лариса Попова
79 Ольга Офицерова
80 Николай Макаров.
В деревне у бабушки
85 Анатолий Труба.
История развития садоводства
на почтовых марках
ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
92 Татьяна Воронина.
Очарование Форосом

На вкладке – картины
художника Никаса Сафронова

Никита АСТАХОВ,
художественный руководитель
театра «ГЛАС»

Каждая свеча, отдающая свой фитиль, свою сердцевину на съедение огню, – источник света, маленькое светило в ладонях тьмы. Может ей и одиноко в своём старании, может, страшит её возможная напрасность самопожертвования. Но на свет этот слетается всё живое: набирается сил, получает отдохновение и тепло, обретает покой, утверждение, вдохновение.

В нашем мире вдруг кто-то по собственной воле становится свечой с горящим фитилём. Участь таких людей – нести свет.

Никита Сергеевич Астахов, заслуженный деятель искусств России, и Татьяна Георгиевна

Белевич, заслуженная артистка России, а вместе они – создатели и руководители Русского духовного театра «ГЛАС», который начал свой путь с постановки «Светлое Воскресение», посвятив её 1000-летию Крещения Руси. Не страшась и не жалея себя, более тридцати лет они реализуют миссию становления и развития в стране православного сценического искусства.

Русский духовный театр «ГЛАС» отметил 35-летие. Его сложный, неоднозначный путь, совпавший с переменами в стране, с потребностью, в частности, театральных реформ, только подтверждает необходимость появления такого театра.

Но юбилей театра не отменяет того, что и у его основателей и руководителей могут быть свои индивидуальные юбилеи. Так, в 2023 году торжественно отметили 80-летие художественного руководителя «ГЛАСА» Никиты Астахова, а в 2024-м 75 лет исполнилось директору театра, актрисе, режиссёру и драматургу Татьяне Белевич.

Никите Астахову и выпала эта честь – представлять на страницах журнала свою соратницу и супругу.

Никита Астахов, художественный руководитель театра «ГЛАС»: – Директор нашего театра, заслуженная артистка России. С ней мы 35 лет организуем театр. Она держит его в узде и несёт весь груз ответственности на своих плечах. Когда создавался театр, мы распределили обязанности: я взял творческую сторону, а Татьяна Георгиевна – административную, директорскую. Мы не приглашали никого на эти ключевые позиции, старались сами научиться, особенно она. Административная работа – сложная вещь. Татьяна Белевич в какой-то степени жертвует своим актёрским талантом, уделяя очень много внимания руководству. Для человека-художника это очень трудная задача. Она же по образованию актри-

МИССИЯ — НЕСТИ СВЕТ

са, она всегда мечтала быть актрисой. И надо сказать, она очень яркая комедийная актриса, что очень редкое явление. Потому что женщины в комедийных ролях стесняются быть заняты, они ведь всё время находятся в плену своей обворожительности и не хотят, чтобы зритель над ними смеялся. Поэтому так мало комедийных актрис. А в актёрских работах Татьяны Георгиевны вместе с даром комедийности есть необыкновенное соединение с трагической ролью Елизаветы Фёдоровны Романовой. Здесь невероятная актёрская техника. Так сыграть – актёрское явление! И не скажешь, что она играет, это какое-то подлинное существование. Елизавета Фёдоровна причислена к лику святых, спектакль основан на житийных текстах. Как сыграть житие? Никто не знает, а у нас есть ответ на этот вопрос!

Сыграть житие – серьёзное явление на театре. Это открытие нового жанра – житийного жанра. Возможно, благодаря этому спектаклю и Татьяне Георгиевне, блистательно исполняющей заглавную роль, мы и дальше продолжили соприкосновение с этим жанром. Всегда, когда смотрю этот спектакль, я удивляюсь: у актрисы нет никаких привычных сценических движений – она просто сидит и вспоминает жизнь. Но самое интересное, что при этом рождается сильнейшее воздействие на зал. В этой работе удалось добиться сращивания сегодняшней мысли с тем, что было в нашей истории. Данное явление серьёзное как для актрисы, так и для театра.

Одновременно Татьяна Георгиевна очень смело и ярко играет в других спектаклях. Например, в наших шукшинских «первенцах» «Ванька – не зевай!» и «Живы будем – не помрём!». Она легко, задорно и заразительно существует в них. Сцену «Письмо матери» играет очень трогательно: одинокая мать ждёт своих детей, которые уехали из деревни в силу обстоятельств, она осталась одна; эту боль, ущемлённость, одиночество в зале чувствуют все, пробирает до мурашек, до слёз.

Жалко, что директорская должность мешает Татьяне Георгиевне побольше заниматься творчеством. Но благодаря актёрской технике,

Татьяна БЕЛЕВИЧ,
директор театра «ГЛАС»

опыту Татьяна Георгиевна может очень быстро войти в роль. То, на что многим актёрам нужно длительное время, месяцы, она может сделать за несколько репетиций.

Не могу не сказать о ней как об очаровательной женщине. Не случайно её портрет был размещён в журнале «Красота», а многие театроведы мужчины называют её Королевой. Её женственность, красота сочетаются с умом и высокой чувствительностью. Она очень хорошо чувствует боль людей и старается всегда прийти на помощь. Даже когда человек совершает не очень хорошие поступки, она всё равно надеется на то, что он исправится. Она может сказать в лицо правду, резкую правду. Но главное её желание – это помочь человеку.

Мы очень часто в театральном деле утопаем в конфликтах: обиделись, разозлились – и

вот уже врагом становится человек. А она не считает так. Она знает, что враг – это нечто иное, что вселяется в человека. А у человека всегда есть возможность исправиться.

Главная черта – она миссионерка. Её задача как настоящей христианки – привести человека к Богу. Если человек приходит к Богу, то он живёт по-другому, его образ человеческий изменяется. Я говорю об этом с эгоистической точки зрения, потому что такой опыт она со мной произвела. Я был яростный пионер, честный комсомолец, был человеком далёким от церкви. Всё потому что я так воспитывался. Общество было такое, страна. Она каким-то чудесным образом меня заинтересовала. Ввела в круг людей из церкви. Они умеют прощать, знают, что такое скромность, смирение. Золотой фонд страны – это верующие люди, а остальные – те, кто на подходе к вере.

В этом плане Татьяна Георгиевна Белевич – это человеческое событие.

Говорят, самый трудный крест – это крест начальствующего. Начальствующий – это тот, кто жизнь отдаёт своим подчинённым и делу. Вот кто начальствующий. Вот в чём дело...

Это огромное счастье, что руководитель театра «ГЛАС» у нас именно такой человек, который соединяет очень многое: и мать, и жена, и директор, и хозяйка. И всё это в одном человеке. Как правило, что-то в человеке есть главное – ум, нервная система, разные характерные черты, а в ней всё это соединено воедино.

Я всё думаю, на базе чего это происходит? Какой корень? Главная черта? Я думаю, беспокойство! Она человек беспокойства. Нет покоя.

У неё нет покоя и по отношению к творчеству! Недавно появились интересные спектакли в её режиссуре. Татьяна Белевич поставила «Имя России – Александр Невский», взяв за основу житийные тексты. Интересная реализовалась идея. Открытие на театре. Думаю, пройдёт короткое время, и театры начнут учиться на этом материале: и самой постановке жития на сцене, и как это играть. Это совершенно иное существование актёрское, нежели то, к которому мы привыкли.

Вместе с самоотдачей нужно говорить о её таланте. И здесь, как говорится, Бог дал! И талант этот многообразен и неиссякаем.

«Великая княгиня Е. Ф. Романова (возвращение)». (Н. Астахов, Т. Белевич)

РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ТЕАТР

МОСКВА. 24 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

В стране перемены. Они отражаются на всех сферах жизни. Впервые в Советском государстве широко и открыто празднуется Пасха Христова. Миллионы нарядно одетых людей свободно гуляют по городу, заходят в храмы, повсюду звучат колокольные перезвоны. В храме Покрова Божией Матери в Филях (в тот момент филиал музея Андрея Рублёва) только что открывшийся Русский духовный театр «ГЛАС» даёт своё первое представление «Светлое Воскресение».

Мало сказать, что многочисленные зрители удивлены увиденным и услышанным. Они просто шокированы. «Никогда ещё со сцены не звучало Евангелие, – вспоминает очень популярный в ту пору актёр (ныне президент Международного фестиваля искусств «Золотой Витязь») Николай Бурляев, один из очевидцев успешного дебюта. Первым зрителем стал и народный артист СССР Владимир Алексеевич Андреев, тогда худрук Московского драматического театра им. М. Н. Ермоловой, который во время проведения коллегии Министерства культуры РФ очень тепло отозвался о театре «ГЛАС».

Создали Русский духовный театр «ГЛАС» выпускники старейшего Театрального училища им. М. С. Щепкина, молодые актёры Москонцерта, супруги Никита Астахов и Татьяна Белевич. Они не только прекрасные артисты, пробующие себя в режиссуре, но и члены известной уже на всю страну Общины по возрождению храма Христа Спасителя, много сделавшей для восстановления этого знакового для страны главного церковного храма, вскоре вставшего горделиво на своём историческом месте, на котором до этого находился открытый бассейн.

Спектакль оказал особое воздействие. Слова, летящие в зал, буквально пронзали сознание. Вероятно, евангельские тексты подобны

ожогу и не могли иначе восприниматься атеистическим сознанием того времени.

Большая театральная семья Москвы восприняла новичка по-разному. Кто-то видел в этом пример для подражания, а кто-то не хотел воспринимать даже название нового театра. Новичок оказался боевитым, амбициозным и, главное, интересным и содержательным. Всколыхнули театральную общественность вышедшие вскоре спектакли по произведениям В. М. Шукшина, где по-настоящему, убедительно сплелись и духовность, и русскость.

Церковь тоже поначалу отнеслась к появлению на православном поле театрального коллектива с некоторой настороженностью, но прошло время, и спектакли «ГЛАСА» уже показывались в резиденции Патриарха, Свято-Даниловом монастыре, в Зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя, в других помещениях РПЦ. Значит, увидела церковь в его лице своего помощника на ниве православия! Доказательством стали многочисленные благодарственные письма в адрес театра, встречи иерархов с коллективом.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что с помощью «ГЛАСА» было совершено главное – преодолено вековое непонимание церковью театрального искусства, определённое охлаждение к нему. Сейчас руководители театра Н. С. Астахов, Т. Г. Белевич, многие актёры награждены орденами и медалями Русской православной церкви и Русской православной церкви за рубежом. Государство тоже отмечает их заслуги.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ С МОЛИТВЫ

Поползли слухи: в «ГЛАСЕ» молятся. В самом деле, и репетиции, и спектакли в театре всегда предваряла и продолжает предварять общая молитва.

«Что же в этом плохого? – задаётся вопросом художественный руководитель театра Ни-

кита Астахов. – Перед выходом к зрителю мы просим Всевышнего о помощи нам, артистам. Чтоб были силы, энергия и точность в работе. Чтобы не подвести товарищей в общем деле. Чтобы сказать зрителям то, что хотим сказать. Это как у хоккеистов, когда они перед матчем, положив друг другу руки на плечи, клянутся стоять до конца. Молитва объединяет, придаёт силы, творчески настраивает».

Татьяна Белевич: «Главный знак – это то, что начатое нами дело сохранилось и мы выжили. Это самый важный знак. Потому что много начинаний последних лет сошло с половины дороги. Наше трудное время – время выживания. Удивительно, мы ведь родились вместе с началом движения за возрождение храма Христа Спасителя. Всё здесь шло параллельно: и создание театра, и наше участие в движении за храм.

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) провёл нас через главное испытание – быть воспринятыми и одобренными. Как-то он сказал: «Послужите России. И забудьте тот театр, к которому вы привыкли. У вас будет совсем другой путь. Вы вышли на самую трудную борьбу с главной тёмной силой. Вы – предтечи возрождения русского Слова. У вас будет очень трудный путь и много испытаний. Будет так крутить, что, кажется, ничего не получится. Но в самый последний момент всё сложится, Господь не оставит!..»

Я думаю, что потребность в театрах, подобных нашему, сегодня большая. Их сейчас нет, но есть театры, которые становятся на духовный путь хотя бы по репертуару. Но это только форма, а важно содержание, внутренний багаж актёров, режиссёра, их личный духовный опыт, это наше творчество, основанное на воцерковлении».

Новые смыслы появляются в текущей работе театра постоянно. Они придают работе устойчивость в сложном процессе создания православного театрального искусства, чем и занимается театр «ГЛАС». На этом пути складывается теоретически осознанный главный вектор в выборе репертуара и всего пути. Отдаётся предпочтение материалам и пьесам, связанным с русской историей развития хри-

стианства в стране. Беглого взгляда на афишу достаточно, чтобы ответить себе на вопрос: театру интересно прошлое? Почему?

Никита Астахов: «На этом пути есть возможности движения театра к Богу через образы, метафоры, притчи, погружения в библейские смыслы, ассоциации... История России в этом смысле вообще непаханое поле. Именно на этом пути интереса к изначальной духовности дохристианской и христианской Руси нам и видится возвращение к подлинной миссии института театра, его духовности».

Многое в театре «ГЛАС» на этом пути делается впервые. Так, впервые для сцены в работу здесь берутся жития святых, древние летописи, некоторые церковные тексты, которые становятся прочной драматургической основой. Большинство инсценировок создано Астаховым или Белевич в соавторстве или самостоятельно. В ряде спектаклей со сцены звучит старославянский язык, создающий особую тональность и атмосферу. И свой праязык с удовольствием принимает и понимает благодарный сегодняшний зритель.

О 35-ЛЕТНЕМ ПУТИ

Татьяна Белевич: – В жизни были разные моменты, на которые можно было бы опереться, и так продержаться. Много было соблазнов отступить от своего дела или развивать его так, чтобы полегче было, повыгоднее... Был такой схиархимандрит Иннокентий (Просвирнин). Он нам однажды сказал такие слова, которые, возможно, и стали опорой в дальнейшем.

И вот по какому поводу пришлось его слова. Какая-то фирма из Швейцарии или из Швеции обратилась к нам с предложением, чтобы мы попросили для театра помещение храма на Белорусской, который пустует. Взамен нам пообещали самое передовое оснащение аппаратурой и всяческую помощь при условии, чтобы билеты мы продавали только для иностранцев. Тогда-то мы и обратились к отцу Иннокентию за советом.

А он нам ответил: «Послужите России! У вас, конечно, жизнь будет очень тяжёлая. Вы

вступили на самый сложный путь борьбы с тёмной силой. Вас будет крутить всё время. Но в последний момент, когда кажется, будто сил вовсе нет, Господь будет помогать».

Мы говорим: «Вот откажемся, а у нас ничего нет: ни денег, ни здания, ни гастролей...»

И он вдруг звонит в Норильск: «Примите ребят!» Он был первым, кто договорился о наших гастролях.

А его провидение – правда. Всё время так и живём. Крутит нас и крутит. Театральная среда нас не приняла, церковная среда тоже не сразу... Мы всегда были между молотом и наковальней.

Это сейчас нас признали, Церковь признала, и ордена у нас церковные, и государственные награды. Никите Сергеевичу Святейший Патриарх вручил орден Даниила Московского, святого благоверного князя, второй степени. Лично вручил.

А тогда... Мы как-то пришли в Отдел внешних церковных связей. А нам на вахте говорят: «А что вам – театру – здесь нужно? Вы что, молитву сыграть собираетесь?»

А мы отвечаем: «Зачем молитву играть, надо просто молиться. Мы поговорить хотим...»

Не дослушав до конца, нам ответили: «Вон, идите в кабинет – там всё расскажите». Мы за-

шли в узенький кабинет. Там папки какие-то, бумаги и человек сидит. Уши у него большие, как локаторы. Сам он небольшой. Мы поздоровались. Он молчит. Видимо, занят. Мы тоже помолчали. Потом начали говорить. А он всё время пишет и молчит. Мы рассказываем о своих планах, целях, идеях, предложениях. Всё рассказали. Он молчит. Мы попрощались. А он даже головы не поднял. Потом мы узнали, что это бухгалтер, к которому всех посылают «выговориться».

Проходя этот путь, мы и страдали, и претерпевали, и нуждались, и были унижены. Но и это всё тоже укрепление, как и встречи с людьми, ставшими нам поддержкой.

В этой беседе много знаковых моментов, но самый выразительный тот, в котором понятие «нести свет» совпало в буквальном и фигуральном смысле. Татьяна Георгиевна вспомнила момент, когда они с Никитой Сергеевичем пришли на приём к Святейшему Патриарху Кириллу, когда он ещё был митрополитом:

– Мы долго пытались к нему попасть. Записаться на приём было сложно, ожидать долго. Но наконец нам назначили время. Мы идём, около семи часов вечера, на улице темно.

Заходим в приёмную, и вдруг погас свет. Темно. Ничего не видно. Нам говорят: «Ну какой теперь приём – света нет». А мы так долго ждали, что и не думали сдаваться. Побежали в храм преподобного Серафима Саровского, накупили там свечей, зажгли и идём к приёмной. Нас не пускают. А мы говорим, встреча назначена – пропустить мы её не можем. Нас проводили по коридору к кабинету. Открываем дверь, а там светло-светло, как днём. Столько свечей уладыки в кабинете было!

Долго мы с ним проговорили. Он пытался нам помочь, и мы очень благодарны ему.

Никита Астахов: – В каком обществе находишься, кто стоит рядом с тобой, таков ты и есть. Не больше, не меньше. Что такое нужный человек в нужное время?!

Я был молодым артистом. И вдруг познакомился с батюшкой. И говорю ему: «Что-то не могу я выучить десять английских глаголов. Вроде и память есть, но никак не могу освоить. Весь мир говорит на английском языке, а у меня – интеллигентного человека – не получается. Что делать?» А он спрашивает у меня: «А ты свой язык-то знаешь?» – «Какой свой?» – «Древнеславянский».

И я задумался. Я свой язык не знаю, а почему-то хочу выучить иностранный. И я начал изучать свой, родной.

Встретил Николая Лисового – он богослов, литературовед, учёный, поэт. Он мне говорит: «Ты читал “Слово о законе и благодати” святителя Илариона Киевского?» Я и нырнул в эту литературу. И понял, что те тексты, которые я говорю со сцены, не имеют никакого отношения к корневой системе русского языка.

Вот что такое встреча. Я понял, что можно нести со сцены совершенно другое – нечто глубокое, серьёзное, русское. И как только это понимание родилось, нас назвали Русским духовным театром.

Но пришло время. Надо разобраться в остроте этого слова – «духовный». Есть люди, которые любят такой театр, который углубляет мышление, который ведёт к правде. Мышление сегодняшнего дня от мышления 1917 года принципиально отличается. Театры той эпохи и

нашей принципиально отличаются. Наш советский атеистический театр уходит. А что вместо него? Художники сейчас размышляют над этим примерно так: «А давайте на сцене раздеваться будем (!) – так удержим внимание зрителей». Почему такой путь? Потому что к другому не подошли. А путь к Богу – долгий путь. Это другой мир, мышление, оценки, мировоззрение. Другое отношение к себе, окружающим. Если эти отголоски сохраняются в театре и начинают нравиться художникам, артистам, зрителям – это большая заслуга театра.

? – Вы говорите о том, что миссия театра «ГЛАС» – это помощь Церкви. Какие отношения сложились у театра с отцами Русской православной церкви?

Татьяна Белевич: – Отношение священнослужителей к театральному искусству разное: некоторые не хотят вообще слышать слова «театр», другие признают, третьи помогают. Главное для нас – благословение на работу Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Мы все вкусили горечь атеизма! Разрушить можно мгновенно. Но восстановить и оживить почти умершее, уничтоженное – ох как трудно! Мы все – свидетели того, как Святейший Патриарх, исколесив всю Русь, проводил службы в возродившихся храмах, и в больших городах, и в самых отдалённых местах. А ведь это огромный труд! Сколько надо сил и душевной мудрости, чтобы всё охватить! И воскресить! Сколько храмов поднято! Не забыта и культура. Для нас, деятелей культуры, это укрепление и поддержка.

Святейший всегда поздравляет нас с Рождеством и Пасхой Христовой.

Особой честью для театра было приглашение со спектаклем «Это Сам Христос-Малютка» в резиденцию Его Святейшества, в Свято-Данилов монастырь. Для нас это было огромное событие: театр в стенах монастыря, да ещё у самого Патриарха!

Предварительно нас осмотрел духовник монастыря, отец-наместник, и только потом мы показали спектакль Его Святейшеству и множеству деток, которых Патриарх приглашает к себе ежегодно на Рождественскую ёлку.

Конечно же, мы волновались.

Поразила реакция Святейшего во время спектакля (он смотрел его вместе с архиепископом Истринским Арсением). Они вместе с детьми радовались и смеялись. Казалось бы, ну чего смешного для взрослого человека в том, что палка ударяет злодея по голове, но дети смеются и ликуют оттого, что зло наказано. Так же трогательно реагировали на это Патриарх с владыкой. Для нас это была большая радость: значит, наш труд тронул сердце Первоиерарха и его сподвижников!

Никита Астахов: – Приятно и ответственно ощущать себя первым (из режиссёров), кто награждён на театральной ниве орденом Святого Митрополита Московского Макария. Татьяна Георгиевна Белевич награждена орденом Святой Равноапостольной Княгини Ольги. Это очень высокие церковные награды.

Отец Георгий плечом к плечу с нами. Станиславский с Немировичем-Данченко обсуждали создание МХАТа в ресторане «Славянский базар», а мы с отцом Георгием... в бане. Я тогда снимал крест, стеснялся – все же голые. Другой наш близкий друг, батюшка с Урала, отец Александр Никулин (в миру был блистательным режиссёром), говорит: «Никита, что это ты без креста сидишь, ты же крещёный». А отец Георгий заступился: «Да жарко, наверно, в парилке, видно, обжигает». Мне так стыдно стало – на всю жизнь...

И вот мы там тогда, в бане, говорили, говорили... Интересно, что в бане, значит, речь идёт не только о чистоте тела, но и об оздоровлении души. И ещё интересно, что чуть ли не все основные вопросы по создаваемому театру мы в бане и решили: без водки, без пива. Напаришься – потом надо отдохнуть, вот и сидишь решаешь «мировые» проблемы.

Татьяна Белевич: – Отец Георгий – личность дерзновенная (может быть, для священника такое определение слишком неожиданное). Например, в своё время запрещено было ходить в рясах по улицам, а он ходил. Запрещено было священнику на телевидение выходить, а он выходил вместе с нами, и высказывал своё мнение, и отвечал на вопросы телезрителей.

Он столько пережил... Он даже за штат вышел, так как стал заниматься созданием общины несуществующего на ту пору храма Христа Спасителя.

Никита Астахов: – Во всей этой беспрецедентной истории восстановления храма Христа Спасителя он был бессменным председателем Братства Храма Христа Спасителя. Храма ещё не было, а он уже организовал общину, ходил по райкомам, везде заявлял: «Община есть, стройте храм!» Потом на свои накопленные деньги закупил билеты на три сеанса кино в кинотеатре «Россия» и провёл вместо кино вечер-концерт для православной общественности Москвы, посвящённый 150-летию первой закладки храма Христа Спасителя. Мы режиссировали этот вечер, готовили сценарий и были ведущими. Тогда, в заключение вечера, мы на молитву весь зал огромного кинотеатра «Россия» (теперь – «Пушкинский») подняли. Композитор Георгий Свиридов (он тоже был на этом собрании) удивился тогда: «Я даже представить себе не мог, что в Советском Союзе весь зал огромного кинотеатра встанет на “Отче наш”. Я много в своей жизни видел, но такого ещё не было, это потрясло». Отец Георгий часто бывал гоним за своё участие в общественно-политической жизни, на которую в те времена был запрет для священников.

Татьяна Белевич: – Примеров возрождения православного театрального искусства после атеистического периода ещё не было. Эта работа вся на уровне сердца, интуиции и, конечно же, наставничества нашего духовенства. И, если хотите, смелости, потому как надо было ломать стереотипы с двух сторон. И со стороны Церкви к театру, и со стороны... культуры – к такому театру.

Хочется говорить о нашем российском духовенстве ещё и ещё. Это замечательные люди, они помогали нам, хотя и не без риска для своей репутации. Это сейчас уже нормальное явление, когда творческий человек имеет духовника, ходит в храм и т.д. Раньше-то актёр был человеком второго сорта, а точнее, греховным человеком, и эта греховность лежала в основе его профессии. А если батюшка выходил

«Беда от нежного сердца» (В. Соллогуб)

«Живы будем – не помрем!» (В. Шукшин)

«Поэма без героя» (А. Ахматова)

на сцену, чтобы обратиться к залу, то кое-кем это воспринималось тоже как актёрство. «С кем связался! – говорили, – их даже на кладбище не хоронили раньше». И эту дерзость – принятия театра – брал на себя протоиерей Георгий Доукин. Но бытующее мнение о театре не отражало действительной правды или отражало какую-то одну его сторону. Наша огромная благодарность тем, кто (особенно в начале пути театра) нам поверил, поддержал и, главное, молился за нас!

В честь тезоименитства Святейшего Патриарха мы показывали на основной сцене Академического Малого театра спектакль «Раб Божий Николай», на который пригласили представителей духовенства и интеллигенции столицы.

Тогда у нас ещё не было своего помещения, мы скитались. Решили провести акцию – отметить тезоименитство Патриарха выступлением нашего театра со спектаклем по Гоголю «Раб Божий Николай». Святейший благословил. О, сколько это было радостных хлопот и волнений! Ведь впервые культура в лице нашего театра поздравляла Патриарха с днём ангела! Здесь хочется поблагодарить за помощь архимандрита Иоанна Экономцева, руководителей Академического Малого театра, народных артистов Виктора Ивановича Коршунова и Юрия Мефодьевича Соломина, предоставивших нам старейшую сцену России. Надо было срочно перемонтировать программу, а репетиций – одна. Да и выйти на прославленную сцену после скитаний, когда отрепетировать всё на своей сцене предварительно было просто невозможно, так как сцены-то не было, становилось большим риском. Но мы рискнули.

И Господь устроил так, что мы отработали достойно. Зал был переполнен. Многим даже не удалось попасть внутрь помещения. Билеты спрашивали ещё в метро, даже через полчаса после начала спектакля. Телевидение понаехало – со всех компаний. Помню, мы тогда позволили себе запретить впускать журналистов НТВ. Компания скверно себя зарекомендовала – на Пасху показала фильм, который не благословил к показу Святейший Патриарх.

Было только одно огорчение: в последний момент сообщили о нездоровье Патриарха, и

по его благословию приехал в театр архиепископ Солнечногорский Сергей, тогда управляющий делами Московской патриархии.

Владыка Сергей очень высоко оценил спектакль и обещал передать Патриарху своё впечатление от увиденного.

Архиепископ Тихон (теперь он в Новосибирске) приезжал к нам в театр, когда у меня был юбилей. Это было неожиданно и трогательно. Он прочитал акафист святой Татьяне, подарил икону святителя Николая и золотой крестик, который я ношу до сих пор. Я была очень растрогана и благодарна владыке за такое внимание ко мне, недостойной.

Никита Астахов: – *Благословения священников дают нам ощущение внутренней устойчивости:* хандра пропадает, исчезает тревога. Сейчас уже даже опыт в этом плане появился, знаю – паники не должно быть, всё равно звонок прозвонит и спектакль состоится.

Когда мы показали свой первый спектакль «Светлое Воскресение» архимандриту Иннокентию (Просвирнину), он нам сказал, что отныне у нас начинается новая творческая жизнь. «Подготовьтесь к этому, – добавил он. – К вам теперь будут относиться совершенно по-другому: и зрители, и коллеги из других театров. У вас вскоре появится такой духовный опыт, с которым вы совершенно не были знакомы ранее».

Хорошо, что он предупредил. Значит, что-то должно с нами происходить, не укладываемое в привычные рамки.

Это не заставило себя ждать. Выхожу однажды на сцену (мы играли в «Зелёном театре» парка «Сокольники») с евангельскими текстами, и вдруг из зала: «Неправда! Прекратите!» Я сначала подумал: пьяный. Но мне потом сказали: нет никакого запаха, абсолютно трезвый человек.

Несколько раз похожее было на гастролях и в других городах.

Я к батюшке. «О, к вам уже бесноватые ходят, знаем, это наша клиентура!» Выяснилось, что бесноватые так реагируют на определённые евангельские тексты, они вызывают в них этот «страшный бунт»: они и залаять могут, и богохульствовать, но, главное, своим криком

они хотят остановить слово о Боге. Хорошо, что нас предупредили.

Или другой случай, в Вологде на этом же спектакле во время проведения театрального фестиваля «Голоса истории великой». Перед нами Минский театр показывал «Жизнеописание святого равноапостольного князя Владимира». Спектакль повествовал о жизни святого князя Владимира до его крещения, у него было множество жён, и вот всю эту «половую жизнь» (а выступали мы в Кремле, рядом – собор) они стали изображать на сцене. И в это время вдруг пошёл проливной дождь. Спектакли игрались на открытом воздухе, а персонажи в образовавшихся лужах продолжают свой «подвиг» актёрский совершать, непотребные мизансцены воспроизводить: в грязи, с замызганными от потёкшего грима лицами – это было безобразное зрелище... На следующий день выступаем мы на этой же открытой площадке. Было пасмурно, выходим на сцену – солнце и... стрижи – вжик, вжик над сценой. Представляете: евангельские тексты, колокола звонят и... стрижи! Кто-то скажет – «господин случай». Тогда вопрос: «А что такое случай?»

Всё это и есть духовный опыт. И этот духовный опыт приходит не только во время спектаклей, но и в общении. Например, устраиваются к нам на работу, знаешь уже: этот – отчалит, а тот – удержится. Духовный опыт – он летучий, его не пощупаешь, но он приходит и остаётся навсегда.

А может быть духовный опыт и от скорби. Или через обиду. Вот, к примеру, говорю актёрам: сегодня идём в храм Святой Троицы на службу. Прихожу в храм – на месте только два человека из всего коллектива. Я – батюшке: «Всему коллективу сказал прийти – и только два человека услышали». Он успокаивает: «Не переживай, хорошо хоть знают, что в эти дни читается канон Андрея Критского, и то хорошо». На следующий день прихожу в театр: «Что же вы, я вам всегда готов идти навстречу, но для меня есть принципиальные вещи, и здесь я не сверну. Вы не то что мне в спину, вы по той центральной линии, куда православный театр идёт, бьёте. Я не могу здесь вам простить. У

нас дисциплина, послушание, и вы обязаны выполнять то, что вам художественный руководитель говорит, а я в буквальном смысле *руководитель* – за руку вас вожу». – «Никита Сергеевич, мы перепутали, вы сказали, что можно ходить в любой храм, а оказывается, надо всем в один». Долго оправдывались. Но в следующий раз пришли. Вот это и есть мой духовный опыт. И не только мой.

? – **Что касается сценических жанров, есть ли в театре в этом смысле какие-то табу? Скажем, оперетту можно ставить?**

– Один балетмейстер, сотрудничавший с нами, очень хорошо сказал: «Вальс – раз, два, три, раз, два, три... – это богоугодно, а другое движение – раз, два, три, четыре – уже не богоугодно. Но это же смешно: вальс – хорошо, а фокстрот – плохо...» Да, наверно, аритмия – плохо. Ведь существует ритм и существует антиритм. Но я так думаю, что всё должно в результате служить Богу: и жанр, и ритм, и темп – здесь нет исключения. Думаю попробовать даже водевиль поставить. Мне вообще нравится, когда в зале люди смеются.

? – **Это интересно – юмор в духовном театре. Какой он?**

– Только не тот, который у человека забрали и превратили в пустое бессмысленное кощунство над всем и вся, не разбирая ни хорошего, ни дурного. Этот светлый смех отобрали и теперь смеются, издеваются на эстрадах кто во что горазд. Гоголь говорил: «Нужен тот смех, который дан человеку, для того чтоб смеяться над всем низким, что порочит высокое звание человека». И это низкое надо находить не столько в окружающих, сколько в себе. Вот этого качества смеха и нужно достигать.

Необходимо возродить подлинный смех, смех души (не утробный), смех, родившийся свыше и переходящий от поколения к поколению, как говорил Гоголь, «от человека к человеку».

Патриарх Тихон пишет в своём дневнике о мысли, которая пришла ему в тот момент, когда он покидал Америку, где находился с визитом: «Господи, как я мог позабыть сказать амери-

канцам, ведь надо же было им сказать, что улыбаться надо, но так, чтобы не показывать дёсен!» То есть не надо скалить зубы, это не есть природа смеха, когда человек выворачивается наизнанку. У нас ведь как на сцене строится всё? Готовая реприза: раз, два, три, четыре – и зал: «Гы!» Но я вдруг заметил такую вещь: делают это «гы», а сами косятся по сторонам: «Я один так смеюсь или все? Ах все – значит, и мне можно».

Самое лучшее качество смеха, это когда смех *озаряет* лицо, когда вдруг оно изнутри просветляется. Вот о таком качестве смеха Гоголь и мечтал, он понимал, что с утробным смехом надо бороться, надо его отнять у тех людей, «которые превратили его в бессмысленное, злобное кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного».

? – **А общепринятый метод «действенного анализа» пьесы, он в духовном театре тоже иной?**

– Этот метод приобретает у нас характер *действенного религиозного анализа*. Актёров нашего театра, даже если брать самых молодых, интересует действие персонажей, прежде всего, с религиозной точки зрения, всё в человеческих поступках подчиняется у нас этой линии. Но абсолютно не навязывается режиссурой, здесь самое главное, что актёру нашего театра другое и неинтересно. Существуют то или иное событие жизни, взаимоотношения между героями, и актёры сразу начинают разбирать их с точки зрения греховности или негреховности. Если говорить о какой-то новой актёрской технологии, то вот пример: играет актёр определённого персонажа, а у этого персонажа есть грехи, и актёр видит эти грехи, потому что уже имеет духовный опыт своей собственной греховности. Грехи есть в любом, они такие же, как и в другом человеке, может быть, в иной пропорции, но они есть, и они нас объединяют. Как ни странно, по грехам люди быстрее объединяются.

Людей, по благодати собравшихся, гораздо меньше. Вспомните количество учеников Иисуса Христа. «Их мало, но они Свет миру!». «Малая закваска тесто бродит». Вот мы, греш-

ные люди, так называемое тесто. Что можем сделать мы, грешники, занимающиеся разными профессиями? Вот я (актёр духовного театра), например, пробую спасти своего персонажа, которого играю, которым живу. Спасение своего героя через покаяние в себе. Ведь если грехи легко объединяют людей, то, значит, ещё легче объединиться актёру с его героем по грехам, им обоим свойственным, а потом (чаще всего в конце спектакля) за них покаяться перед зрителем, перед всеми действующими лицами покаяться – «при народе и смерть красна».

❓ – Как это можно сыграть?

– Играть это и не надо. Надо понимать. И тогда это религиозное знание непременно проявится в роли, в актёрском отношении к ней. Наша профессия, таким образом, становится высокорелигиозной, помогающей человеку, она несёт в себе функцию спасения человека – через покаяние.

❓ – Но ведь актёр, согласно системе Станиславского, должен заниматься «оправданием» своего персонажа, для того чтобы не существовать в роли отстранённо, а «входить» в образ, «впускать» его в себя.

– Как сыграть отрицательного человека? «Я-то хороший, – говорит себе актёр, – ну есть у меня какие-то негативные черты. Надо обязательно “примерить” грехи, нужно искать их тождественность в себе».

А вот как практически это совместить со своим отношением к греховности?

Я придумал такую методику. Мы, оказываясь в любом обществе, всегда стараемся подстраиваться под это общество. Попадаем в разные предлагаемые обстоятельства и пытаемся соответствовать им. То есть мы подыгрываем тем правилам, той этике поведения, тем даже традициям, которые уже устоялись в этом обществе. Но есть и «противостояние» – и это уже удел героев, это подвиг. А обычный человек, скажем я, если оказывается в кругу, предположим, рабочих людей, то чувствует, что у него вот-вот мат сорвётся с языка от старания быть своим. Получается, что подделывается человек под ситуацию.

И актёрам, оказывается, тоже можно такую задачу ставить: ты хороший человек, но ты ведь можешь подыграть, что плохой. Тогда актёру становится понятной задача (подыграть – значит сыграть), и он начинает «подыгрывать», то есть играть роль.

Иду дальше – привожу пример, скажем, такой: жена – наркоманка, муж пытается её спасти, но ничего не получается. Тогда он решает ей подыграть, самому стать наркоманом, он полагает, что, став таким же, как она, войдёт в её мир, и уже потом, став ей более понятным, начнёт вытягивать её из этого ада. Он стал на время наркоманом и... остался таковым навсегда. Жизненная история – важный пример. Подыгрывая греху, сам становишься греховной субстанцией, хотя поначалу баловался.

❓ – Но здесь другое, здесь вмешивается внешнее обстоятельство в виде наркотика.

– А грех – тот же наркотик. Кто-то врёт, но я-то не вру, а кто-то продолжает врать, решил попробовать и я. Войти во враньё легко, а выйти как? Я говорю актёру: «Прикинься, это ведь легко тебе сделать?» Легко. Роль развивается согласно пьесе – актёр углубляется в неё. И он уже всё меньше и меньше «прикидывается», т. е. всё больше и больше входит в образ, становится по греховной мерке на уровень персонажа. Но «прикид», то есть примерка на себя, остался, отпечатался в сознании, значит, «погружение в роль» осуществляется под самоконтролем. И ещё. У актёра обязательно остаётся право свободы выбора – здесь это человеческое право смыкается с профессиональным. Актёр понимает, что пришёл на путь греха искусственно, через профессию. Далее, когда он глубже входит в роль, вот тут у него и начинается последний этап – покаяние, потому что у него как у профессионала остался выход – спасение себя через спасение своего героя. Он осознанно вошёл в роль и осознанно из неё вышел. Человеческая же, индивидуальная свобода выбора диктует ему как действие одно – покаяние.

❓ – В светском театре актёр ведь тоже «погружается» в роль.

– Но он не соизмеряет это погружение со шкалой духовных, религиозных ценностей. Светский театр не даёт такого понятия – «греховность образа». А духовный – даёт.

Во что же тогда погружается светский актёр? Если нет греховного анализа, то и подлинной глубины роли нет. Правды нет, в основном есть только чувственность с позиции: хороший или плохой человек (а для каждого общества эти понятия меняются, а понятие греховности постоянно во все времена). Кроме того, сколько случаев, когда актёры не могут до конца вернуться в реальность, возникают психозы, неврозы, другие болезни, а главное – уверенность, что я лучше своего героя.

❓ – Но здесь есть опасность, так сказать, «отстранения в роли». То есть где та граница, когда актёр живёт в роли, а когда он как бы со стороны смотрит на свою роль?

Татьяна Белевич: – Так это ведь и есть самая трудная актёрская технологическая особенность. И владеют ей очень немногие. Сейчас – век личностей. Личностное становится очень важным и в актёрстве, и в режиссуре.

❓ – Что такое личность?

– Личность на сцене не означает отстранённость, наблюдение со стороны. Неверно думать так. Актёрская личность – это способность к полному соединению с другим, вымышленным, человеком как на почве грехов, так и на почве достоинств. И чем полнее соединение, тем крупнее личность, личность роли.

В жизни человек чаще сходится с другим человеком на почве грехов. Значит, и с ролью можно сойтись на почве грехов. Это, наверно, самый простой путь, но он и самый глубокий, связующий, это – сострадание, оно само по себе сильная вещь. Но у тебя остаётся, коли ты профессионал, осознание роли сверху. То есть спасает тебя твоё личностное начало верующего человека.

Никита Астахов: – Вот приходит к нам новый актёр, демонстрирует навыки, полученные в театральной школе. Это хорошо. А нужно, чтобы были в артисте не только профессиональные качества, главное – мировоззрение, и оно

первостепенно. Я предпочту взять на работу недостаточно профессионального человека, но чтобы в нём была заложена потребность искать религиозный смысл в спектакле. Профессия (уже в новом качестве) приобретётся обязательно. Сейчас пошло новое поколение, их как раз это и интересует. Со стариками я много боролся, а молодёжь всё берёт как-то сразу, с лёту.

Это и есть самое сильное – религиозное соединение с ролью. Оно не просто глубокое – глубочайшее. Оно в результате то же самое, что и «я в предлагаемых обстоятельствах», по Станиславскому, но есть здесь другой, самый главный момент – почему и называется *духовный театр* – я могу покаяться за чужой грех, за своего персонажа, он ведь тоже живой человек, и я могу его защитить.

Кроме того (и это важно), актёр за своё прикосновение к греху, пропускание его через себя может покаяться своим отношением к греху не только за персонажа, но и за самого себя.

❓ – Разве может быть у актёра отношение к роли в момент её проживания на сцене?

– В глубине души – может. Это отношение выражается в сострадании. А сострадание – религиозное чувство, оно возникает спонтанно. Есть отношение к роли, но именно как результат, а не как процесс.

В творчестве всегда нужно ловить момент, когда, если себя активно не проявлять, не давить на себя, а просто настроить свою внутреннюю антенну на восприятие, она воспримет сама. Добиться этой внутренней свободы невозможно железной математикой или силой воли, можно только через веру.

Почему у человека возникают мысли, открытия? Говорят: родилось это. А человек в это время ходил, пил, ел, думал. Но в глубине подсознания верил, что получится, что откроется. Артисту нужно знать, как себя вести, нужно уметь создавать в работе... такое положение сознания и тела, добиваться такой внутренней свободы (в этом и есть смысл понятия «сценическая свобода»), когда начинаешь понимать – тебя озаряет. Но озарение может (мы уже условились) быть с двух сторон. И роль режиссёра

православного театра заключается как раз в том, чтобы уметь определять адресата этого поступления. Поэтому так важно режиссёру благословение отцов церкви.

Я работаю с артистами над новым материалом всегда с религиозных позиций. Сначала: «Давайте, говорите!» Говорят неохотно, потом увлекаются, начинают спорить. Я слушаю всех, нахожусь в том жадном состоянии, которое можно определить как «всех успеть услышать и понять». Но, подобно скульптору, отсекаю ненужные, лишние суждения, напластования. Во мне уже есть годами выработанное ощущение правильности направления. Как человек мягкий, я могу где-то и уступить, но, что интересно, заметил – сразу начинаю заболеть физически.

Думаю, скоро уже не нужно будет таких больших споров в коллективе, потому что и я, и артисты моего театра – мы будем уже больше знать, ведь мы не стоим на месте, движемся вперёд вместе со всеми. Я заметил, что духовный рост идёт в человеке постоянно: и там, где ты вчера был неопытным, сегодня начинаешь укрепляться.

? – Существуют ли в России театры, подобные вашему? Есть ли у вас обратная связь с ними? Вероятно, там, в глубинной России, рассчитывают иметь некое руководство к действию в создании и деятельности подобного рода театров?

Татьяна Белевич: – Я думаю, что потребность в этом сегодня большая. Хотя театров, подобных нашему, нет. Но есть театры, которые становятся на православный путь. Есть отдельные сценические формы духовно-религиозного содержания. К нам обращаются с просьбами, даже требованиями, создать методички, передать опыт. Сейчас, конечно, творческие коллективы начинают обращаться к религиозной тематике, но не всегда это удачно. В основном это повторы того, что мы уже прошли в начале своего пути – свечи в руках, белые балахоны на актёрах... Но это только форма, а важно содержание, внутренний багаж актёра, режиссёра, их личный, духовный опыт. Этого не сыграешь. Это надо иметь, надо накопить, выстрадать. Да, теперь нас уже интересуют не только ре-

лигиозные сюжеты. На определённом периоде это было необходимо и важно. Но уже нужно брать все аспекты жизни человеческой, только рассматривать их с православных позиций.

Я убеждена, что это и для Москвы необходимо, потому что надо честно признать, что с переходом в XXI век атеистический театр обречён. Поскольку общество отошло от коммунизма, значит, оно отошло и от атеизма, т. е. от сатанинской атеистической идеологии, на которой зиждился весь советский театр, упрямо выполняющий директиву Ленина: «Нам мало уничтожить Церковь, нам надо её заменить, и единственный институт, который может это сделать, – это театр».

Никита Астахов: – Я думаю, что в XXI веке на русский театр ляжет огромная ответственность, созидательные отголоски которой пройдут по всему театральному миру. Безбожный театр должен покаяться за содеянное: за то, что отвёл зрителя от религии, увёл его из Церкви. Если говорить о покаянии всей страны, то мне кажется, что оно должно начаться с искусства (театра), с бывшего советского искусства. Современный наш театр пока же продолжает существовать в непокаянном русле.

Атеистическое искусство не могло быть построено на высочайших принципах, значит, от многих существующих «принципов» можно легко отказаться. Что такое было советское искусство? Поддержка ложной идеи. Но многие театры, слава Богу, оставили за собой право сохранить христианские ценности, взять их на вооружение. Театр именно этим и ценен как общественный институт. И чем смелее мы будем эти ценности вводить в жизнь театров, тем легче будет отрезать уже отжившее.

Когда (по Ивану Ильину, великому русскому философу) произойдёт воцерковление всех государственных направлений, тогда мы и будем жить в православном государстве. Вот это и есть задача каждого. И этим должны заниматься художники, потому что, как говорил Василий Макарович Шукшин, «они – в авангарде общества, потому что быстрее улавливают те волны, которые идут сверху». Театр «ГЛАС» изначально стоит на этом пути.

❓ – **Театр «ГЛАС» – одновременно и духовный, и русский. В Москве это, наверное, единственный такой театр, позиционирующий свою национальную принадлежность. Чем это вызвано?**

Никита Астахов: – Не единственный. Есть и другие... Но ответить на вопрос можно вопросом. А почему пишется и говорится «Русская православная церковь», «Русский музей», «Русский дом», «Русская школа», «Русское слово» и т. д.?.. Наш театр старается помогать русской Церкви. Кроме того, почему можно говорить, что есть татарская культура, угро-финская, украинская, молдавская, армянская, но нельзя говорить, что есть русская?

И ещё. В последнее время национальный вопрос у нас в стране очень уж заострился. И не русскими он поднят.

❓ – **Почему это произошло?**

– Всегда Россию боялись.

❓ – **Почему же?**

– Считают, что Россия огромна и надо разделить её на части. Если сравнить Россию с другими государствами, то она действительно очень большой организм. И могучий.

❓ – **Была ведь Россия и не огромна в те времена, когда разрозненные удельные княжества враждовали между собой.**

– Объединение всегда было сутью России. Вот она и превратилась в большую страну, стала, как наша мечта, велика, а мечта наша – это Святая Русь. Россия – это не просто география, но и духовная глубина. Ведь основополагающая мысль русского человека заключается в достижении праведности – вот такая громадная цель у России. Это её сверхсверхзадача. Ощущение Святой Руси как пространства внутри каждого живущего на этом пространстве – за этим тянутся не только в России, но и в мире, потому что нигде ничего подобного нет. Это стремление является тем самым балансом, который сдерживает противоборческие силы в мире, и, как ни стараются разрушить Россию, на неё только и надеются. Это уже скорее из категорий столкновения Тьмы и Света. Россия громадна духом, щедро. И в этом смысле вся надежда человечества

именно во взгляде на Россию как на своё духовное спасение.

❓ – **Почему Вы считаете, что спасение мира заключено в России?**

– Все наши богословы-философы как один поднимали эту тему (Иван Александрович Ильин, Павел Александрович Флоренский, Василий Васильевич Розанов). У Ивана Ильина есть большие работы о спасении мира, в которых России отводится ключевая роль. Ильин видел, например, в Пушкине «воплощение русской духовной очевидности, породившей спасительную традицию: из глубины сердца созерцать Бога, поддерживать Богом хранимые национальные силы». Мы поклоняемся гениям русской литературы и культуры, свято чтим их труды. Для нас священны места, связанные с художественными и духовными гениями великой России: Пушкиным, Достоевским, Некрасовым, Чеховым, Глинкой, Чайковским, Римским-Корсаковым, Суриковым, Репиным.

Русское население не имеет западных устойчивых традиций к межэтническим конфликтам. На Западе же, для которого противостояние – историческая норма, веками формировался индивидуализм как элементарная реакция на сохранение себя. Все теперешние европейские союзы – следствие исторического этапного движения к выработке прочной защиты от существующих и гипотетических внешних угроз. Русский характер живёт перспективой дружбы, братства, единства. Идея соборности опирается именно на эти наши традиции. «Будущее сокрыто от человеческого взора, – писал Ильин, – и чья традиция соответствует истине – покажет только время».

Россия – гигантская страна, и «крот истории» копает здесь медленно. Но глобальное противостояние Тьмы Свету тревожит, оно особо ощутимо в сегодняшнем мире. Фёдор Иванович Тютчев писал: «В истории человеческих обществ существует роковой закон. Великие кары наступают не тогда, когда беззаконие царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Взрыв разражается при первой (робкой) попытке возврата к добру. И тогда нынешние поколения расплачиваются за преды-

душие». Эти взгляды скоро выйдут на первый план. И задача православного художника в том, чтобы донести эти мысли до сознания человека. Здесь роль театра становится необычайно важной, поскольку это публичное искусство и поскольку это искусство эмоциональное, а мы знаем, что осознанию способствует эмоция.

В своё время знаменитый русский философ и публицист Иван Лукьянович Солоневич писал: «Самая решающая проблема нашего национального бытия заключается в отказе от всяких призраков – то есть от всякой лжи, активной и тем более пассивной лжи... Мы обязаны знать: от этого и только от этого зависит всё наше будущее – и личное, и национальное».

Поэтому театр «ГЛАС» – русский, без всяких «призраков», утверждаю я. И я сам – русский человек и могу заниматься только русским: у меня русские гены, я знаю русскую деревню, знаю Россию, объездил её с запада на восток и с севера на юг. Я знаю людей, и не только людей театра. И ещё: во мне начинают работать болевые ощущения только тогда, когда они приложимы к национальной почве.

Сейчас все боятся быть нищими: прагматизм, материализм, который всегда давил на людей, сегодня набрал свою мощь до такой степени, что все теперь катастрофически боятся нищенства и боятся... духовности. У Гоголя есть прекрасная фраза: «Наша русская интеллигенция ещё не поняла всех достоинств быть нищими». Гоголь русскую интеллигенцию ставил в лидеры всей мировой интеллигенции. Я тоже думаю, что наступит время: мы немного попереживаем, пошарахаемся из стороны в сторону, и тогда русская интеллигенция сможет совершить свой подвиг – сломать стереотип страха перед нищенством. Ведь рост духовности зависит от умаления материального начала в человеке.

Татьяна Белевич: – Русскому человеку свойственно было всегда защищаться от нападков, вот исторически и сформировались такие своеобразные защитные формы: Иван-дурак, Емеля и др.

Сергей Залыгин хорошо сказал как-то об этом: «Я думал, тема Ивана-дурака не появится

больше, отработана уже, но потом, с огромной современной силой, она проявилась у Шукшина во многих его произведениях, особенно и напрямую – в «До третьих петухов».

Но у нас нет ни одного дурачка, который был бы канонизирован, а юродивые есть. Например, Василий Блаженный, Ксения Петербургская. Есть икона «Прибавление ума», а вот иконы «Русский дурак» нет. Иван-дурак – это какая-то промежуточная ступень между светским и религиозным, и она необходима. Она ведёт туда – к сердцу народа. Иван-дурак – мифологизированный персонаж русских волшебных сказок. Он воплощает в себе некую особую сказочную традицию, не исходящую из постулатов практицизма, а опирающуюся на поиск собственных решений, зачастую, казалось бы, противоречащих общепринятому здравому смыслу, но в конечном счёте оказывающихся верными. Изобретательность, мастеровитость, недюжинный ум делают этого героя очень привлекательным в глазах его окружения, читателей и зрителей. Иван-дурак или ничего не делает, или делает как будто заведомо бесполезные, бессмысленные вещи, но в дальнейшем-то и раскрывается их пророческий смысл. И в этом он близок к юродивым. Причастность к «заумной» речи тоже делает его схожим с юродивыми.

❓ – **А почему языческое и христианское на Руси находятся, скажем так, в несколько напряжённых отношениях?**

– Противопоставлений одного другому здесь нет, языческая Русь очень плавно перешла в православие. Можно даже найти иконы, где христианство напрямую соединяется с отзвуками язычества. Этот переход длился достаточно большое время. Ведь что такое поменять веру народа?!.. Интересный факт: христиане в I веке назывались атеистами, потому что тогда было ещё язычество, многобожие, и все верили языческим богам, а христиане им не верили, и их называли атеистами.

❓ – **Вы используете в своих спектаклях русскую этнографию?**

– Всё, что близко слову «русский» по выразительным театральным средствам, всё ис-

пользуется. У нас в самом названии заложено это – «русский театр». Моя позиция здесь такова: пусть присутствуют разные национальности в театре (в частности, в нашем), но все мы должны быть по духу русскими. Мы ведь на сегодняшний день это свойство растеряли основательно, говорим «русский», а в паспорте уже национальность не пишется. Но дело не в том, что отменили в паспорте, а в том, что в душе человек перестаёт быть русским. Ведь что такое – русский? Это «мой дом – твой дом», щедрость, широта души, разудалость – вся наша обширная география разместилась в душе.

Народ – это язык. Сейчас лихо все перескочили на американские словечки: роке-ры-брокеры, спичрайтеры, ди-джеи, бонусы, маркетинги... Почему нужно сплошь заповолять наш родной язык американским сленгом? Мне это непонятно. Теряется исконно русское. И это страшно. Нация пропадает. Как бы изнутри исчезает. Отказывается от своего национального, Богом ей данного таланта. Выгоднее становится быть мелким, винтиком, серой мышью, а Ильёй Муромцем, Рогожиным, Сусаниным, Мышкиным – глупо, ещё поднимут на смех за наивность. Для меня же все эти (и другие) собирательные и нарицательные образы людей России близки и дороги.

В театре «ГЛАС» много людей разных национальностей, но больше – русских. Вообще национальный состав коллектива – это всё равно что вопрос пола: кого в театре должно быть больше – мужчин или женщин? Я заметил, что если женщин больше, то возникает тогда в театральном организме своеобразное женское понимание жизни. Это опасная штука для театра, я внимательно слежу за тем, чтобы в театре было мужское сознание. «Театр» даже как слово – мужского рода. У нас директор – женщина, и я очень внимателен к этому факту, да и сама Татьяна Георгиевна хорошо понимает, что всё в коллективе должно быть гармонично. Я слежу, чтобы не было доминирующей «женской интонации» в театральной работе.

Надо равняться в этом на православную церковь. В церкви ведь женщина в алтарь не допускается: её служба – уборка, продажа свеч,

иконок, принятие поминальных записок. Главное слово здесь – слово священника-мужчины, и это правильно, и с этим все согласны, так и должно быть: мужчина должен совершать главные дела, потому что несёт ответственность он. А вот у католиков пытаются ввести женское священство. В православной церкви есть и святые – женщины, есть и настоятельницы монастырей (женских, конечно).

Точно так же и национальность. Театр русский. Значит, должно быть так: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Представьте себе, что представитель другой национальности пришёл на работу в русский духовный театр и целый день слушает, предположим, таджикскую музыку (такое бывало) только потому, что это ему близко и понятно. У нас теперь вообще постороннюю музыку на работе не слушают. Один из наших водителей работал раньше в индийском посольстве, так он рассказывал, что те, кого он возил (индусы), слушали на магнитоле только индийскую музыку и никакую другую, русскую в том числе.

❓ – **Всё старинное – русское, а также русский танец, фольклор – всё это наше огромное богатство, по сути, ушло из жизни, и сегодня, особенно молодому зрителю, похоже, непонятно.**

Татьяна Белевич: – Это и есть наша задача – вернуть русский дух, чтобы современные юноши и девушки воспринимали не только то, что им навязывают, а чтобы им становилось интересно самим выбрать для себя близкое. Вот у нас идёт Шукшин. Приходят на спектакль старшеклассники, как они сами себя называют, «дискотечники», ну, думаем, сейчас начнутся разговоры-пересуды, мол, Шукшин – деревня, но... была совершенно чудесная реакция, ребятам понравились и частушки, и народное пение, и они стали приходить в театр регулярно.

❓ – **Почему же «русское» как-то незаметно уходит из жизни?**

– Потому что те, кто насаждает «культуру», являются как раз приверженцами всего нерусского.

Включаешь радио в машине – нет ни одной русской песни, если что на русском языке и

звучит, так это «Радио-шансон», или попросту кабацко-блатной репертуар. И это преподносится как песенное совершенство. Если же что-то русское поют – это уже счастье большое. Бедный слушатель – он же привыкает к убойному звуку, «долбёжка», которая бьёт по мозгам, – её же слушают и русские люди. И их ухо уже не пропускает те волны, те звуки, которые являются духоносными, всё заблокировано, зашлаковано, уже невозможно слышать Слово, понимать его культурный смысл. Ругаться матом стало престижно, это как бы пропуск в жизнь – значит, свой. Повсеместно идёт насаждение антикультуры, и в школе, и даже в семье считается, что это и есть норма, – потому что везде так.

❓ – Почему же народ (русский народ) позволяет себе такую жизнь? Почему он допустил, что страна почти спилась, что многие люди не живут в чистоте мыслей и помыслов?

– Народ измучен, издёрган, изуродован. Основной же грех в том, что мы отошли от православия и его нравственных устоев. Это тяжкий грех, плоды которого мы до сих пор пожинаем и расплата за который налицо. Человек, который знает и верит, что надо постоять за Христа, за веру православную, он человек не просто любящий собрата, он принципиален во всём, что касается нравственных устоев и веры. Потому что всё остальное: мерзопакостное богохульство, грязь, брань, проституция, разврат, обман, воровство, наркомания, убийство – тяжчайшие грехи. Человек верующий это знает, и он хотя бы пытается не допустить в себе греха, хотя бы в чём-то, хотя бы в основных вещах по силам своим, а сил всё меньше и меньше, потому что государственной поддержки в вопросах веры мало. Уже покупают церкви, храмы, место под них можно запросто приобрести за деньги. Можно и эфир купить, и оружие купить, купить совесть. От нищеты это, говорят. А почему нищета? Потому что попустили грех царевубийства. Нищета – это наказание. Должно быть у русского народа покаяние, покаяние в том, что произошло богоотступничество. Можно возразить: вот в других странах, там, вероятно, все верующие материально хорошо живут, зна-

чит, их Бог не оставляет. Может быть, Бог их как раз и оставляет... в покое, а нам даёт такие страшные страдания, чтобы мы вернулись к истокам и действовали.

❓ – Мы ведь далеки от покаяния в массе своей.

– В массе, к сожалению, да. Но это потому, что вся антикультура наша нацелена на то, чтобы из народа сделать быдло.

Никита Астахов: – Мне думается, что древо познания добра и зла, желание познать ещё больше, ещё значительно особенно влечёт русского человека, потому что он необыкновенно любознателен. Ему всегда всего мало: качество это, конечно, хорошее, но при этом, возможно, как результат – транжирство.

Иногда в нашем человеке торжествует зверь. Но даже при этом есть место раскаянию. Фёдор Михайлович Достоевский, когда сидел в остроге, писал, что даже в самом страшном убийце видел иногда проявление высоты. И у него же есть изречение, что «русскому как никому другому свойственно оскотиниваться». Но это значит – надо держать себя, не распускать. Русский человек годами может лежать и ничего не делать (Обломов, Илья Муромец), но, если вдуматься, то это тоже от широты душевной. При нашей такой вот вольготности, когда нет в нас немецкого подхлестывания (Штольц), можно и не очнуться от спячки. Или все вдруг начинают относиться к уму, к прагматичности как к главной движущей силе, как к панацее. Но и это абсолютно неверно. Сейчас наукой уже доказано, что ум вторичен, значит, есть нечто первичное. Значит, существует какая-то информация прежде, а это же потом ум её перерабатывает, причём эту информацию воспринимает не только мозг, а всё наше существо... У нас, у интеллигенции, есть даже такое заболевание «гордость ума», всё самое главное – в уме, интеллект прежде всего. А ум ведь вещь обоюдоострая. Ум надо держать в узде, не давать ему распускаться, он тебя может так «закрутить», что в секунду станешь... Наполеоном или Раскольниковым. Надо держать ум, как и некоторые другие органы в нашем теле, в ежовых рукавицах. Как-то слышал от одного дьякона,

«Ревизор» (Н. Гоголь)

что некоторые органы надо выстёгивать, чтобы они не довели над душой человека.

❓ – **Значит, важна человеческая воля?**

– Нет, воля даётся свыше. Господь даёт каждому разум и волю. А человеку дано право выбора. Ева могла от яблока откусить или не откусить...

❓ – **А свобода?**

Татьяна Белевич: – Старцы говорят: свобода – это освобождение от дурных привычек, от своей греховности. Если ты можешь отказаться от того, чего хочется, – то в этом и есть твоя сила. То есть ты становишься свободным от того, что тебя держит. И чем больше преодолеваешь дурных привычек, желаний – тем больше у тебя свободы от них. Вот истинная свобода! В общем-то это стремление к святости!

А у нас ведь теперь всё перепутано. Свободой называют вседозволенность. Приукрашение греха – вот главный грех искусства. Потому и видим разнузданных «героев» на экранах и на подмостках, пригретых обаянием актёров. Герои нынче – это обаятельные киллеры, убийцы, или служители правопорядка с уничтожительным прозвищем «менты», или красивые аферисты, или путаны... А ведь раньше даже стеснялись произносить слово «проститутка» – это считалось позорно. Тотальное грехопадение! И театр в этом занимает, к сожалению, не последнее место.

Никита Астахов: – Сейчас время определения. Кто с кем? Кто есть кто?! Кому любо

государство Российское, кому наплевать, а кто вообще его ненавидит! Это раньше все в сумерках ходили. Всё кругом было ни белое, ни чёрное, а одна серость. Сейчас другое время. Нужно выходить на свет!

У каждого свой крест. Но кроме того, чтобы нести этот крест, его ещё важно осознать, принять и так направить его к солнцу, чтобы солнечные лучи, преломляясь, освещали ночь, светили людям. Вот она, степень осознания, что и церковь, относящаяся к актёрам не иначе как с холодком, говоря о них «лицедеи», убедилась в том, что и сцена, и актёр, и театр могут нести свет и истину. А зритель... Театр «ГЛАС» открывают для себя люди из разных стран, разных религий и социальных статусов. Свет нужен любому, свет нужен каждому.

«Русский крест» (Н. Мельников)

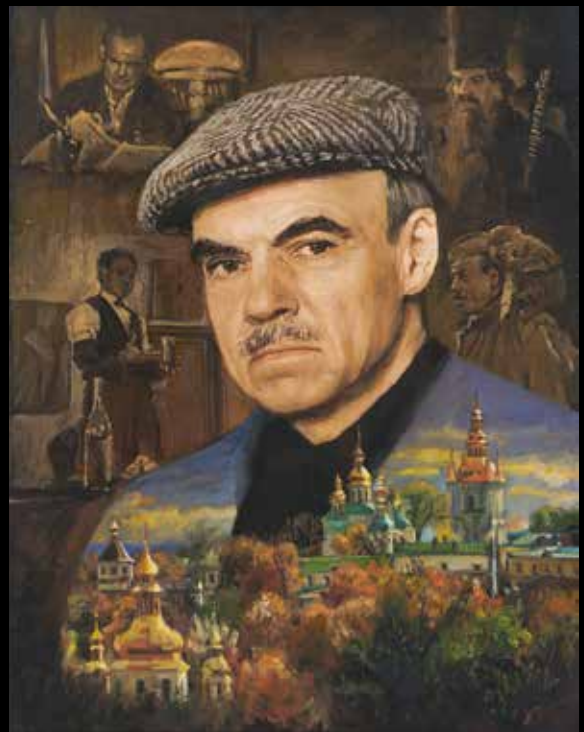
«Сказки из сундука. Петр и Феврония» (И. Денисова)

Никас Сафронов. Романтическое представление о Мариинском театре в Петербурге.
Х., м. 36 x 46. 2007

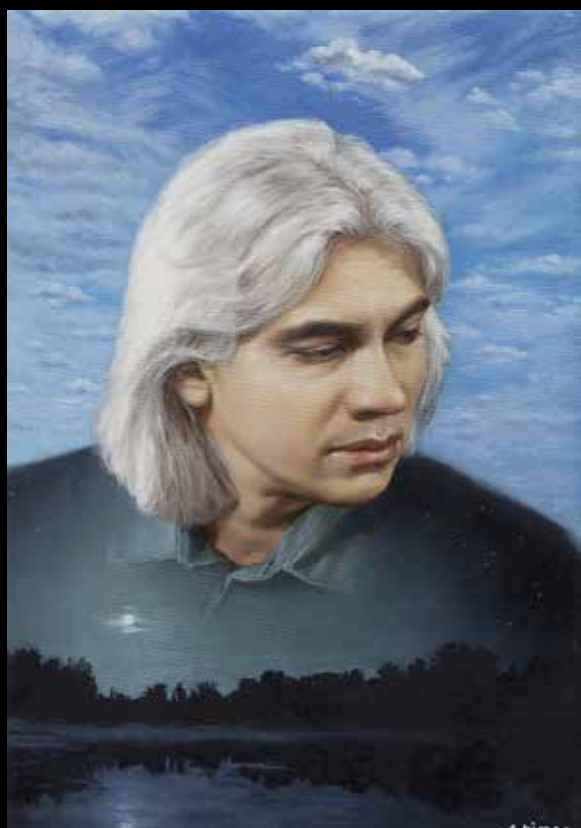
Никас Сафронов. Константин Райкин

Никас Сафронов. Портрет Михаила
Глузского. Х., м., 52 x 41, 2018

Никас Сафронов. Легкость бытия, или
Иллюзия танца. Х., м. 41 x 62. 2009

Никас Сафронов. Вдохновение (Дмитрий
Хворостовский). Х., м. 50 x 35. 2013

Никас Сафронов. Мир – театр, и мы все в нём
играем свои роли. Х., м. 51 x 51. 2012

Проводы

Николай ЖЕЛЕЗНЯК

На краю села она остановилась отдышаться. Ей не хватало воздуха. Больше от волнения.

Помнил ли Олег Николаевич, как в наполненной ночными шорохами хате босиком, в одной ночнушке она в полубормоке стояла во мраке напротив отведённой ему постели и ожидала, что он тихо, чтобы не разбудить её мужа, позовёт к себе? Она и сейчас была уверена, что гость их не спал, хотя и ничем не выдавал бодрствования...

Тёплые ночи, весна окончательно установилась. Огромная полная луна висела позади.

Ставни соседнего дома не закрыты, и она отважно посмотрела в темень омота оконного стекла, себе в лицо. В сумеречной подсветке месяца овал виделся молодым, морщинок не заметно. Она поправила ореол чёрной чёлки, взбила немного позадорнее и тут же растрепала – бессмысленные надежды.

Всю дорогу прошла пешком, торопилась так, что сбила ноги. Давно не надёванные босо-

ножки натирала. Когда-то нарядные, праздничные, они были извлечены из небытия громоздкого чемодана, запывлившегося под кроватью серым мохнатым покрывалом. Почти бежала сюда, к этому невысокому штакетнику, за которым прорисовался на ночном небе подсвеченный огнями собственных окон дом с чёрным квадратом открытого чердака. Для заселения кукушкой. Аиста хозяевам ждать поздно.

Калитка скрипнула, входная дверь стукнула. И ещё приподняв остро торчащий вверх подбородок, она вошла к звукам многих голосов.

Провожали пожилого мужчину, усаженного на почётное место во главе стола, составленного из нескольких, что скрывали цветастые клеёнки, наброшенные внахлёст. Поутру Олег Николаевич уезжал в Сибирь, домой. Седина, конечно, и возраст уже, но какая выправка, и сухой, резкий очерк лица. И взгляд бледно-зелёных мягких глаз. Взгляд на неё. Олег Николаевич опустил наполненную до краёв гранёную рюмку на столешницу, слова тоста не успели

прозвучать. Митя Мельник, хозяйнуя, предложил ей присесть. Замахал лопатищами – лопати мельницы – рук. Да и гости приветственно загудели. Вернее, мужчины высказались одобрительно. Женщины переглянулись, покивали. Незамужняя, да. Однако вдова. И тем не менее.

Хозяйка поставила перед ней тарелку, шутя предложила ухаживать за собой. Что-то говорили вокруг все, балакали о том о сём с привычным южным тюканьем. Разговор метался через стол замысловатыми переплётами, обрывался, зачинался, перескакивал.

– Ты послухай, что Олег Николаевич кажет, когда ещё умного человека доведётся. В нашем-то захолустье. Дальний путь, сколько часовых поясов.

Выпили за Олега Николаевича. Другой раз. Не опять, а снова. За хорошего человека не грех. Только пригубляла она.

Рядом к нему не подсесть. Женщин разместили на противоположном краю стола. Не перекинуться с ним словом. Не сказать, что на душе. Не высказать. Ещё раз встретились их взгляды.

– Передайте соль, пожалуйста.

Обратиться неудобно. Смотрят, казалось, все на них. Кто не в упор, в глаза, так исподволь. А что они знают? Сплетни одни.

Наконец запели. Она не решилась начать, и Настасья завела высоким своим голосом. Подпевала и она, но не перетягивая на себя. Ещё песню затянули. Шутки, смех. Удержала пальцами скользкую прозрачную косынку. Сползла с плеч, открыв шею случайно.

Она так посидела-посидела и ушла – все не о ней разговаривают. Вернее, он не замечает. Ведь за-ради него пришла. Не видит, не хочет видеть. Значит, так пусть и будет, так пусть и остаётся. Раз так сложилось. Другого уж не случится в жизни.

Бабам сказала, нужно за коровой больной посмотреть. Всё как у всех, живность в каждом дворе. Нашла предлог, сослалась на занятость.

Он вышел из-за стола за ней вслед. Сознавал, все догадаются о причине, но ничего не мог поделаться с собой, не мог не выйти. Сразу и без

повода. Увязался хозяин, Дмитрий, поняв отлучку как перекур. Хлопнул по плечу, он улыбнулся в ответ. Решал же, колеблясь, проводить её или не нужно? Можно или нельзя? Как уйти от людей, собравшихся из-за него, жаждавших общения? Невозможно, нет, никак. Или просто пойти – и всё?

Задержалась за воротами на дорожке, и он приблизился, войдя в густую лунную тень от высокого вяза. Привычно прячась от солнцепёка или боясь видеть друг друга? Блеснули глаза на мгновенье, и опять опустила пушистые ресницы, скрыв золотые блёстки на дне синих озёр.

– Мария, рано уходите. – Он запнулся с недодуманным продолжением. Прощаться надо.

Дмитрий угощающе протянул раскрытую мятую пачку сигарет некурящему гостю. Он облизал пересохшие губы. Её не разглядеть вдосталь во мраке, а как рядом она – не забыть. Светлые волосы, смуглое лицо, двойной изгиб дуг бровей, улыбка с ямочками. И чёрный рот – девически припухлые губы.

Он хотел... хочет предложить... сейчас предложит проводить её, ну хоть до поворота. Кто-то ещё выдвинулся на крыльцо. Из чрева дома в приоткрытую дверь донёсся сдержанный хохот. Может, свернув за угол, с глаз следящих долой, он решился бы и пошёл с ней дальше... решится и пойдёт дальше до самой её хаты. Но Дмитрий уже зовёт обратно продолжать. Боится потерять желанную незаигранную игрушку.

Гости ждут.

– Ещё расскажите за те волны и свет.

Да, свет заливает её всю. Удаляется отчётливая чеканно-стройная фигура, колыхнется блестящий подол платья, движимый неуверенными в правильности выбора заплетающимися ногами в бесконечность. Идёт по дорожке вдоль невысокого прозрачного забора, оглядывается – на прощание. Простились уже они. И нечего сказать больше. Вот-вот исчезнет во тьме.

Он знал, куда она пойдёт, весь её путь, самолично не раз хоженный. Сейчас за околлицей с трескающегося поперечными натужными жилами асфальтового большака она тут же, не

пугаясь живущей впотьмах совсем крошечной темени и её звуков, свернёт на накатанный просёлок (проложенный так давно, что никто из ныне живущих и не помнит когда, да и не задумывается о том никто), петляющий по ровному полю-выгулу, ведряным днём густо пылящий, пыхтящий мучным, медленно рассеивающимся облаком после каждой машины, как прежде телеги, но ныне пустынный в ночи, затем с просёлка, вихляющего уже по-над опушкой, вскоре вновь резкий левый заворот, и далее – нырок на протоптанную торопыгами тропинку и наскрозь, через дубки в рощу, широко обнимающую извилистую речушку, таящуюся на дне оврага в глуби чащи, – к себе обратно, откуда недавно пришла. И вот так-то пойдёт всё короткой дорогой, напрямки зачем-то. Торопиться ведь не к кому, хоть и есть куда. Никто не ждёт в тихих стенах, где мерно прохаживаются одни ходики между двух нешироких окон.

Бежать ли она будет или идти неспешно шагом? Убегать от него или отдаляться? Но – навсегда.

И он не только знал весь этот её путь домой открытым просёлком и лесными тропками, эту пару с гаком, как говорили местные, километров (где, собственно, гак был ещё в пять километров), в спрятанное в неглубокой ложбине у тихого, поросшего камышом и осокой ручья сельцо, и знойными, и морозными, и слякотными днями обозревающее единственной улицей неогороженный и, казалось, потому неудержимый погост по-за прозрачной акациевой рощей на взгорке, стремящийся на винтах крестов улететь в обыкновенные безоблачные небеса. Но он, и наверняка, ведал, что появилась на этих его проводах она специально, пришла именно к нему, на встречу к нему, навстречу ему, проводить, не побоясь неизбежных пересудов. В отчаянной надежде удержаться.

Ведь бывает же счастье на свете, бывает. Всё равно – бывает. Случается. Она в это верила, вера эта помогала ей жить. И девчонкой, и сейчас, после заката красоты, молодости, дня. Она взмахнула на ходу руками, будто радостно всплеснула, дирижируя самой себе, подымая,

лишь быстро отёрла ладонями щёки от слёз. Совсем незаметно для окружающих.

Она обернулась, сворачивая за угол. Его не было. Повернулся до дому с Митькой.

И она запела. Она всегда пела свои песни, которые сочиняла и не записывала. Она просто помнила их, не в силах забыть, хоть и много их вылилось последние годы из тревожного, откликающегося на частые горести и редкие радости сердца. Наверное, сочиняла, чтобы и мозг был занят, а не только руки, ухаживающие за домом, хозяйством, садом. Держала и огромный, ненужный ей в таком просторе огород. Занимала себя. И корова ещё, птица. Гомон жизни. И собака жила ещё и кошка у неё.

Чувствовала она, как отзывалось сердце его на каждую песню. «Только тебе нравится, как я пою». Он, переставая лучисто, понимающе улыбаться, удивлялся, как так может быть. Народ же любил народные песни, а её пока таковыми не стали.

Соседи попервах, услышав пение, заходили погугарить, опасаясь за неё: не случилось ли чего с головой?

Запела она, когда осталась одна, когда муж умер. А дочь уж давно жила в городе, своей семьёй. Соседи поволновались, но быстро успокоились. Она осталась такой же: уверенной и размеренной. И внешне не изменилась. А в душу ведь не залезешь. Как ни пытайся расшевелить разговором.

Одиноко стала жить. И стало одиноко. Дочь не приезжала, внуков не привозила. Нескольким раз по осени сама к ней выбиралась погостить. Урожай привозила в сумках. Ехать без гостинцев было отчего-то зазорно, хотя зять и не косился, молчал только всё, телевизор смотрел – бесконечный футбол, благо спутник. Автобусами-то на перекладных всего четыре часа ехать. Не спеша, за неделю выкопав картошку, подсаживалась в попутную бортовую машину, мешки водитель помогал закинуть в кузов.

И она шла и пела о размытых влагой, приближающихся и оттого больших звёздах и мягкой, невидимой под ногами дороге. Словно и не знаешь, куда ты идёшь, не выбирая пути.

Словно ведёт тебя кто-то сверху. А о том, как по стезе можно идти рука об руку с тем, кто тебе дорог, и так идти по земле без конца и края – о любви, – петь не хотелось. Простые слова помогали переживать и проживать выпавшую на долю участь. Которую осталось доживать. Так рано, так рано всё закончилось, не успев и начаться. Всё пройдёт, и скоро и ей уходить.

Они уж совсем собрались заходить в дом (задержались на крыльце, он, одновременно говоря и думая о ней, отвечал на почтительные вопросы хозяина), вторую сигарету под беседу докурив Дмитрий, тщательно сменяя сапогом окурок на цементном дворе, как появился, нарисовавшись узким бестелесным призраком, тощий Михеич. Третьим, закругляя мужскую компанию до нужного числа. О чём и пошутил, достав из-за полы кургузого пиджака нагретую в нагрудном кармане короткошею початую бутылку с любовно очищенным самогоном, припрятанным от злюки-змеюки жены, и предложил. Он отказался. Дмитрий же гостя и горластого соседа не обидел.

Выбегал Михеич до ветру в кусты, не прельщаясь будкой туалета. О чём и поведал, похохатывая, с колоритными подробностями: запутался в колючих ветвях. Могли случиться и тяжёлые для будущего наследства последствия. Темно, да и некогда разбираться жаждущему опорожниться страждущему. Михеич опять хохотнул, оторвав смачно залипшие губы от горлышка, и сообщил, что видал Марию. Оглядывалась она, задержалась у угла, где улица переходила в дорогу, выбегающую в поле.

Ещё раз оглянулась, ждала, значит, что он проводит, надеялась. Надеялась, решится он пойти вослед ей.

Сидя за столом, окружённый поющими протяжные и вольные, как степь, песни людьми, он вспоминал, как впервые оказался в её хате три года назад, попав на её день рождения (сорок семь, не жеманясь сообщила она), которой планировала отмечать вдвоём с рыхлым брюзгой мужем. Тогда он в первый раз приехал в это приграничное село Грайворонского района на Белгородчине, где за четыре дня до того

умер его отец. Давно ушедший от его матери, от детей и от него, из семьи, поселившийся в этих местах у новой жены, встреченной им в длительной командировке геологоразведывательной партии. И он, единственный из всех – ни два его брата, ни, естественно, мать, тем более болея, да и не простила она бывшего мужа, не поехали – неожиданно собрал чемодан и поехал к отцу, узнав о его смерти. Друг детства отца, поддерживавший с ним переписку, сообщил. Но на похороны он опоздал, вернее, и не мог успеть, так как далеко.

Под вечер нашёл свежую могилу, убранную кольцом из пластиковых венков после недавнего погребения, на уже пустынном сельском кладбище. Посидел на сварной металлической лавочке под вытягивающимся к нарождающему серпику месяца ясенем у соседнего холмика, уже обжитого осиротевшими родственниками некоего Остапчука. Затем вернулся в недавно пройденное по дороге на кладбище вытянутое вдоль улицы село, чтобы найти ночлег. Ему хотелось утром вернуться на могилу. В оборванные навсегда узы кровного родства ещё не верилось, память детства, тепло общения с отцом не отпускали никогда, заставляя многожды думать и страдать от воспоминаний. И зашёл в первую хату, где призывно горел рано зажжённый свет. И он потянулся на этот огонь.

Промолчал в тот вечер о причине приезда, не желая портить новым знакомым тихое маленькое торжество. Лишь поинтересовался с порога фамилией приютившей отзывчивой четы, где инициативой владела она. На всякий случай, чтобы не попасть в семью отца, состав которой даже точно не знал. Удовлетворяя любопытство хозяев, весь вечер рассказывал о своих научных работах и поездках. И видел, с каким интересом она смотрит и как вспыхнула, когда их пальцы столкнулись во время подачи кушанья.

Мария потом взялась помочь, весь год ухаживала за могилой отца, сажала цветы, убирала, выпалывала сорняки. А однажды ночью, в следующий приезд, он вновь спал на тахте в соседней со спальней хозяев комнате, в хате, где у комнат нет дверей, а только цвета-

стые ситцевые занавески в проёмах меж белых наличников, и она осторожно подошла к его постели от спящего и сопящего зобом во сне мужа и в поскрипывающей переминающимся от неуверенности половицами темноте очень долго стояла неподалёку от его кровати, а он притворялся, что спит. И, похоже, она понимала, чувствовала, что он не спит. Так долго она ожидала, стояла и ждала, растягивая тикающие мгновения уходящей в прошлое жизни. Темнота не позволяла увидеть её, только светлело пятно ночной сорочки, приближая зарю.

Тогда поутру он уехал, чтоб вернуться опять этим летом, в отпуск, последний перед пенсией. Митя Мельник, шофёр, живший в соседнем большом селе, подбросивший однажды на своём КамАЗе, повёз его на поезд.

Сегодня она не пошла сразу домой, заглянула на могилу мужа, посидела около, обняв руками колени, помолчала с ним вдвоём и не пела. Село давно затихло внизу, в ногах, у подножья холма. Ночь объяла тёплыми крылами её сдвинутые вперёд плечи, обнявшие бьющееся сердце. Светила огромная, жидко-жёлтая, вся в серых потёках слёз луна. Изредка пролетали спутники, где-то в городе зять пользовался их сигналами, дочь же и внуки спокойно почивали и видели лёгкие быстротечные сны. И она была счастлива тому.

А он, убедив разгорячённое общество, что его внезапный отъезд необходим по работе – вызывают, – сидел на скамейке на станции,

оставленный ожидать проходящий поезд незнакомым, но трезвым Мельниковым знакомцем, польстившимся на деньги. Сидел и думал, что жизнь может ветвиться, пути-дороги те неисповедимы нам, и каждый человек и его душа настолько огромны, что вмещают весь мир во всём его многообразии.

Думал о жене, оставленной далеко, не понимающей поездок к несуществующему для её понимания отцу, которого он не видел с детства, вспоминал её, к которой теперь ехал, возвращаясь домой. И размышлял о жизни с женой: вижу твои глаза, слышу твой голос, вижу лицо, а о чём ты думаешь – не знаю. Он изменил однажды, ей сообщили доброхоты. И с тех пор знал, что если ушёл из дома, то она и об этом наверняка думала, обязательно думала, он точно это знал. И это влияло на его жизнь, на него, на их отношения и на его отношение к жене. И лучше бы не знать вовсе, о чём она думает теперь. А о чём ещё думает – кроме того, о чём он знает, – того он не знал.

Звёзды щедро окропили ночь, над их склонёнными долу головами качались длинные метлы веток тополя, не в силах смести с небес россыпи миров.

Она встала, отряхнула платье, сняла босоножки и босиком пошла домой – торопиться было некуда. Он уехал к жене, с ней он жил намного дольше, чем без неё.

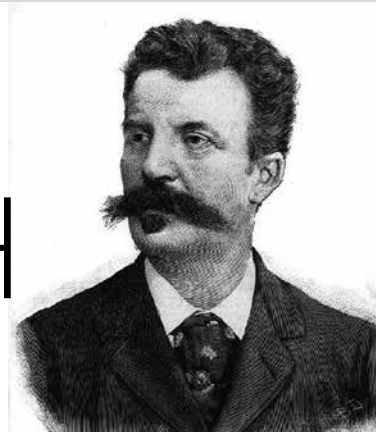
Близился рассвет, расставляющий всё на свои места.

Василий КИЛЯКОВ

ЧЕХОВ И МОПАССАН

Перечитывал А. П. Чехова, в том числе и рассказ «Архиерей». Удивительное мастерство. Рассказ был написан в 1902 году – вершина творчества. Когда читаешь рассказ, невольно охватываешь взором русскую жизнь: луна, тени за окном, старая мать с племянниками, окружающие архиерея люди с думами «себе на уме», хмурое небо, снеговая грязная каша...

Вербное воскресенье выбрал А. П. Чехов для рассказа «Архиерей». Не могу назвать рассказа лучше, удивительный шедевр, исключительное умение дать явное через тайное. А какое совершенство формы! Скажут: невелика заслуга хвалить хвалёных, и всё же... Чехова сравнивают с Ги де Мопассаном, такие разные таланты. Под пером Мопассана жизнь нередко убога и вульгарна. Мопассан смеялся, плакал со своими персонажами, но никогда не задавался вопросом: «Что же будет?» И скорее всего не верил, что жизнь будет лучше, что вообще возможна «хорошая» «французская жизнь». Главная задача Мопассана – открыть общее через единичный, казалось бы, факт. Чехову гораздо важнее движение человеческой души.

Открытия Мопассана радуют, но не поражают. «Нормандец», «Туан» («Антуан», «Туан – моя марка»), «Пышка», «Лунный свет», «Плетельщица стульев» заставляют и улыбнуться, и погрузить, и... посмеяться. Ранний Чехов тоже смешит, но он не насмешлив (в противоположность Мопассану, этому «выученику Гюстава Флобера»). Мопассан, как предполагают иные исследователи, был внебрачным отпрыском непревзойдённого мастера слова – Флобера. Он

и обучил «сына» искусству тонкой иронии на французский манер). И всё же «Мопассан холоден как лёд. Порой – как леденец», – так сказал о нём классик японской литературы Акутагава Рюноске. И попал в десятку.

А. П. Чехов не холоден нигде. Наш классик тоже высоко ценил талант Мопассана именно за отчётливое *чувство личной свободы*. Это «чувство свободы» нелегко далось французам. Они прошли через суды, и не однажды. Флобер – по обвинению в публикации «безнравственного» романа «Мадам Бовари», который признали аморальным. Роман не запретили, но «рекомендовали писателю соблюдать приличия». Мопассан – за некоторые стихотворения, за поэму «На берегу» – тоже осуждался. Флобер поддерживал «сына»-«выученика» (выражение по П. В. Боборькину) во всём. Иронично писал о том, как представлял себе суд над Мопассаном «по обвинению в порнографии» (заметим, они привлекались к суду за несравнимо меньшие вольности, чем те «публикации», которые позволяют себе сегодняшние «литераторы» у нас). Известные книги Бальзака, Стендаля, Гюго и др. запрещал Ватикан... И Золя преследовали, и удушили дымом то ли «за убеждения», то ли за защиту Дрейфуса. Настолько свободны были писатели Франции при всём принуждении «господ сочинителей» к соблюдению моральных норм... Теперь, в нынешней Европе, это кажется невероятным.

«Чувство личной свободы» все названные и признанные писатели и у нас отвоёвывали непросто. Старый профессор в «Скучной истории» Чехова говорит: «Я не скажу, чтобы французские книжки были и умны, и талантливы,

и благородны: но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – *чувство личной свободы...*»

И. А. Бунин в очерке о Чехове тоже говорил о чувстве *личной свободы* – и своей, и писателя Чехова. Определил Иван Алексеевич важнейший вопрос так: «Эта свобода не прошла ему даром...»

...В рассказе-шедевре «Архиерей» много того, что никак не назовёшь сродни *чувству личной свободы*. Этот кусок жизни так подан, что волнует и сейчас – и беллетристов, и тех, кто ориентирован на классиков. Удивительно: рассказ по памяти, если начинаешь пересказывать, то и пересказать-то (как будто) нечего, всё происходит внутри самого Архиерея, с его душой случается. А точнее – с душами каждого из нас и с нашими судьбами: повышения, понижения по службе, «по карьерной лестнице», учёба, служение... И главное – то именно чувство одиночества, когда с кем-нибудь хочется поговорить и... не с кем. Единственно, надежда увидеться и перемолвиться с матерью. Но и она отделена от сына его высоким саном.

А. Н. Толстой говорил: «Чехов выцвел, как акварель». Чехов – удивительно современный художник. Всё это: кухарки, сумерки, мужики, овраги – и сейчас можно найти без труда. То, что называют «мраком» и «унынием» в его писаниях, – всё решительно от жалости, сочувствия и необычайной любви к людям. Этого не видят, не желают понимать и принимать. Но и сам А. П. Чехов, к сожалению, не обладал властью освободить и ближних, и себя самого от власти греха, «рабства» (которое он «выдавливал по капле»). Он мечтал о личной свободе, о свободе для всех людей, не только для литераторов. И когда умер, «выражение счастья появилось на его сразу помолодевшем лице...» (И. Бунин).

И всё же непонятно, отчего умер Архиерей? От несвежей рыбы? От брюшного тифа? От отравления? От тягот нашей жизни? Оправдан ли такой конец рассказа?

Архиерей заболел от одиночества, от неустроенности. Ни одна душа не понимала его, словом не с кем перекинуться было: отец Сисой, келейники, Вербные воскресенья... О том же (в другом рассказе) трогательный разговор

Ионы с лошастью. О том же «Дама с собачкой» и ставшее нарицательным, символом одиночества: «а осетринка-то была с душком...» Болезненные, с усталости, серые, «безнадёжные» рисунки жизни?.. Так ли? Но от изображения реальной жизни, от меланхолии и картин, как бы написанных от уныния и *серости* многих чеховских героев, жизнь не стала ни лучше и ни хуже.

Чеховские герои – «маленькие люди» – «с охотой» показывают сами себя нам самим – показывают (через свои потаённые черты) нас же, все *наши* или многие наши недостатки и достоинства. Мужчины в произведениях Чехова безвольны, бездельники, лгуны, мечтатели... Женщины у Чехова глупы, слезливы, нечистоплотны, нахальны... Прелюбодеяние и женщины, и мужчины – все считают грехом, но сожительствуют со всяким и со всякой... Одна из важных черт жизни – расхождение слова и дела. Так было до Чехова, было при нём и позже, и теперь. Писатель словно говорит нам, упрекает, что люди, как бараны, долго соображают: что делать перед новыми воротами. И если им сотворяют-делают иную «жизнь», обрушивают им на головы «реформы» – то обязательно таких дел наворочают, что только держись. Суть же проста, как говорят в народе: «Всяк за себя, один Бог за всех».

Чеховские архиереи, учительницы, мужики в себе носят именно национальный характер. Не лишённые воли к жизни, иные, стремящиеся к высотам архиерейским, – умирают в догадках о сущности бытия, человеческой породы и вообще – о надобности жизни...

В тоске и «мрачности» А. П. Чехова – такая несказанно бездонная христианская любовь к человеку, что трудно сыскать подобное сострадание у других признанных классиков. И это выгодно отличает Чехова от «свободных», вернее – от отсудивших себе право «личной свободы» французов. Этого почему-то не видят ни критики, ни читатели. Об этом не пишут и не говорят, то ли не понимают, то ли замалчивают. Битва за «свободу» французами, да и всей Европой «выиграна». Но вот только что обрела от этого мировая литература?..

Валерий РУМЯНЦЕВ

МИРАЖ

Когда бросаются в глаза
Будь то уродство иль краса,
То вряд ли вас хотят убить –
Скорее, просто ослепить.

Своей отвагой, красотой,
Ежеминутной суетой,
Неординарностью манер,
Незнанием привычных мер.

Всё это вывалив на вас,
Скрывают суть от ваших глаз.
А суть всегда одна и та ж:
Все наши знания – мираж.

И мы идём на миражи
С надеждою в груди всю жизнь.

Всё, что бросается в глаза,
То услаждая, то дерзя,
Не стоит принимать всерьёз
И допускать в мир сладких грёз.

Забралом линз прикрыв глаза,
Уйдя в себя от суеты,
Тем, кто снаружи егозят,
Не дай украсть твои мечты.

Они последний твой оплот
В краю бесчисленных потерь.
Они твой шанс пройти вперёд
Сквозь кем-то запертую дверь.

Закрой глаза, чтоб видеть суть,
Не отвлекаясь на мираж.
Смысл жизни в том, чтоб заглянуть
За бутфорский антураж.

* * *

Когда в порыве вдохновенья
Перед глазами цель видна,
То появляются мгновенья,
Что кажется, достал до дна.

Когда, впадая в неизбежность,
Бежишь по лезвию ножа,
Теряешь по дороге нежность
И мёртвой кажется душа.

Коль жизнь становится паскудной
И сердце вянет и скорбит,
Жить без обид, без жалоб трудно.
Всё тяготит... И даже быт.

Когда года идут на убыль,
В душе засохли все цветы...
Мне говорят: «Остались клумбы...»
Но это всё – мечты, мечты...

* * *

Фашистов сила тёмная
Идёт который год.
«Вставай, страна огромная...»
Не слышал наш народ.

Горит и кружится планета.
Над нашей Родиною дым...
Но даже лучшие поэты
Не могут написать об этом,
Чтоб было ясно молодым.

Не вышла на берег Катюша
Хотя бы мельком между строчек.
Не можем никого послушать,
Как дарят синенький платочек.

Не все вернулись с поля боя.
Ведь вроде всё, как и всегда.
Хоть небо снова голубое,
Но всё не так, не так... Беда.

* * *

Мы жили рассветом, дышали мечтой
И строили Русь для потомков.
Увлёкшись своей деловой суетой,
Не знали, что нас ждут потёмки.

Теперь мы живём, как кроты в темноте.
У каждого вырыта норка.
И Русь – как распятый Иисус на кресте,
Как зритель, кричащий с галёрки.

* * *

Я видел, как вдруг обнажается бездна,
Как мир одурманенный лезет во тьму,
Как Ложь отмечает победу помпезно,
Когда все мы вместе стоим на краю.

Мне ветер событий натягивал нервы
И ночью, и днём от зари до зари.
Во мне, как в бою, совершались маневры
И рвали на части меня изнутри.

Хороших сейчас новостей не бывает:
Там взрывы, пожары, там кто-то убит...
И Вера, Надежда, Любовь убывают.
Так чем же закончится этот гамбит?

* * *

Цвела сирень в предместье мая.
Предместьем мая был апрель.
Сирени запах отгесняя,
На рынке жарили форель.

И, в аромат весны вплетаясь,
Плыл в воздухе тяжёлый чад,
По переулкам разлетаясь
И задирая всех подряд.

Что ложка дёгтя в бочке мёда?
Её заметит лишь знаток.
Что чад для праздного народа?
Знак – не заморен червячок.

А заморить бы не мешало –
В конце концов, лишь раз живём.
И торопиться не пристало:
И так проходят день за днём.

И незаметно, сам собою
Менялся у людей маршрут.
И вот они уже гурьбою
К форели весело идут.

Манипулировать толпою
Не так уж сложно, если знать,
Как хорошо людьми порою
Желудки могут управлять.

Что может аромат сирени?
Его теснят на задний план,
Коль шашлыки или пельмени
Свой запах посылают вам.

Вот так же быт теснит искусство
Колоннами никчёмных дел.
И у меня такое чувство,
Что это – явный беспредел.

Но мир таков, каким задуман.
Не мне судить, хорош иль плох.
Я лишь могу следить угрюмо
За мельтешением эпох.

* * *

Я на льдине стою под названием «Жизнь».
Льдина мчит по житейскому морю.
Ах, какие она выдаёт виражи,
Когда с ветрами встречными спорит!

Ветры зависти, глупости, ссор
Всё пытались замедлить движенье,
Но их натискам наперекор
Я плыву через боль и сомненья.

Духом падал порой. Но вставал.
И судьба била в грудь, а не в спину.
Я открытой душою весь мир принимал,
А тем временем таяла льдина.

Жизнь – награда. И кажется, я на коне
Как участник земного парада.
А награда всё тает и тает во мне.
Как стремительно тает награда...

* * *

Яркая зелень омытой травы.
Дождь потрудился на славу.
Сколько дождям выпадает хулы!
Граждане, вы не правы.

Дождик-трудяга всю жизнь на износ,
О выходных не мечтая.
Разве он мало вам пользы принёс,
Дачи в жару поливая?

Да, неудобства он тоже несёт:
Можно промокнуть до нитки.
И даже зонтик порой не спасёт –
Только спиртные напитки.

Но лишь представьте: не стало дождей.
Камнем земля застыла.
Можно, конечно, прожить и на ней –
Всё в мире в наших силах.

Можно прожить, но подобная жизнь
Вряд ли доставит радость,
Коль в нашей памяти будут свежи
Прежние водопады.

Над раскалённым от зноя песком
Капли дождя как благо.
Воспоминаний гнетущий ком
Вспыхнет вдруг, как бумага.

И разгорится в душе пожар
Горестных сожалений.
Граждане, дождь – это Божий дар,
К чуду прикосновенье.

Дождь – это жизнь. И в комплекте идут
Жизненные невзгоды.
Кто-то усмотрит в этом хомут.
Кто-то – дары природы.

Кто-то по лужам бежит босиком,
Кто-то простуд боится.
Кто-то неспешным дождливым днём
Ищет плоды грибницы.

Что для одних неудобства и жуть,
То для других – отрада.
Не предъявляйте претензий к дождю,
Граждане. Вы – не WADA.

Там всё понятно: плодить ерунду –
Это доходов кучи.
Там в чём угодно зацепку найдут,
Если заказ получен.

Сколько на свете бессмысленных дел!
Так для чего их множить?
Страсть к очернительству – это удел
Бездарей и убожеств.

И обвинений ничтожных набор
Вряд ли сердца согреет.
Не выносите дождю приговор,
Станьте хоть чуть мудрее.

* * *

Дни отпадают, словно яблоки в саду
Сырьём для сидра или кальвадоса.
Я среди опавших дней в туман бреду
На берег жизни списанным матросом.

А мой корабль уходит без меня,
Ведомый неумелым капитаном.
Туда, где неизвестная земля
Таится под защитой ураганов.

Иду в туман – и будто брызги волн
Вокруг меня застыли в ожиданье.
Мне кажется: вот-вот ворвётся шторм
И затрясёт, как парус, мирозданье.

Мне кажется, а может, так и есть,
В тумане этом всякое возможно.
Быть может, я уже совсем не здесь,
Коль брызги волн я ощущаю кожей.

Я с экипажем там, на корабле,
Только меня никто не замечает.
Корабль летит куда-то в полумгле,
Неторопливо палубой качая.

Как будто бы невидимая нить
Влечёт его к небесному порталу.
И, ничего не в силах изменить,
Я вижу, что корабль летит на скалы.

Натали ДОНЧ

Образование высшее. Автор девяти сборников стихотворений.

Имеет публикации в журналах «Наш современник», «Александръ», в поэтических сборниках «Победный май», «Пора в космос» и других изданиях. Член Союза писателей России.

* * *

Меж двух кулис магическое место,
Здесь каждый день творятся чудеса,
Здесь Мельпомена красотой жеста
Нас высоко уносит в небеса.
Здесь были и Ардалион, Порфирий,
Борясь за души светлые людей,
Играли на сладкоголосой лире,
Чтоб каждый был мудрее и добрей.
Меж двух кулис, меж двух объятий неба
Как много нам в прекрасный дар дано,
Миг ожидания трепетен, волшебен,
Звездой любви здесь всё освещено...

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Бабочка в театр запорхнула,
Приняла спектакль за цветок,
И в софитах жаркого июля
Слово словно дивный лепесток.
И театр вдруг преобразился,
Стали краски ярче и живей,
Зрителю такому удивился,
Постарался быть добрей, милей.
Стал театр словно луг цветущий,
Ароматом наполняя всех,
Красоту и радость в мир несущий,
Получил заслуженный успех.
Приходите, зрители, в театр,
Залетайте, бабочки, на свет,
Есть всегда для каждого спектакль
И для каждой бабочки свой цвет...

* * *

Театр оставляет впечатление
От времени, от места, от людей,
Границ возможных всех преодоление,
Созвездие звуков, красок и идей.

Путь, странствие в неизвестное, новое,
Разлуки, встречи, странности судьбы,
В душе волнение, трепетно знакомое,
Свет магии, добра и свет мольбы...

* * *

Пробился солнца яркий луч
Сквозь сумрачные тучи,
Он дерзок, добр и могуч,
Он наш счастливый случай.
В полях ромашки, васильки
И поцелуи мака,
В объятиях света и реки
Рождается спектакль.
Дождей серебряных шаги,
Небесных слёз атаки,
Бегут тропинки и стежки,
Рождается спектакль.
Есть в нашем мире чудачки,
Судьбы находят знаки,
Тоске и злобе вопреки
Рождается спектакль...

Катерина ЧЕКАНОВСКАЯ

Художественный руководитель центра искусств «Столичный Театрограф», артистка балета и директор «Театра цыганского танца Фламенко» под руководством В. А. Клеймёнова.

Звонок, ещё один. Звук возник где-то из глубины сна, именно в тот момент, который связывает «до» и «после», когда разум ещё не взял верх, а тело не сжалось в пружину из хитина. Я не слышала его, я его видела. Это не было похоже на гудок, шум или бряцанье. Это было слово, напечатанное на пишущей машинке. Взятые в кавычки четыре буквы чёрного цвета – «ЗВУК».

Оно перемещалось в пространстве, словно старый лакей, деликатно и ненавязчиво. С устаревшими манерами, не следуя законам физики и здравого смысла. То вытягивалось в струну и замирало под потолком, то уважительно кланялось, мягко опускаясь до паркетных плашек. Обогнув острые углы консоли, ненадолго остановилось возле напольного зеркала, желая увидеть своё отражение.

В зеркале, недавно отметившем свой столетний юбилей, была видна та часть кухни, где стоял круглый стол с тёмно-зелёной гранёной вазой и расставленными вокруг него венскими стульями с красной обивкой и вишнёвыми бархатными

подушками. Раз-два-три, раз-два-три – звук стал вальсировать между их ножками, при этом не теряя из виду своё отражение. Всё это сбивало его с толку в домашнем лабиринте из действительности и зазеркалья. Он попятился, неловко оступился и рассыпался на отдельные символы. С сожалением о случившемся дали знать оконные стёкла. Они ответили своим дребезжанием «звук, звук, вз...». Вот вы разжужжались! Слишком громко, слишком.

Мне надоело за этим следить, и я окончательно пробудилась. Новый день и меня теперь разделяла только полоска света между ресницами. В размытом изображении можно увидеть приёмы импрессионистов. Никаких чётких линий, всё предельно естественно, мимолётно и изменчиво. Только пастельные мазки: жёлтые, сиреневые, сизые и розовые. Сновидение не хотело уходить и, как маленькая голубая бабочка, своими тонкими крылышками и лапками старалось хоть как-то задержаться в моей памяти. Пытаясь помочь ему, я составила цветную паутинку в виде черт любимого лица, которое видела ночью. Но образ неумолимо отдалялся от меня, постепенно растворяясь и обесцвечиваясь. Вот он, этот миг, когда пора сладко потянуться, расправить крылышки, которые любезно оставила бабочка, и начать жить. От детской беззаботности меня

отделяла только известная всем печаль, которая бывает после таких снов.

Тупое и саднящее чувство где-то в области сердца и солнечного сплетения. Но и оно незаметно пропадает, стоит только принять душ и заварить кофе. Очень хочется кофе.

Пора, хватит лентяйничать. Резко вскочив с кровати, так, что даже потемнело в глазах, я накинула шерстяной плед и пошла проверить, кто же звонил. Это вполне мог быть дворник и непременно с просьбой подвинуть машину, потому что чистят кровлю от снега. И тогда, минуя утренний моцион, надо быстро выскочить во двор, успев накинуть первый попавшийся свитер и шапку. Забыть ключи от автомобиля, вспомнить об этом в лифте, который уже успел проехать половину пути... Успеваю расстроиться. Хотя какой снег? Уже давно апрель. Да, видно, я ещё не проснулась.

Напевая песенку про то, что журчат ручьи и сплят лучи, и посмотрев в глазок, открываю дверь.

Квартира уже залита дневным ярким светом, и я не сразу разбираю, что находится в тёмном пространстве лестничной клетки. Тянет прохладой, чувствуется сладкий запах винтажных духов, свердловских булочек, изюма, суповых приправ, горьковатого аромата мать-и-мачехи, стирального порошка и яблочного мыла. Слышится шелест от конфетных фантиков, от движения шерстяного платка, хруст песчинок под изношенной подошвой и лёгкий вздох. Ещё чуть-чуть и... «Катруся! Катеринушка! Просыпайся, дочка». Всё это тянется бесконечно долго. В рассеивающейся понемногу темноте я замечаю нелепый образ – передо мной стоит Время. Оно не смотрит на меня. У него нет лица, и я не знаю, есть ли у него глаза. Время кутается в лисью шубу.

Из-под длинного подола выглядывают непонятного оттенка кожаные ботинки разного размера. В них вдеты потрёпанные шнурки. Один из них развязан. Из разъехавшихся швов странного одеяния выглядывает красная юбка в светлый горошек и коричневый бантик, фантик от сливовой карамели и коробка из-под монпансье, обрывки бумаги и карандаши, планшет из-под акварели с истраченной фиолетовой краской. Эх, расползаются наши воспоминания по ниточке, по шерстиночке. Бесплезно

вглядываться и цепляться за подробности. Предметы сразу меняют форму и цвет. Я понимаю, что под слоями этих вещей, глубоко внутри, спрятано самое дорогое. И только меня посетила эта мысль, как я услышала, что кто-то открыл подъезд и принёс с собой ветер. Дверь с грохотом захлопнулась перед моим носом. Окна в квартире растахнулись. Что-то тревожное, прозрачное, еле заметное пронеслось мимо меня. Это хтонические божества, безучастные сквозняки, верные спутники воспоминаний. Они знают всё что было, всё что есть и всё что будет. Я, кажется, читала, что они похожи на японских рюкин или нимф. Внешне молчаливы, изящны, носят прохладные шёлковые одежды. Присутствие своё выдают по возникающему вдруг чувству печального очарования. Значит, они коснулись вашей кожи своими одеждами.

Я безуспешно боролась с дверью. Сквозняки были сильнее меня, они крепко опутали её своими вуалевыми хвостами, и все мои попытки были тщетны. Знала ли я, что в этот ранний час, который ещё не скоро перерастёт в полдень, когда крыши домов ещё не накалились от солнца, а люди уже спешат по своим делам, окажусь подхваченной потоком ветра в собственной квартире?

Следуя маршрутом, проложенным Звуком, я то поднимаюсь под самый потолок, то опускаюсь, почти касаясь паркета. Но почему так тихо? Как во сне. Всё-таки ранний звонок не смог разбудить меня и выдернуть из царства богини Нут, женщины, приподнявшейся на цыпочках над Землёй.

Оказавшись перед старинным зеркалом, не нахожу себя в его глубине. Но в этом зазеркалье, словно диафильмы, передо мной начинают проноситься облики и очертания городского пейзажа: машины, астрономы, трамваи, повозки, липовые и каштановые аллеи, кондитерская фабрика и часовой завод, керосиновая сторожка и... И я начинаю скользить по этим островам вневременного искусства год за годом назад, стремительно лечу сквозь всю кустодиевскую палитру, хаотично смешивая кадры.

Я ищу знакомые черты любимого лица. И вдруг всё замерло. Пропали краски, здания, люди. Никого нет. Никого нет вокруг. А я – это белый лист бумаги. И на мне напечатаны всего четыре буквы чёрного цвета, взятые в кавычки.

ЛЮБОВЬ К ТЕАТРУ

Наталья ЛИПАТОВА

Инженер-технолог, конструктор, закройщик, дизайнер, художник по костюмам, модельер, блогер.

Окончила Ульяновский государственный университет, факультет управления, технологии и дизайна. Специальность – «инженер-технолог швейных изделий», с защитой конструкторского диплома, с созданием и пошивом коллекции вечерних платьев.

По роду деятельности чаще всего – создание костюма от эскиза до полного воплощения образа, включая отделку, аппликации и полное декорирование.

Сфера деятельности работы очень широка: театр, кино, мюзиклы, шоу-балет и шоу-бизнес, эстрада, спорт, в том числе фигурное катание, детские и взрослые танцевальные костюмы всех направлений, чирлидинг, свадебная и вечерняя одежда, а также увлечение литературой и искусством.

Хотя я люблю всё, чем занимаюсь, театральные проекты у меня всегда были, есть и будут на особом положении. Проекты всегда разные. Каждый новый проект – это всегда новые условия работы, это новые встречи и знакомства, новые или уже знакомые лица, разные сценические площадки и много ещё чего.

Нисколько не покривлю душой, если скажу, что проект, о котором сейчас пойдёт речь, оказался для меня самым интересным и необычным за последние пару лет...

В этот раз всё началось со звонка из Испании.

«Наташа, привет. Как ты? Ты мне очень нужна! Ты очень занята?»

Это была Юлия Акс – художник, декоратор, сценарист, писатель... И мой давний друг и соратник по театральным проектам. Нас как-то неожиданно и нежданно для обеих свела судьба в этом бескрайнем мегаполисе, имя которому – Москва.

Мы сработались с Юлей практически ментально. Два профессионала, понимающие друг друга с полуслова, безгранично доверяющие друг другу во всём. Обязательность и пунктуальность каждой из нас тоже сыграли не последнюю роль в наших отношениях, которыми я очень дорожу и по сей день.

Несколько лет назад Юля уехала из страны. Навсегда... Для меня это был удар... Мы редко переписывались с Юлей, иногда созванивались. У каждой своя жизнь, свои заботы в этом вечно спешащем мире.

Юлины слова «Ты мне очень нужна» могли означать только одно – снова совместная работа, снова театральная постановка! Я дала своё согласие на этот проект. И не зря...

Помимо того что я первый раз работала «в Москве, с Москвой, через Испанию», так ещё и работа моя выступала в очень непривычном для меня амплуа. Задача, которая стояла передо мной в этом проекте, – создание свадебного платья для финальной сцены премьерного спектакля.

И вот платье готово. Оно уехало от меня и начало свою, отличную от меня жизнь. Часы кропотливой работы, половина из которой ручная, позади.

В чём же необычность этого платья?

А необычность в том, что впервые за небольшое время моей работы созданное мною платье выступало не столько в роли одежды, сколько в роли некоего образа и мечты главной героини.

Она не надевает его по ходу спектакля. Но она танцует с ним, разговаривает, как с живым существом. Такова была режиссёрская задумка.

А вдохновителем всего этого действия и моим заказчиком на это платье явилась Екатерина Чекановская, талантливый хореограф, актриса и театральная режиссёр. Это был её дебютный спектакль в качестве режиссёра. Она же была и главной героиней. Как же Катюша была великолепна в этой роли, как была неповторима и грациозна!

Пожалуй, только одной мне понятно, насколько сложно ей было воплотить эту задумку

и так сыграть с этим платьем. А это примерно добрая треть спектакля. Я, конечно, не взвешивала Катино платье, но оно достаточно тяжёлое даже для того, чтобы просто держать его в руках. Помимо этого, платье многослойное и с разнонаправленными драпировками. Плюс отделка – тончайшее кружево, листья из гофрированной органзы и перья. Танцевать и играть на сцене с таким платьем в руках – это высший пилотаж актёрского мастерства. Это не кино, дубли не переснимешь!

И Екатерина мастерски отыграла ей же самой придуманную роль!

Но и это ещё не всё. Интрига ещё и в том, что спектакль, о котором сейчас идёт речь, – это только первая часть трилогии. И вполне возможно, что мы ещё увидим главную героиню в этом платье... Потому что в процессе работы над этим платьем было сделано несколько примерок, и сшито оно точно по меркам Екатерины. И вполне себе носибельно, и Екатерина в нём – прекрасна и нежна. Хотя платье – это, скорее, дополнение к её внешней и внутренней красоте и безграничному обаянию.

Вот такая необычная история случилась у меня не так давно. Тёплая, душевная и очень интересная.

Любовный недуг

Фото автора

Опять не пришла. Жестокая.

Мучает и меня, и моего хозяина. Он мужественно ждёт, не скулит, а только подолгу всматривается в конец аллеи. Я не такой сильный – поскуливаю во сне и наяву. Вздрагиваю и вскакиваю, заслышав вдалеке стук женских каблучков.

Но самое страшное то, что я стал чесаться! Часто и яростно.

Хозяин повёл меня к Иван Иванычу, знакомому ветеринару, которого он уважал, а я нет. Ходил слух, что после очередной неудачи Иван Иваныч спокойно накрывал бедняг белой простынёй и, пожав плечами, говорил: «На всё воля Божья...»

Ненавидел я стерильно чистую, неудобную территорию Иван Иваныча. Так и хотелось мне сморщить нос и показать зубы аккуратной стопке белых простыней на стуле.

Чесотка изводила меня, и визит к ветеринару оказался неизбежным.

Ощупав меня всего, Иван Иваныч объявил: «Практически здоров. Недуг на нервной почве». Он смазал расчёсанные ранки, надел мне на

шею «воротник» и тихо спросил: «Что-то случилось?» Мой хозяин слегка кивнул головой, и мы молча вышли на улицу.

«Конечно, случилось, но не будем же мы рассказывать, что уже две недели девушка Наташа не приходит в кафе, где мы с хозяином ждём её каждый вечер!

Зачем ветеринару знать, что, когда девушка появлялась в конце аллеи и оттуда доносилось «Дейзи, сюда!» – у меня начинало щекотать в носу... Чихая и встряхивая головой, я знал уже, что рядом с девушкой появятся маленькие... торопливые... едва успевающие за цокающими каблучками хозяйки четыре кудрявые лапки...

Разве поймёт ветеринар, как трудно удержаться и не завертеться волчком навстречу розовому бантику, съехавшему на глазки Дейзи?..

Никогда не познать никакому ветеринару великого счастья – сначала замереть, коснувшись носом влажного носика нежной Дейзи, а потом осторожно заглянуть к ней под хвостик!»

Так думал я, уныло семена впереди моего хозяина. А на следующий вечер...

На следующий вечер мы опять ждали.

ПРОШЛОГОДНИЙ МЫС

Летом я опять влюбилась. В женатого. Жена и дочь. Мы встретились во время отдыха на черноморском побережье. Купаться приходили в одно и то же место, в одно и то же время. Но если до приезда этой семьи я получала полное удовольствие от моря, солнца и каменистого, щедро покрытого травой и простыми цветочками берега, то с появлением трёх новичков на диком пляже я начала терять душевный покой.

В то довольно хмурое утро, оставив жену и дочку лежать на огромных цветных полотенцах, мужчина медленно побрёл вдоль берега. Я некоторое время провожала глазами его невысокую плотную фигуру, а когда он скрылся за выступающим с берега камнем, подумала: «Куда же он, а вдруг дождь?» К тому времени я уже познакомилась с этой семьёй, мы иногда перебрасывались общими фразами о погоде, поэтому мне казалось, что если я догоню мужчину и заговорю с ним, это не будет нескромным поступком с моей стороны.

Мужчина шёл не торопясь, и я быстро оказалась рядом с ним. Он улыбнулся:

– Тоже решили прогуляться?

– Да. Сегодня не жарит, ветерок такой приятный!

Помолчали. Шли, разглядывая камешки под ногами.

Потом он сказал:

– В прошлом году мы отдыхали здесь, и я набрёл на небольшой мыс, где-то недалеко отсюда. Приятно было там. Такой же ветерок был.

Он остановился, подобрал самый плоский камешек, посмотрел на воду, с тихим плеском бьющуюся о краешек берега, подбросил камешек в воздух, поймал его и положил в карман светлых брюк.

– Хочу найти прошлогодний мыс, – мужчина грустно улыбнулся чему-то и пошёл дальше.

– Я уверена, она всё там же! – сказала я и двинулась за ним.

Мужчина вдруг остановился, медленно повернулся и, посмотрев на меня странным взглядом, почти прошептал:

– Кто... она?

– Собака! – засмеялась я. – Мои друзья изо всех сил старались уговорить меня приехать сюда

Татьяна ВЛАСОВА

Родилась и росла в Сибири. После окончания школы переехала жить в Прибалтику, в Ригу. Обрела профессию

драматической актрисы, работала в театрах Калининграда, Смоленска, Еревана. Переехав в Москву, поступила на театроведческий факультет ГИТИСа. С 1999 года преподавала русский язык и литературу, актёрское мастерство в штате Техас, США. Окончила в гарландском колледже факультет фотографии. С 2015 года живёт в Москве.

отдыхать. Именно на этот дикий пляж. Так живо описали природу, берег, море, даже открытки с видами прислали, чтобы сильнее заинтересовать! – Мужчина продолжал стоять и молча смотреть на меня. – На одной из открыток, – продолжала я, – был небольшой мыс, покрытый мхом, но, я думаю, на самом деле мыс покрыт низкой густой травой. Я ещё не была там и не...

Он всё ещё смотрел на меня. Мне стало как-то... нелегко.

– Друзья говорили, что берег Чёрного моря удивительно живописный, с красивыми бухтами, гротами, изгибами... А этот мыс на открытке напоминал мне большую собаку! Она лежала, головой касаясь воды, как будто спала... А морда у «собаки» такая добрая! – протараторила я и замолчала,

– А я не увидел никакой собаки, – отводя от меня взгляд, тихо произнёс мужчина, отвернулся и быстрым шагом пошёл дальше.

– Потому что вы, наверное, стояли на самом краю мыса, над морем, а «собаку» можно узнать только издали и сбоку, – стараясь не отстать, я почти бежала за ним.

Вскоре берег затейливо изогнулся, уступая морю, и открылся прекрасный вид на небольшой, покрытый густой зеленью мыс.

– Вот он, ну совсем как на открытке! – ахнула я. – Правда ведь похож на собаку?

Мужчина постоял минуту, задумавшись, затем, глухо сказав «да», стал подниматься по травя-

нистому склону мыса. Мне чудилась тоска в молчании моего спутника. Я ожидала, что его встреча с прошлогодним мысом будет более радостной.

Когда мы уже оказались на самой макушке головы «собаки», ветер, как будто разозлясь, усилился. Особенно доставалось нашим головам – порывы ласкового внизу, на пляже, ветерка здесь отчаянно трепали волосы мужчины, а длинными прядями моих волос несколько раз хлестнули по его лицу. Я испуганно отпрянула в сторону, но мужчина засмеялся, дотянулся до моей руки и притянул меня к себе. Он поцеловал меня. В лоб. Потом, погрузив пальцы в пряди моих волос, задумчиво оглядел моё лицо, сказал:

– У тебя красивые глаза... голубые... да, голубые... – и опять поцеловал. В губы.

Почти каждый день мы встречались на вершине мыса Доброй Собаки хоть на несколько минут. И каждый раз мне казалось, не меня он так нежно целовал... не со мной он был... с другой... на прошлогоднем мысе...

Уезжая с курорта, отдыхающие обычно обмениваются адресами или номерами телефонов, но с уходом лета воспоминания об отдыхе и о новых знакомых постепенно блёкнут. Работа, каждодневные заботы и расстояния между людьми, как правило, ослабляют тягу друг к другу.

Я вернулась домой с визитной карточкой Владимира.

Время шло, но я никак не могла перестать думать об этом мужчине. В моих снах он всегда стоял на вершине мыса Доброй Собаки, где ветер ворошил его тёмные, с редкой сединой волосы. В моих снах он так же, как тогда, на мысе, брал моё лицо в свои ладони, говорил: «У тебя красивые глаза ... голубые... да, голубые...» – и нежно целовал меня. Просыпаясь, я продолжала чувствовать его прикосновения, а вкус поцелуя у меня на губах ещё долго волновал меня. Первое письмо Владимиру было очень коротким, потому что я не была уверена, думает ли он обо мне, как я о нём, помнит ли меня, нас на мысе.

*Мы с вами там были
Не только во снах.
Мы «пса» полюбили,
Что морем пропах.*

Владимир не ответил на моё письмо.

Мне так хотелось удержаться, не писать ему больше, но он продолжал приходить ко мне по ночам. Я не выдержала и вновь послала письмо.

*Туда мне ночью захотелось вдруг,
Казалось, жизнь прекрасна,
Но мне без ваших губ и рук
Там было холодно и страшно.
Я грелась под «ухом», дремала на «лапе»,
Заснула на «шее» у Доброй Собаки.
Приснилось под ласковый лепет волны –
Собака сказала: «Не брошены мы,
Ты жди, не грусти, а верь, что он – твой!» –
И шумно вздохнула, качнув головой.*

Ответа на письмо не было.

Понимая, что никакой надежды у меня уже не должно быть, я опять написала, как крикнула!

*Тот же ветер, что нашу Собаку ваял,
Звёзды в небе вчера разметал!
Упали в волну – и стали морскими!
Схватить я пыталась, плывя между ними,
Одну, но такую, чтобы вы полюбили!
Но нет! Обожгли и в море уплыли!*

Я тщетно ждала ответа, долго и терпеливо, пока не послала последнее письмо.

*Прощаться с любовью туда я приду
И к Доброй Собаке на миг припаду,
Шепну ей: «Спасибо за сладкие грёзы!»
И быстро уйду, чтобы скрыть свои слёзы.*

Я не знала почерка Владимира, но, когда пришёл конверт, лёгкий и без обратного адреса, я сразу почувствовала, что письмо от него и что оно станет единственной памятью об этом мужчине.

В конверте лежала фотография девушки. Прямые длинные пряди светлых волос, почти правильные черты лица, широкая улыбка, прямой взгляд больших глаз. Мне показалось, девушка была очень похожа на меня.

Только её глаза были зелёными.

Рисунок
t.me/mydrawingdiary #я вижу

Экипаж танка Армии России уничтожает колонну из восьми единиц бронетехники ВСУ. Июль 2023 г., Запорожское направление

ТАНК «АЛЁША»

ПОЭМА

Посвящается Казанскому танковому училищу

Ренат ХАРИС

1.

*Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.
Василий Фёдоров*

В день рождения Пушкина-поэта
в центр Казани сходится народ.
Ярким солнцем вся земля согрета,
и стихи взлетают в небосвод.
На татарском языке, на русском –
до небес стих Пушкина летит.
То весёлым к небу мчит, то грустным,

то, как птица, в воздухе парит!
Выступать мне нынче не хотелось –
не готов я
был к речам в тот час.
Лишь в душе
без музыки запелось –
Пушкин,
делибаш
и наш Донбасс...

То ли это тёплые потоки
сам поэт мне в этот день прислал,
но я вспомнил пушкинские строки,
что когда-то Пушкин написал:
«Перестрелка за холмами;

Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьётся красный делибаш...»
Мне всё это,
как во сне, мне снится
иль я вправду вижу наяву,
как у танка ствол стальной дымится,
разрывая
в клочья синеву!

Шелестело
еле слышно лето,
солнце с неба всех жестоко жгло,
и с трибуны,
где стоят поэты,
я сошёл, вздыхая тяжело...

В этот час
в родном краю Донбассе
мой земляк, кипевший бурей сил,
в бой вступил с колонной вражьей мрази
и её бесстрашно разгромил!
Над Донбассом –
задымлённым, мгlistым –
враг исчез,
как призрачный мираж,
а во мне
наперекор фашистам
в памяти возник вдруг «Делибаш...»

В то, что телепатией^{*} зовётся,
верю – это в нашей жизни есть.
Небо в клочья над землёю рвётся.
Нашим миром правят
зло и месть!
Мне в тот день внезапно захотелось
разглядеть сквозь всполохи огня
танк, в котором
есть напор и смелость...
Жаль, в танкисты не возьмут меня!
Стар уже я. И уже не волен
воевать ни день, ни даже час.
Но мой стих летит, как дрон, над полем,
и собою лечит он Донбасс!..

* Телепатия – передача мыслей на расстоянии.

2.

Зачем меня преследует война,
Иль на покой я не имею права?
Сибгат Хаким

...Захожу в училище танкистов.
(Разрешили мне здесь побывать.)
Аккуратно всё вокруг и чисто,
есть что приходящим показать.

В ряд стоят курсанты – те, что в бронзе,
это всё – герои прошлых войн.
При любой угрозе и морозе
каждый здесь стоит, как часовой...

Вот шагаю тихо по музею –
всюду дышит гордость на меня.
И гляжу вокруг я, и робею,
слыша жар далёкого огня.

Кто же только здесь не обучался!
Кто курсантов здесь не обучал!
Где же только русский танк не мчался
и кого он только не встречал!

Не речисты, но душой лучисты,
наши парни всюду шли вперёд.
(Здесь мой брат двоюродный учился,
нынче помощь он Донбассу шлёт).

Много тех, кто к нам стремился рьяно,
ну а после был в России бит.
Узнаю я здесь Гудериана^{**},
что под Курском нами был разбит.
Это с ним в Россию рвались «тигры»^{***},
то есть – танки, злые, словно зверь.
Но война – это совсем не игры,
это всюду –

** Гудериан Гейнц – генерал-полковник вермахта. Его танковая армия была разбита на Курской дуге. В 1926 году, нарушив Версальский договор о запрещении Германии иметь бронетанковые войска, Германия и СССР открывают совместную танковую школу «Кама». В 1929 году подполковник Гудериан приезжает в Казань с инспекционной проверкой.

*** «Тигр» – немецкий тяжёлый танк времён Второй мировой войны, прототипом которого являлся танк VK 45.01 (H), разработанный в 1942 году фирмой «Хеншель».

только кровь и смерть.
Он кричал танкистам: «Drang nach Osten!»
бешеному фюреру впопад...
Но не знал он, что оставят кости
здесь немецких полчища солдат.

Я люблю Отчизну до поджилок,
да и как её мне не любить?
Лишь бы прошлых не свершить ошибок
да с умом с друзьями нам дружить.

...Всё на свете стало беспокойным –
мир наполнен духом боевым.
Я узнал: «Алёша»* – танк, родной нам,
был стальным, а сделался живым!
Словно замыкание случилось
или рядом с нами вспыхнул взрыв,
будто солнце в щели просочилось,
весь музей собою озарив!
Показалось, в этой грозной стали
бьётся сердце, как в живой груди.
И хоть мы от войн уже устали,
но судьба зовёт нас впереди!
И я понял – есть язык у танка,
и глаза,
и уши,
и слова,
и ещё – у танка есть осанка,
а под люком – скрыта голова.
Этот танк – бесстрашен и неистов,
с ним сроднился каждый наш солдат.
Было время, он громил нацистов,
а сегодня стал он экспонат.

Этот танк ни речек не боялся,
ни сирийских огненных пустынь.
В свисте пуль он, как в дождях, купался,
не внимая окрику: «Остынь!»
Не боясь ни армий, ни полиций,
мир насыщен до предела злом.
Кто не видел, как среди столицы
танк огнём плевался в Белый дом?
В этот день он чуть ли не героем
ощущал себя... Ну а потом

* «Алёша» – имя легендарного русского танка, который 6 июня 2023 года (это был день рождения А. С. Пушкина) один разгромил бронекolonну неонацистов и уничтожил множество бандеровцев.

наблюдал, как выходили строем
депутаты, покидая Дом.

Ба́ксиков Раси́м** ещё курсантом
постигал армейские шаги,
потому он не был дилетантом,
когда встали
на пути враги.

А потом – «Алёша», «Ласка», «Лёня» –
слили в общий ком свои сердца,
и сквозь чащу рощи опалённой
в бой рванулись
три лихих бойца!

Жаль, что мы не встретились с Расимом!
Жизнь порой бывает и слепа.
Вот и мы прошли друг с другом мимо...
Боевое время!.. Не судьба...

3.

*Он на вражеские танки
Шёл со связкою гранат,
Не успели оглянуться, –
танки польемем горят...
Фатих Карим*

В своих стихах я говорил не раз
и с солнцем, и со скалами, и с морем,
а то с тяжёлым невозвратным горем,
что всем грозило опечалить нас.
Включив компьютер на один лишь час,
у монитора не сомкнул я глаз
и, как во мраке или же в тумане,
увидел вдруг на голубом экране
всё, что хотел я разглядеть сейчас.

Тут на меня помчались «делибаши»!
Они неслись вдоль пашен и лесов,
а с ними грохот, рык и рёв лесов,
и понял я, что были то не наши.

** Ба́ксиков Раси́м Раши́дович (татарин) – командир танковой роты, который заменил раненого водителя танка по имени «Алёша» – Ф. Евсеева (якут). Сев на его место, Баксиков с командиром танка А. Леваковым (русский) и стрелком А. Неустроевым (якут) в неравном бою уничтожил вражескую бронекolonну. Все четверо – Герои России.

РУССКИЙ ТАНК «АЛЁША»

Я – не казак.
И у меня в руке –
не пика, а всего лишь авторучка.
Здесь дом родной мой. И жена, и внучка.
А «делибаши» – уж недалеко.
Они вот-вот испепелят мой дом!
От них не скрыться, не уединиться.
Хоть обмануть бы! Как-нибудь отбиться...
Но как унять мне этот злой содом?
Ведь будут мстить мне, словно за позор, –
за труд татар, сроднившихся с Донбассом,
за блеск угля, сверкающий алмазом,
за нашу песню, где герой – шахтёр.
Фашисты мне, конечно, отомстят
и помешают жить до мирной жизни.
Но всё равно – мы защитим Отчизну,
чтобы она цвела, как белый сад!

И танк «Алёша», прячась среди берёз,
вдруг выстрелил по вражеской колонне –
да так, что танки замерли на склоне,
как будто каждый там навечно врос.

А наш «Алёша» мчался напролом –
так, что фашисты показали спины.
Горели танки и бронемшины –
всё превращалось там в металлолом!

Спеша «Алёшу» подменить в бою,
другой наш танк вдруг заработал рану.
Но как сражаться с дыркой в башне рваной?
Не навоюешь, повредив броню!

Увидев танк, подстреленный врагом,
«Алёша» тут же тянет его тросом –
под гущу леса, к елям и берёзам,
за видный холм, за ближний бурелом.

Над горькой гарью жаркого металла
летят снаряды с ночи до утра,
и никому в сраженьё не хватало
ни выкриков «Вперёд!» или «Ура!».

В международной душегубной драке
взлетают часто мамы... (И не зря!..)

Но помогают нам не только танки,
а также мощь родного словаря...

«Алёша» вновь – лугами, берегами –
летит вперёд, не опуская взгляд...

Земля покрылась мёртвыми врагами,
мы им не дали убежать назад...

Глазастый дрон – во мне. Ему не спится.
Он видит всё – и полночью, и днём.
Он – на посту,
с осёдланным конём*,
и никогда от них врагу не скрыться!

* Осёдланный конь – это выражение из татарской поговорки: «В сердце настоящего мужчины всегда стоит наготове осёдланный конь», т.е. готовый к защите Отечества.

Ну вот мой конь! Боец мой дорогой.
Трансмиссии натянуты, как жилы.
Есть след царапин...
Экипаж – другой...
А прежний – весь накапливает силы.

Он в край родной уехал отдохнуть,
но дуло танка повернул на запад.
Опять на фронт ему проляжет путь,
и, может, это будет уже завтра.

Душа полна
неудержимых гроз,
плывут над миром ночи и рассветы,
а я «Алёше»
задаю вопрос,
и он даёт мне
чёткие ответы.
Он отвечает на вопрос любой
без грубых слов и ласковых улыбок –
эпохам, странам, людям пред тобой...
Лишь задавай
вопросы без ошибок!

4.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»
М. Ю. Лермонтов. «Бородино»

– Скажи, стальной мой друг «Алёша»,
легко ли жить, погибших множа?
Однажды волка встретил я –
аж вздрогнула душа моя!

Связав три сердца в общий узел –
татарина, якута с русским, –
не побежите ль кто куда,
как с горки быстрая вода?

– Ах, мой поэт! Да я ведь тоже
убитым в битве не хочу
и про себя шепчу: О Боже!
Не дорого ли я плачú?
Способность страхов не бояться
и есть тот воинский порог,
где, прошагав все сто дорог,
мы вновь с врагом готовы драться.

Я знаю, будет он разбит,
а мы здесь обретём победу.
Повсюду взрывов гул гремит,
как будто я по минам еду.
И в тот же миг мои друзья
взмахнули все шестью руками –
и очутился мигом я
лицом к лицу перед врагами.
Враг наступал на нас тогда,
повсюду запах гари плавал,
и танк немецкий я тогда
плевками жгучими расплавил.

– Что? И тебя тревожат дроны?
Враг рушит цельность обороны?
Вон – за снарядом мчит снаряд,
на землю рушится, как град!

– Коль так – меня бы все тут знали
и среди всех героем звали...

Умение нам быть не лишним
дано от матушки Земли,
а храбрость врученá Всевышним.
(Мы с ним стать сильными смогли!)

Герой живёт ради державы,
но кто героем стать горазд?
Мы здесь не ищем лёгкой славы,
да нам и Бог такой не даст...

– Что ты имеешь – радость, стыд?
Набор страданий и обид?
Надежду, веру и любовь
иль обжигающую кровь?..

– Что мне сказать? Мой путь указан,
куда идти, где быть в бою.
Через людей я с миром связан,
хоть сам из стали* состою.
Я в мир гляжу людей глазами,
на яркий мир, что лёг вокруг,
на красоту под небесами –
и лес, и ров, и ближний луг.
Я в мир вокруг смотрел лучисто

* Это ответ поэту Ренату Харису от танка по имени «Алёша».

и знал – враг будет побеждён!
(И в мысли всех моих танкистов
я, словно в книгу, погружён...)
Я всех уже могу по лицам
своих танкистов узнавать –
кому настало время злиться,
кому пришёл час ликовать.
Не раз я к вражеским окопам
спешил, чтоб им устроить ад,
враг был готов аж до Европы
бежать, чтобы спасти свой зад.
И я решил – конец фашистам,
пора их всех испепелять,
чтоб на планете стало чисто.
(Но трудно всё ж в людей стрелять...)

Порой нам всем нужна подсказка,
чтоб знать, что следует за чем.
Солдату в битве надо каску,
ну а танкисту важен шлем.
Когда хоть чуть я отступаю,
меня гнетёт обида-стыд,
я словно плохо поступаю
или в бою врагом подбит.
В момент атаки я – счастливый,
с Победой снова я – живу!
И снова мир наш справедливый,
и с нами счастье наяву.
Бои у нас идут всё чаще
и, отгоняя с сердца тень,
врагам, засевшим в ближней чаще,
я приближаю Судный день!

Жить и любить вовек не поздно –
при всех страстях и всех властях,
лишь только вили б птицы гнёзда
на мной израненных ветвях.
Пусть «Абрамсы» горят в атаках
и «Леопарды» на огне,
но выживших в горящих танках
не довелось увидеть мне...

– А мне вот встретился однажды
танкист с колодкой орденов –
душой отважный, бесшабашный,
а звать его Сергей Орлов.

В войну он в танке подорвался
и был опасно поражён.
Но он огню в бою не сдался
и лишь лицом был обожжён...

5.

*Они палят, палят с заката,
Но солнце расстрелять нельзя.*
Сергей Орлов

В февральский день, когда погиб поэт
и Пушкина читал я, вспоминая,
вновь «Делибаш» явился в мой рассвет,
мираж той битвы вызывая.

На письменном столе моём лежат,
как гильзы, раскатившиеся ручки,
страницы, что легонечко шуршат,
игрушки – то ли внука, то ли внучки.

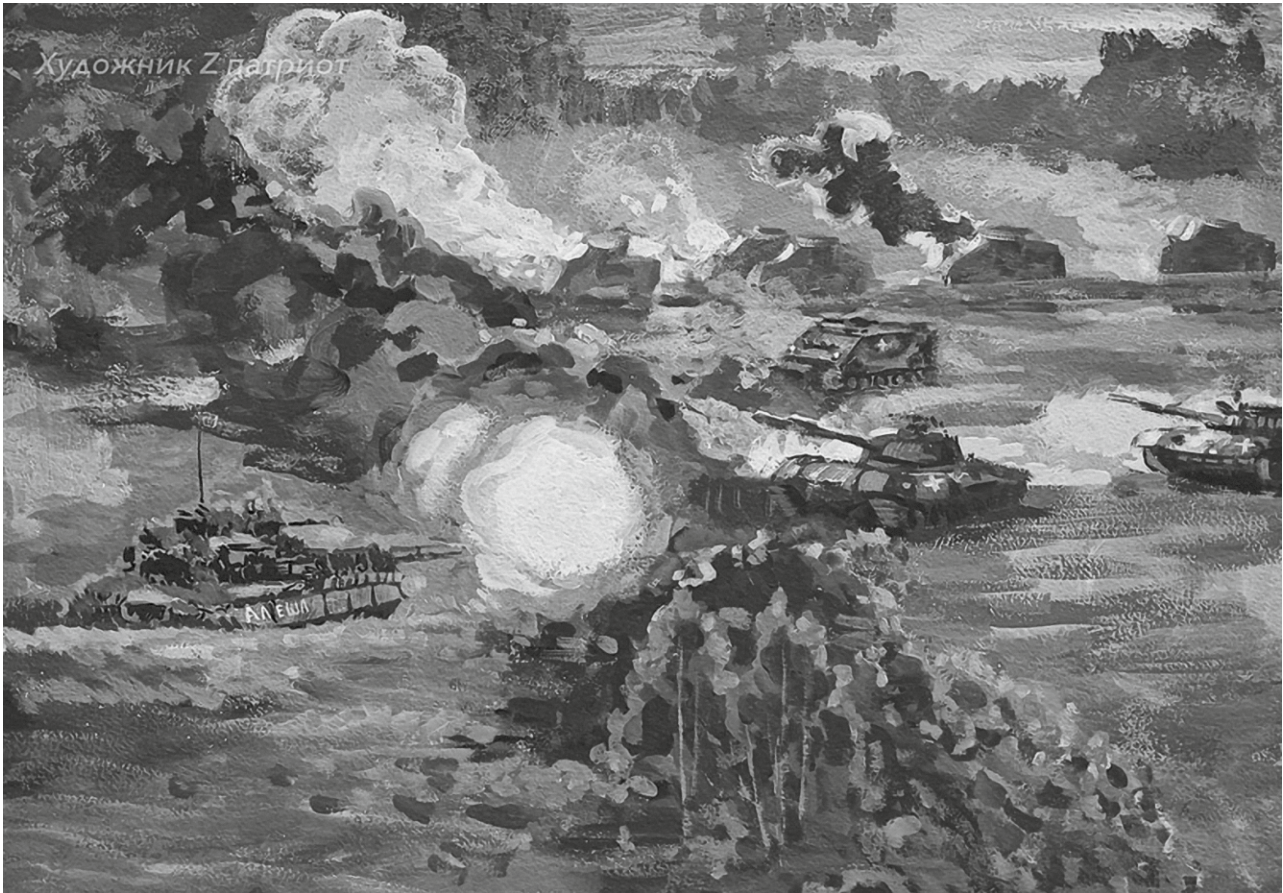
Вот персонажи пушкинских стихов –
они припоминаются мне сразу.
Я делибашу дал букет цветов,
а казаку – сверкающую вазу.

Я к чёрным дырам космоса свезу
снаряды, бомбы, чтобы распрощаться,
пусть воины прольют по ним слезу,
а для других всё это будет счастьем!

Моя Земля давно вражды полна,
и разве мы не губим наши души,
орудиям давая имена –
«Алеша», «Белый лебедь»^{*} иль «Катюша»?

Пожалуй, это всё отчасти – грех,
но только бы Земля была счастливой.
Пускай поэты славят наш успех
и будет наша Родина красивой.

^{*} Сверхзвуковой стратегический бомбардировщик Ту-160М2, который делается в Казани. Является усовершенствованной версией разработанного ещё в СССР самолёта Ту-160. Среди лётчиков получил прозвище «Белый лебедь». Это самый тяжёлый боевой самолёт в мире, способный нести на своём борту крылатые ракеты с ядерными боеголовками. Максимальная дальность полёта – почти 14 тыс. км.

Так пусть «Алёшу» встретит впереди
не вражий дот, не хитрая приманка,
а бьющееся у него в груди,
не зная остановки,
сердце танка!

Он весь из стали – сердце и одёжа.
Он – настоящий Человек.
Алёша!

* * *

Когда затихнут бури и стихии,
взойдёт Победы танк на пьедестал.
И хоть изранен он, и хоть устал,
но здесь он станет символом России!
Пусть все увидят
через дым и гарь,
как над землёю, при любой погоде
зажжётся в небе солнце, как янтарь,

даря нам свет и мысли о свободе,
а все мы будем
думать о народе!

* * *

Мы знаем все, что Время – наш мудрец,
оно нам дарит планы и открытия,
спешит, чтоб были добрыми события
и не настал истории конец.

Оно ведёт природы хоровод,
давая нам
подсказки и прозрения.
Вот так и мне
пришло стихотворение –
то, что всегда
в моей душе живёт...

*Перевод с татарского языка на русский
Николая ПЕРЕЯСЛОВА*

ТИШКА

Юлия ХАБАРОВА

Юлия Хабарова – автор стихов и прозы. Среди её произведений немало миниатюр и юмористической прозы. В своих работах размышляет о смысле жизни, о преходящем и вечном.

Родилась 1 марта 1988 года в Москве. Окончила Русский институт управления им. В. П. Чернова по специальности «маркетолог», Австрийскую высшую школу этикета, Школу шоу-бизнеса Виктора Дробыша по специальности «маркетинг», постоянно повышает квалификацию в Дипломатической академии МИД и МГИМО по специализациям «международный менеджер по протоколу» и «преподаватель этикета».

Чудо – это то, что случается там, где этого вовсе не ждёшь. Кажется, будто оно где-то рядом ходит да ждёт, когда ж наконец-то можно будет свершиться. Да свершиться так, чтобы люди понимали и ценили это, а не просто прошли мимо, подумав: «Повезло!» Нет, нет, чудо – это не «повезло», это что-то такое, что не поддержишь в руках, но запомнишь на всю жизнь.

Нине 10 лет. В нынешнее время в таком возрасте дети уже не верят в Деда Мороза, потому что в век интернета они много чего знают, а волшебство им кажется наивной выдумкой. Ведь это всё детское, а они считают себя взрослыми! Только в том-то и дело, что какой бы наивной фантазией ни казалось волшебство, верить в него всё равно хочется...

Так и нашей Нине.

Это был ноябрь месяц. До Нового года и далеко, и близко, но когда чуда хочется всей душой, любое время года для этого подойдёт. Сидя в интернете, девочка набрела на сайт, куда предлагалось отправить своё желание, а взрослые люди, если кто захочет, исполнят это желание.

Без особой веры, но с теплившейся надеждой девочка пишет письмо:

«Здравствуйте! Меня зовут Нина! Мне 10 лет. Мы с мамой и сестрой – беженцы. Нет, нет, нам ничего не надо, всё у нас есть, всем помогли. Сначала мы жили во временном жилье, а сейчас мама с сестрой нашли работу, и мы смогли снять квартиру, в которой даже животных можно содержать! Да, она не такая большая по сравнению с нашим домом. Но здесь тихо и спокойно, не стреляют и не бомбят. Здесь не страшно. Я спокойно тут сплю. Даже война почти не снится. Она снится, но реже. По будням я хожу в школу, а в выходные помогаю по дому. И с новыми друзьями гуляю! Со старыми друзьями мы переписываемся, но пока не получилось увидеться. У нас есть видеозвонки, так что не жалею.»

У нас абсолютно всё есть, за всё спасибо. Но у меня есть мечта. Знаю, что это невозможно, но если бы вы помогли мне найти Тишку, я стала бы самой счастливой на свете.

Когда нас эвакуировали, мы брали только самое необходимое. Мы собрались, уже вышли с сумками из дома и пошли к автобусу, а Тишка взял и куда-то убежал. У нас не было времени его искать. Нужно было ехать, опасно там было оставаться. Никогда не знаешь, когда начнутся следующие обстрелы и бомбёжки. И когда мы вошли в автобус, я услышала от нашей соседки: «А Тишка, Тишка где? Вы же сказали, что будете его забирать! Уж в сумку он точно поместился бы!» Но Тишка убежал. Куда? Не знаю.

Мне очень плохо без него. Я скучаю по нему и виню себя. Я во всём виновата! Надо было лучше за ним следить, а я испугалась, что мы уезжа-

ем очень далеко от дома. И что наш дом могут окончательно разбомбить и мы никогда-никогда не вернёмся в него. Ладно, а то я расхныкалась, как маленькая. Я – взрослая уже. Знаю, что это невозможно, но помогите найти Тишку. Адрес нашего дома напишу ниже. И фотографию Тишки тоже вам пошлю. Он рыженький, с чёрными глазками-бусинками. У него белое пятнышко на голове. А ещё он маленький и очень ласковый».

Нина ещё раз прочитала свой текст и нажала кнопку «Отправить».

– Чудес не бывает, – вслух произнесла она. Но надежда теглилась внутри...

Настал декабрь, принеся с собой холод, сугробы и новогоднюю суету. Это было 30-е число. Обычный день. Вернее, необычный, ведь завтра 31 декабря, все будут загадывать желания, и что-то хорошее точно случится. Не может не случиться.

Наступил вечер. Внезапно коротко и острожно зазвонил дверной звонок. Обычно в дверь никто не звонит. Давно не звонит.

Звонок снова коротко и нетерпеливо звякнул, словно проверяя – есть ли кто в этой тихой квартире? Мама вышла из кухни, приблизилась к двери, чтобы спросить: «Кто там?» Но, услышав что-то невнятное, вопреки привычке и здравому смыслу – открыла дверь.

Конец света не наступил. И мир не рухнул. Перед ней стоял парень в российской военной форме и с сумкой в руках, которая... явно шевелилась! Мама сильно удивилась. Она смотрела то на странного парня, то на сумку, то на форму... Картинка не складывалась.

Пауза затянулась, но парень собрался с духом и спросил:

– Извините, а Тишка здесь живёт?

По недоуменному взгляду женщины он понял, что как-то не так спросил, и поправился:

– Нина здесь живёт?

Мама с удивлением взглянула в глаза незнакомца, окончательно запутавшись. Услышав своё имя, Нина оторвалась от компьютера и быстро впрорхнула в прихожую.

На всякий случай мама встала между парнем и ребёнком, закрыв собой дочь.

– Что вы хотите, молодой человек? – нахмутив брови, строго спросила женщина.

– Я... я... Да ничего, собственно! Я собаку ей привёз! Вот, хотел отдать... Думал, пёс Полканом будет, а оказалось, что это Тишка! Вот, возьмите, – с этими словами парень приподнял сумку, раскрыл её, и оттуда показалась знакомая всем голова пса.

Тишка подрос, возмужал и немного поправился. И спутать его с другой собакой было невозможно. Глаза и белое пятнышко на голове были особыми приметам. Да и то, что собачка выпрыгнула из сумки и бросилась к хозяйке, встав на задние лапки, не оставляло сомнений. Вот он, родненький пушистик!

И мама, и Нина принялись обнимать и гладить собаку. Та повизгивала, скулила, быстро виляя хвостиком, и норовила каждого лизнуть. Тут и сестра подошла!

– Откуда вы узнали про собаку и про нас? – наконец спросила мама.

– Вы не поверите! – широко улыбаясь, ответил военный. – Моя сестра выбирала детское желание, которое она сможет выполнить. И абсолютно случайно наткнулась на письмо Нины. Там было фото собаки. И сестра написала мне, что собаку, которую я подобрал, на самом деле зовут Тишкой, и у неё есть хозяева, которые её ищут. Дальше уже целая спецоперация была: надо было узнать, куда вас увезли и где вы сейчас живёте. Но всё получилось. Вот такое чудо. Долго рассказывать, а вы, наверное, торопитесь!

– Мы никуда не торопимся, – первой отозвалась сестра. – Проходите, пожалуйста, будьте как дома. Вы чай любите?

– Люблю, ещё как люблю! Только я к чаю ничего не принёс, – смутился парень.

– У нас всё есть, не волнуйтесь! – успокоила мама. – Проходите и не стесняйтесь, мы не кусачие...

Вот так внезапно и чудесным образом началась новая жизнь. Тишка, успевший побыть Полканом, вернулся домой. А парень, которого звали Андреем, нашёл себе новых друзей.

Вскоре Андрей вновь уехал на фронт защищать Родину, а Тишка и его новые друзья ждут его возвращения. Россия была, есть и будет! И добрые люди тут никогда не переведутся.

ЙИКССУР КЫЗЯ

**Юлия АКС,
сценограф, драматург,
цифровой художник**

Окончила Школу-студию МХАТ, оформляет спектакли в драматических и музыкальных театрах в России и за рубежом. Участвовала в московских антрепризах (продюсерская компания «Аметист», театральный центр «Инновация»), выставках театрально-декорационного искусства. Сотрудничала с мультипликационной студией «Кристмас филмз» (ассистент художника, художник-декоратор) и телевизионным каналом «ТВ-3». Работала с такими режиссёрами, как Борис Покровский, Михаил Козаков, Андрей Беркутов, Игорь Меркулов, Виталий Павлов, Владимир Ячменёв, Сергей Усков, Ольга Иванова, Елена Неvejeина, Самир Усман Аль-Баш (Сирия). Принимала участие в зарубежных оперных проектах с Борисом Покровским (Австрия, Германия, Греция), цирковых проектах Росгосцирка (Южная Корея). Занимается прозой и драматургией. Принимает участие в литературном конкурсе «Новая детская книга»

Иллюстрация автора

Сегодня я решила быть самостоятельной. «Насовсем» или «навсегда»!

Правда, слово «навсегда» мне не очень нравится. Оно какое-то толстое. Какая девочка захочет быть толстой? Вот и я не хочу, но меня все называют пончиком. А мне нравится быть худенькой, как моя подруга Наташа. Но у меня пока не очень получается. А «насовсем» – слово весёлое. Я мечтаю быть весёлой. И самостоятельной! Моя мама говорит, что весёлые люди никогда в жизни не пропадут. И самостоятельные тоже не пропадут. Правда, куда пропадают злые и несамостоятельные, она не сказала. Наверное, они превращаются во взрослых, которые ездят в метро. Мне кажется, что в метро попадают только невесёлые и несамостоятельные люди. Им говорит радио: «Двери открываются» – и они становятся у этих дверей. А самим подумать и куда-то встать они почему-то не могут.

И вообще моя мама говорит много умных вещей. Про порядок в комнате и в мозгах, про ошибки в тетрадках и в жизни, и про дружбу.

Она даже считает, что мне пора уже научиться гладить! Не соседскую кошку, а утюгом! Электрическим!

Поэтому я погладила носовой платок. Сама! Он был огромный, как простыня. Я боролась с ним, возила утюгом из стороны в сторону, но складочки никуда не девались. Откуда берутся такие неудобные платки? Мама торопилась и говорила, чтобы я его уже сложила. А как это делается, не объяснила. Зачем тогда гладить? Я скрутила его, как снежок, и спрятала в карман. Карман оттопырился, словно туда засунули мяч. Пришлось оставить платок дома. Вернусь из школы – опять поглажу и сложу, как хотела мама, в шкаф, наверное...

После этого я собрала портфель. Положила все нужные вещи: сонного Ёжика, бутерброд с маслом, тетради и дневник. Мама спросила, завернула ли я бутерброд. Ну, наверное, завернула. Он так удачно поместился в тетрадке по русскому языку, что и заворачивать не нужно.

Я гордилась собой в это утро. Всем хотела рассказать по дороге в школу, что я очень самостоятельная. И весёлая. И никуда не пропадаю. Но мама не останавливалась, не давала ничего никому сказать и боялась, что мы куда-то опоздаем. Даже представить не могу, что можно опоздать. Тем более в школу! Это, наверное, очень интересно: идёшь, никого нет, а ты есть, один на всём белом свете, в коридоре перед дверью твоего класса. Но мама так не считала, она сказала, что Антонина Ивановна не пустит меня на урок.

Моя мама тоже ходит в школу вместе со мной. Только я иду в первый класс, к Антонине Ивановне, а мама идёт дальше по коридору. Наверное, там учатся родители. Но других родителей из нашего класса я не видела. Может быть, мою маму заставили всё переучивать? Надо будет спросить у Антонины Ивановны.

Жаль, что мы не опоздали. Первый урок был «русский язык». Все вытащили свои учебники и тетради, а я – сонного Ёжика и бутерброд в тетрадке. Антонина Ивановна посмотрела на мою парту и попросила убрать бутерброд. Ну куда же я его дену? Завтрак у нас после третьего урока, а в портфель без тетрадки я его положить не могу. Я решила спрятать хлеб

рядом с собой на сиденье стула, а сама поместилась на краешке.

На странице с домашним заданием прилипло масло... Знаете, я даже не ожидала, что бумага может быть такой красивой и прозрачной! Я смотрела сквозь листочек в линейчку и видела какую-то шевелящуюся тучу. Тучей оказалась учительница. Она дала мне новую тетрадь и приказала подписать красиво. А мою прежнюю, с маслом, забрала на выставку. Да, так и сказала, что повесит её на стенде, чтобы все увидели моё творчество. Мама будет очень гордиться такой талантливой девочкой!

Все писали какое-то глупое упражнение, а я подписывала тетрадь! Это очень важно. Не забыть, с какой строчки начинать, и правильно вспомнить, как меня зовут. Мама и папа ужасно удивятся, когда увидят, как прекрасно я это сделала. Даже страшная буква «Й» у меня получилась, как в прописях.

Я так старалась, что забыла про свой краешек стула. И бутерброд с оставшимся маслом прилип к моей форме. Там появились масляные пятнышки. А хлеб пришлось отдать соседу по парте, потому что он противный. Не хлеб, а сосед. Он мой заклятый враг, потому что всегда ковыряет в носу, ябедничает и противно лезет к девочкам на переменах. Я иногда забываю о маминном воспитании и гоняю его по коридору, чтобы не приставал. Странно даже, что меня посадили за парту вместе с таким ужасным мальчишкой!

После русского сразу началась математика. Весь урок я размышляла, как применить свою самостоятельность, чтобы отстирать масляные пятнышки. Если масло делает прозрачной бумагу, то вдруг и моя юбка станет такой? Надо срочно их убрать! Придётся дома этим заняться.

Все остальные уроки были самые обычные. Мне негде было проявить себя, потому что Антонина Ивановна сказала строго: «Все делают так, как я скажу!» И мне пришлось подчиниться: раздать красные карандаши, которые я забрала у всего класса, и убрать Ёжика в портфель, потому что он смотрел на учительницу, а она отвлекалась.

Сонный Ежик – мой лучший друг. Мне его подарила бабушка. Он резиновый, мягкий и смешно улыбается, потому что хочет спать. Иголки у него только на голове, и одет он в костюм моряка. Я его лечила, делала операцию аппендицита, и вообще нам очень интересно вместе. Моя мама почему-то любит выбрасывать Ежа в мусорное ведро. Но я всегда спасаю друга и укладываю под подушку. Вот и сейчас, на уроке, мне пришлось спрятать его. Нет, не под подушку, а под стол, чтобы он всё слышал. Почему взрослые так не любят сонных Ёжиков? Мой колючий друг, например, понимает, почему я красные карандаши собрала. Только красные! Не все ведь... А потому, что звезду кроме меня никто толком рисовать не умеет. Сидят и слюнявят такие прекрасные карандаши. А надо не их слюнявить, а меня позвать. Я приду и всё красное нарисую – звезду, самолёт и даже салют!

Чтобы немного отдохнуть от учёбы, я попросила выпустить меня из класса. В коридоре было тихо, только вдалеке кто-то голосом моей мамы читал стихи! Когда я подошла к полуоткрытой двери, то увидела мою маму у доски. Она действительно читала стихи, как на Ёлке в Новый год. Я так удивилась, что решила проверить, а вдруг там и правда Дед Мороз находится и мама сейчас подарок получит! Но ни подарка, ни Мороза там не было. А был целый класс десятиклассников. Они дружно смеялись и спрашивали мою маму, что это за чудо к ним пришло. Не знаю, про какое чудо они говорили, но мне показалось, что десятиклассники какие-то несерьёзные. И они не знали, как зовут мою маму! Мне пришлось несколько раз повторить, чтобы они запомнили: «Каса Мараковна!» Но никто не запомнил. Потому что весь десятый класс внезапно заболел. Лица стали красные, некоторые мальчики упали на пол, а остальные ученики почему-то плакали и смеялись одновременно. Одна мама оставалась спокойной, но удивлённой, что это с ними случилось?

Она вдруг спросила, что я делаю в её классе и почему не на уроке? Такую строгую маму я боюсь. Я даже забыла, почему сюда при-

шла. А ребята закричали: «Оксана Марковна, Оксана Марковна, пусть она ещё что-нибудь расскажет». Но мама вдруг улыбнулась и ответила, что такие маленькие девочки должны сидеть у Антонины Ивановны, а не искать своих мам-учительниц по всей школе. И тут уже я удивилась, что моя мама, оказывается, учительница, как Антонина Ивановна! Вот это да! Вот это открытие! И я решила всем про это рассказать, когда закончится урок: и тёте во дворе, и одноклассникам, и птице в небе, и даже муравью. Мне было так счастливо от этой мысли, что я громко пела на всю улицу по дороге из школы: «Моя мама – учительница, Каса Мараковна!»

Но дома выяснилось, что я очень устала быть самостоятельной. Это, оказывается, совсем не просто. Я решила немного побыть обычной девочкой, чтобы родители тоже себя как-то проявили.

Мама спросила, сделала ли я уроки на продлёнке. Я ответила, что сделала. Мама кивнула, почему-то важно села за стол и разложила разные тетради в стопочки. Откуда она только их принесла? Возьмёт с одной стороны, посмотрит, почеркает внутри красным карандашом (надо тоже забрать), да и положит в другую стопочку на другом конце стола. И так очень-очень долго. Я даже подумала, что мама про нас с папой совсем забыла. Интересно, а папа знает, что мама учительница? Я решила маме помочь немножко, чтобы она побыстрее освободилась от этого странного занятия. Тихонечко стащила несколько тетрадок и своим красным карандашом с удовольствием почеркала на каждом листочке. И назад положила. В стопочку. Мама откроет тетрадку, а там всё уже я сделала! Вот она удивится...

Но папа отвлек маму! Он вдруг стал смеяться и радоваться чему-то. Он показывал мои тетради, особенно по русскому языку, тыкал в обложку пальцем и прыгал, как сосед по парте на большой перемене с моим сплюснутым хлебом без масла... А мама заплакала (от радости, наверное). Она плакала и читала вслух странные слова: «кызЯйикссуР, йикссуРкызЯ...»

Секрет

Где она на моей прекрасной обложке такое нашла? Ведь кроме слов «Русский язык» я за урок написать ничего не успела! А как меня зовут – просто не вспомнила.

Папа спросил, кто так постарался подписать тетрадь. Вот, наконец-то они поймут, какая я взрослая! Он подозвал меня и попросил прочитать мою надпись. Я гордо прочитала: «Русский язык», что тут непонятного. Тут папа совсем как-то испортился. Согнулся пополам и за живот схватился. Да, мама говорила, что у папы – гастрит. Кто это такой, я не знаю, но почему-то этот гастрит папу хватает совсем не вовремя.

Я не ожидала, что вместо похвалы родители начнут вдвоём объяснять, что писать надо не как я, а слева направо. А это мне и так известно. Но я ведь с Ёжиком сидела, и он тоже должен был прочитать, что я пишу! А ему вверх ногами и сбоку было бы непонятно. Вот сразу видно, что у папы с мамой таких друзей, как у меня, никогда не было... Ничего, я не обижаюсь. Они ведь взрослые и многого не знают. Но они бывают иногда хорошие. И весёлые. Вон как хохотать умеют. И много непонятно говорить. А потом мне стало не смешно, потому что мама запретила быть самостоятельной. Насовсем! После того как следующую тетрадку открыла на своём столе...

И подписывать тетради, и портфель складывать с бутербродом, и даже платок гладить мама будет теперь сама. И тетради проверять с контрольной у десятиклассников...

А Ёжика запретить она забыла. Потому что не знала, что он тоже в школу ходит. И Ёжик поехал со мной на следующий день, потому что он настоящий друг. Мы с ним решили, что самостоятельность от нас никуда не денется, и вместе мы никогда не пропадём! Потому что дружба – это не только бутерброд пополам и надпись наоборот, а такое горячее чувство, что ты кому-то важен и нужен.

Моя мама говорит, что я должна хоть иногда с кем-нибудь дружить. А зачем – не объясняет. Она думает, что мне скучно. А у меня есть секрет: мне никогда не скучно. Она говорит, что когда я стою посреди пустыря в траве, то это я от страха стою. Но она не понимает! Вот как ей скажешь про дружбу, например, с кузнечиками? Это же секрет! Ведь с балкона нашего дома не видны маленькие прыгуны. Они скачут в сухой высокой траве за домом, на пустыре, где я стою и не двигаюсь, чтобы они привыкли и не боялись большого человека в зелёных шортах и розовой панамке. Когда пробираешься по пахучим зарослям, то кузнецы прыскают во все стороны веером! Надо вовремя заметить, куда они приземляются, и медленно приблизить нос. Главное – не дышать и не моргать. Моргнёшь – и нет кузнеца. И не увидишь, как он ножки свои напруг и крылья расправил. Кузнечик смотрит на тебя своими выпуклыми глазами и машет длинными усами! Челюсти быстро-быстро шевелятся, будто он говорит: «Прыгать не умеешь. Неповоротливая! Смотри, как надо!» И р-раз – травинка ударяет по носу, а кузнеца и след простыл.

На закате солнца, сидя на земле среди травы, я смотрю на толпы насекомых, которые здесь обитают. Они совершенно не замечают тебя и торопятся по своим делам... От этого становится как-то очень странно, потому что и я могу быть таким муравьём для кого-то... Например, для мамы на балконе. Она даже не подозревает, сколько у меня внизу секретов и друзей! Например, я никак не могу договориться со знакомой стрекозой. Мне очень надо рассмотреть устройство её крылышек, потому что хочу построить самолёт. Но она так быстро летает, что даже не всегда понятно, где крылышки находятся, как они растут и какой на них рисунок прожилок. Или мне всегда удивительно, как какой-нибудь сверчок не запутается в своих ножках и усах. А майский жук? Это просто чудо какое-то: он громко гудит и плохо приземляется, глухо ударяясь спинкой о листья. Я всегда помогаю майским

жукам перевернуться на лапки. А они смешно шевелят своими лохматыми усами-щётками и опять улетают по своим «жучиным» делам. А куст старого шиповника с божьими коровками? Это моё сказочное богатство, тайна и самый большой секрет! Я близко-близко подхожу к пахучим веткам, и коровки становятся для меня такими огромными! Я вижу их глаза и усики. Вижу, как прозрачные тли убегают от пятнистых коровок. Вижу, как блестят красные крылья и какие разные у всех на крыльях оттенки... Если я нахожу большую божью коровку, то зажимаю её в кулаке и со всех ног бегу к маме, чтобы гордо продемонстрировать своего огромного друга! Странно, но коровка не очень радуется, что на неё смотрят, и быстро улетает от меня, оставив на ладони жёлтые пахучие следы...

Ещё маме не видно, что я дрессирую улиток. Они тоже живут за домом на пустыре, но в другой его части, где много высокой травы и огромная лужа. Я учу их бегать по кругу, как цирковых лошадей. И делать трюки. Одна улитка очень любит ходить по канату. Она вытягивает голову с рожками и старается быстро доползти до другого конца травинки, растянутой над сценой. А сцена – это мамин поднос. Он круглый и ровный – как раз как арена в цирке. Иногда сюда прибегает целая куча жуков-солдатикув. Они струйкой бегают туда-сюда и замирают перед моими артистами. Конечно, мама не в восторге, что я хожу по улице с подносом. Но это ведь лучше, чем гусеницы в банке в шкафу с игрушками! В банке без крышки.

Нет, я, конечно, насекомых очень люблю. Но в тот раз, когда мама отправила меня к бабушке на лето, мне пришлось секретно посадить гусениц в банку с листьями и снять крышку. А как, вы думаете, бабочки полетят? Это называется «эксперимент». Нам в школе учительница всё время про эксперименты рассказывала на природоведении. Но не секретные, а обычные. Мне очень хотелось увидеть, как происходит превращение. А ещё я хотела понять, какие бабочки из моих гусениц получатся – большие или маленькие, махаоны или капустницы... Я гусеницам всё объяснила, еды оставила и наказала в окно не вылетать, чтобы не потеряться. А как я пойму, что это мои бывшие гусеницы летают и мой экспе-

римент удался? В том, что он будет успешным, я нисколько не сомневалась. Но вышло всё совсем не так, как я представляла: гусеницы ничего не поняли, всё съели и пошли, наверное, за едой к маме. Но по дороге они закуклились и заснули на потолке. Испугались, что ли? Или соскучились. Когда мама обратила внимание на жуткую паутину в моей комнате, она решила, что на нас напали какие-нибудь паразиты. Она же не знала про секретных гусениц! Мама взяла веник, обмотала тряпкой, сунула в паутину и... Мои бабочки посыпались оттуда, как сухие листья... оказалось, что я собрала для эксперимента гусениц тополиной моли...

Нет, мама, конечно, выпустила их на волю. Но эксперименты проводить в шкафу запретила. Совсем.

Зато от бабушки я привезла своего первого домашнего друга – черепаху! Мама сказала, что это гораздо хуже паразитов и паутины на потолке, потому что она слишком быстро бегает по квартире от окна к холодильнику, высовывает голову с умными чёрными глазами и смотрит вверх, на меня, маму и папу. И кусает за пятки. Бабушка сказала, что это от стеснительности. А мама сказала, что я должна буду сама убирать за своей новой подружкой. Черепаха задумалась об этом и сделала лужу. Придётся объяснить ей, что так делать нельзя. Что она понимает, я не знаю, но мы договорились, что рано или поздно она мне скажет. Когда я научу её нашему языку... Мы теперь вместе ходим на мой волшебный луг за домом. Я отпускаю черепаху в траву, а сама сижу тихонько, чтобы мои кузнецы опять вспомнили, что есть я. И не обижались, что появилась черепаха и что меня не было целое лето. Я мечтаю, что они тоже подружатся.

А пауков я не боюсь. Я рассматривала одного в мамину лупу. Паук смотрел на меня всеми своими глазами и шевелил челюстями. Всё брюшко у него покрыто шерстью, а ноги – как будто собраны из конструктора! Когда вечером я ложусь в постель, то пытаюсь представить, что у меня на макушке тоже есть глаза, как у него – два или четыре... Мне ужасно интересно, как выглядело бы то, что я вижу? И от невозможности постичь такую картину я засыпаю... А ночью мне снятся

фантастические сны, полные звуков, красок и запахов! Я летаю, у меня везде есть глаза и усики, я вижу, как устроены мои ножки с ворсинками и крючочками на концах! Я прыгаю с блохами, я гоняюсь за зелёными мухами и вижу огромных медленных людей! Мне так радостно и спокойно, что я никак не хочу утром понять, где нахожусь и что пора опять идти в школу...

Моя мама считает, что друзья – это те, кто вместе ходит на переменах по коридору. А я сижу в классе и ходить совсем ни с кем не хочу. Или друзья – те, кто придёт проведать тебя, если ты заболел. А я не болею. А ещё она говорит, что дружба – это труд. Ну не знаю, как про труд маме объяснить: вот когда я мою пол в комнате – это труд? Труд. А дружить-то с кем? С ведром? Непонятно.

То ли дело – муравьи. Вот они трудятся-трудятся, а я с ними дружу. Это понятно. А ещё я дружу с дождевыми червями. Они так любят, когда я их после дождя спасаю! Вот это дружба настоящая, я считаю. Кто ещё им поможет, когда в сентябре дожди начинаются? Мне приходится много времени потратить, чтобы засунуть этих глупышек обратно в землю...

А ещё я люблю слушать гудение, трещание и стрекотание всех моих друзей. Нет, не в классе, а на пустыре, за домом. Мне кажется, что если замедлить эти звуки, то я пойму секретную мелодию, которую тайно поют мелкие жители моей земли. Я знаю, что они поют про прекрасный мир, где много листьев и травы. Про горячее солнце и быстрый ветер, в потоках которого можно так здорово летать! Они поют про меня и про мои эксперименты – ведь им тоже всё интересно, как и мне. Они поют про дружбу, наконец. Ну я так надеюсь. Когда я лежу на спине в сухой траве и смотрю в синее небо с белыми облаками, то я ощущаю себя такой же маленькой, как любая букашка, но совсем не одинокой.

На мой пустырь иногда забегают мальчишки. Они играют в шпионов и носятся, как сороконожки. Иногда из очень высокой травы они строят вигвамы! Это такое жилище индейцев в Америке. Я смотрю на них издали и жду, когда они уйдут. Потому что потом надо развязать высокую траву и уничтожить следы краснокожих бандитов. А

иногда из соседнего дома приходит мальчик в очках и с большой картонной коробкой. Сегодня он тоже пришёл, и мне очень интересно узнать, что он будет делать.

Моя мама с балкона машет руками и головой, видимо, хочет, чтобы я с этим мальчиком наконец познакомилась и подружилась. А мальчик неожиданно заметил мою черепаху. Он идёт к нам. Он остановился и молчит. И вдруг хватает мою подругу, кидает её вверх брюхом на землю и хочет ногой раздавить! У него упала коробка, и оттуда посыпались мёртвые жуки и бабочки с торчащими булавками... Их было так много! И они как будто кричали мне: «Спасайся, спасайся!»

Нет, кузнецы были не правы – я умею прыгать, как большая саранча! Сначала я оттолкнула мальчишку от черепахи, потом успела схватить коробку и треснуть со всей силы ему по башке. Черепаха была спасена, а я, грозно насутив брови, нависла над обидчиком и думала, что с ним ещё сотворить...

Дома мама спросила, что это за интересная игра такая, в какую я играла с мальчиком в очках. И вот тут я очень порадовалась, что мама была так высоко и не слышала, как завывал этот мальчик, пытаюсь увернуться от тонкого прутика, хлеставшего его противные голенастые ноги в сандалиях.

Больше он никогда не придёт на мой пустырь. И не будет ловить моих бабочек и жуков. И не сложит их в коробку. И не надо мне говорить, что это была «коллекция». Коллекция из друзей быть не может, и всё тут. И вдруг я поняла, в чём дружба заключается: ты никогда не позволишь случиться беде. Даже если страшно и опасность грозит тебе самому. И как-то горячо и радостно стало на душе. И хотелось раскинуть руки и кричать во весь голос, чтобы все крылатые и хвостатые услышали, как ты их сильно любишь.

Но наступил вечер, село рыжее солнце, спряталась уставшая черепаха. Завтра я опять пойду в школу, и всё начнётся сначала. Но теперь я знаю, что у дружбы тоже есть секрет. Он заключается в помощи друга, он заключается в знании, что ты не один и тебе помогут. И ты сможешь. Всегда! Даже если твой друг в сотню раз меньше тебя.

Эвелина НОВИКОВА

Родилась в Казани. Окончила Литературный институт им. Горького по специальности «переводчик художественной литературы». Переводила на русский Й. Макьюэна, П. Вудхуса, Д. Томаса, Т. Шевалье и др. Большой опыт режиссуры в озвучивании игр, кинодубляже, аудиокнигах, чуть меньший – в театральных постановках. Как драматург пишет для сцены и аудиотеатра.

КОЛЯ: Лиза, куда это ты на ночь глядя?

ЛИЗА: Да никуда, просто посижу на лавочке у подъезда. Там сирень расцвела, так пахнет.

КОЛЯ: Ну что ты выдумала!

ЛИЗА: Ну тебе жалко, что ли?

КОЛЯ: Лиз, что за блажь? Сирень какая-то. Спать уже пора.

ЛИЗА: Пятнадцать минут. Почему я должна тебя упрасивать?

КОЛЯ: Потому что я волнуюсь, когда тебя нет.

ЛИЗА: Я буду на лавочке у подъезда. Где сирень.

КОЛЯ: А потом ты решишь прогуляться до гаражей. Я тогда упал, вспомни. Лодыжку подвернул.

ЛИЗА: Как же ты любишь себя жалеть. Ладно. Не пойду. Открой окно, я так понюхаю.

КОЛЯ: Ну вот. Слава те, господи.

ЛИЗА: Тебя не продует?

Вот и радуйся

ОДНОАКТНАЯ РАДИОПЬЕСА

КОЛЯ: Не знаю. А что, сквозняк?

ЛИЗА: Да нет вроде. Смотри, какая луна, Коль.

КОЛЯ: Магнитные бури. (Пауза.) Пойдём спать, а?

ЛИЗА: Иди.

КОЛЯ: Закрываю окно?

ЛИЗА: О господи... Ну закрывай.

КОЛЯ: (закрывает окно) Я от давления пил или не пил? Не помнишь?

ЛИЗА: Пил вроде.

КОЛЯ: Лиз, я себе ставлю воду на ночь, а ты её вечно первая пьёшь. Хочешь, я тебе буду отдельно ставить?

ЛИЗА: Тебе жалко, что ли?

КОЛЯ: Нет, не жалко. Всё, гашу свет.

ЛИЗА: Ты на каком боку будешь? На левом? Тогда я перелегу.

КОЛЯ: Лиз, ну не надо.

ЛИЗА: Я люблю обниматься во сне. Тогда мне кажется, что всё хорошо.

КОЛЯ: Лиз, не лезь, ты воняешь.

ЛИЗА: Чем это я воняю?

КОЛЯ: Не знаю, старостью. Я не могу спать, когда ты на меня дышишь. Отодвинься.

ЛИЗА: А так можно?

КОЛЯ: Нет.

ЛИЗА: А так?

КОЛЯ: Так можно. Всё, спи.

ЛИЗА: И ничем я не воняю. Я мылась днём.

КОЛЯ: Лиз, я тебе должен что-то сказать.

ЛИЗА: Про что?

КОЛЯ: Про жизнь.

ЛИЗА: Ты любишь меня?

КОЛЯ: Люблю, но я кое-кого встретил.

ЛИЗА: Женщину?

КОЛЯ: Ну не мужчину же!

ЛИЗА: Как её зовут?

КОЛЯ: Катя. Екатерина Андреевна. Она завтра придёт.

ЛИЗА: Я насуу ей в туфли.

КОЛЯ: Лиз, ну что ты как маленькая. За чем это?

ЛИЗА: Мне не нужна никакая Екатерина Андреевна. Сам иди к ней домой, старый дурак.

КОЛЯ: Я уже был.

ЛИЗА: Вот там бы и оставался.

КОЛЯ: Лиза, не злись.

ЛИЗА: Я не злюсь. Я ей всю рожу расцарапаю.

КОЛЯ: Ты ведь её даже не видела. Она очень хорошая, добрая.

ЛИЗА: И не воняет?

КОЛЯ: Ну прости, что я так сказал. Иди ко мне.

ЛИЗА: Мне надо в туалет.

КОЛЯ: Ладно, иди.

(Пауза, Лиза не возвращается, Коля встает и идёт на кухню, зажигает свет.)

Ну и что ты тут сидишь?

(Лиза не отвечает.)

Что, может чайку поставить? Хочешь сыру?

(Лиза не отвечает.)

Лиза, я с тобой разговариваю!

(Лиза не отвечает.)

Что за характер! Мне и спать из-за тебя расхотелось. Я и так плохо засыпаю. Ещё ты нервы мотаешь. У меня знаешь сколько давление было перед сном? Знаешь? 175 на 130. Поняла? Или тебе всё равно?

(Лиза не отвечает, Коля ставит чайник.)

У Кати есть внуки, школьники. Я их видел. Мальчишечка и девочка. Мирон и Соня. Хорошие такие, показывали мне игры в телефоне, представляешь? А я и не понимаю вообще ничего. Смешно?

(Лиза молчит, но уже как-то по-другому.)

А Катя знаешь кто? Библиотекарь. Мы там

и познакомились, когда я хотел свои книжки в какую-то библиотеку отдать. Слово за слово, разговорились. Я говорю, жалко мне свои книжки – вот умру, их же на помойку вынесут, это вообще непереносимо. А продавать я не умею.

ЛИЗА: Когда ты умрёшь, тебе будет всё равно.

КОЛЯ: А пока я жив – нет. Говорю тебе, она хорошая! Её и дети любят, и животные.

ЛИЗА: Какие ещё животные?

КОЛЯ: Да все! Она рядом с библиотекой раньше подкармливала и собак, и кошек бездомных, а потом кто-то из соседнего дома жалобу написал в санэпидемстанцию. Ну и ей запретили.

ЛИЗА: Суки.

КОЛЯ: Вот и я говорю! Вот ты же всегда меня понимаешь.

ЛИЗА: А где её муж?

КОЛЯ: Объялся груш, давно уже.

ЛИЗА: А внуки эти, наверное, все гиперактивные, как все современные дети?

КОЛЯ: Говорю же, хорошие. Хочешь, я попрошу её с ними прийти?

ЛИЗА: Ну попроси.

КОЛЯ: Ты же любишь детей!

ЛИЗА: Нет.

КОЛЯ: Да ладно, а они тебя любят! Ты же у меня красавица, никогда не скажешь, сколько тебе лет на самом деле.

ЛИЗА: О, запел, запел. Ладно, давай свой сыр.

КОЛЯ: Она тебе понравится, правда, вот увидишь. Тоже цветы любит.

ЛИЗА: Не, не хочу сыр. Дай просто корм.

КОЛЯ: Ну не передай на ночь!

ЛИЗА: Отстань, а?

КОЛЯ: Ладно. Отстал. Не будешь ей в туфли ссать?

ЛИЗА: В первый раз не буду, а там посмотрим.

КОЛЯ: Иди на коленки, поглажу.

ЛИЗА: За ухом ещё и подбородок.

КОЛЯ: Сирень даже через форточку пахнет. Да, Лиз?

ЛИЗА: Старый подкаблучник.

КОЛЯ: Ну да, есть такое.

Наталья ПЕТРИЦЕВА

Родилась 12 февраля 1986 года в п. Первомайский Тамбовской области. Окончила филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института в 2008 году, а также магистратуру МичГАУ по направлению «Психолого-педагогическое образование» в 2022 году. В настоящее время работает в МБОУ «СОШ № 7» города Мичуринска в должности учителя.

* * *

Сонным утром, тихо на рассвете
В сердце защемило у матери тогда,
Отгоняла прочь дурные мысли эти,
Но война не спросит, куда придёт беда.

«Без вести пропал...» – твёрдо сообщили.
«Он же сын, солдат – нельзя его терять...
Где остался он, вы там сами были?...» –
Опустила голову того солдата мать.

Потеряла мужа – пришла к ней похоронка,
Сына провожала и верила: придёт,
Только весть дурная пришла опять вдогонку,
И с головы платок теперь уж чёрный не уйдёт.

Ночью накануне бой гремел ужасный,
Снаряды разрывались, будто сильный град,
Подорвался танк на mine этой страшной,
И вернуть всё это уже нельзя назад.

После взрыва стало очень тихо,
Только звуки эха вторили в лесу,
И войны потери отзвенели лихо,
Привели они их к смертному концу.

Где теперь кровинка – расстрелян иль повешен,
Может быть, под танком был он в поле смят.
Только, как все люди, по-простому грешен,
А вот как солдат он безупречно свят.

Провожая в небо, вечно надо помнить
Тех, кто верно и отважно Родине служил,
Памяти, молитвы они всегда достойны,
Те, погиб кто в страшных муках, кто героем был.

Нужно славить жизнь за Родину отдавших,
Всех, кто принял смерть в том роковом бою.
Только вот у Бога нет без вести пропавших,
Все они стоят в бессмертном и одном строю!

* * *

В родной стране на берегу реки
Жил со своей семьёй простой рыбак.
Знавал он светлые чудесные деньки.
Когда ушёл успех, то всё пошло не так.

Мелела речка, меньше был улов,
А лодка прохудилась и давала течь,
Старели снасти, дома много ртов,
Но в жизни всё готов он был сберечь.

В один из дней рыбак весь выбился из сил,
Но ремонтировать он должен лодку –
свой ковчег,
Тихонько старец подошёл, что на пороге был,
И робко путник попросился на ночлег.

Семья радушно и достойно гостя приняла,
И накормили тем, что Бог послал,
Да и хозяйка спать, конечно, отвела
На ароматный, мягкий и высокий сеновал.

А утром путник собирался уходить,
У рыбака спросил серьёзно плату за приют.
Но тот совсем не стал расчёты проводить –
Он был из тех, что многое так, даром отдают.

«Я вижу, в жизни разное, наверно, повидал.
И, может, в благодарность дашь совет –
Как выбраться из нищеты?» – рыбак сказал.
Ему старик почтеннейший разумный дал ответ:

«Конечно, дам... Такой я вижу путь –
Чтобы ты мог потом в достатке быть,
На жизнь иначе тебе следует взглянуть.
А сломанную лодку придётся утопить...»

«А ты, старик, случайно-то не выжил из ума?
Без лодки мы от голода погибнем, все умрём.
Как утопить? Она ж у нас одна...»
Но всё нищал его несчастный добрый дом.

Однажды ночью сильно буря началась,
И лодка рыбака вся разлетелась на куски.
Семья, в чём было, кое-как спаслась,
Неспешно побрела в печали вдоль реки.

Семья спустя немного на посёлок набрела,
И были лодки там и множество людей.
В душе и сердце вмиг надежда ожила,
Как будто их прибило к пристани своей.

Семья мечтала, чтоб ценили рыбака.
Но временами налетали отчаянье и грусть –
Своей для жизни лодки не было пока.
Рыбак же верил: «На что-нибудь сгожусь...»

И скоро местным поселковым рыбакам
Стал нужен мастер, живший много лет,
Старик-рыбак был нужен тут и там,
Чинил он лодки, да не знал он бед...

О нём повсюду сразу слава разнеслась,
Все говорили, мол, творит он чудеса,
Как новенькие шлюпки, лодки, снасть,
Не умолкали просто рядом голоса.

Рыбак же вскоре приобрёл в посёлке дом
С красивым садом и большим двором.
С семьёй уютно, сытно жил он в нём.
Совсем без лодки – с мастерством и топором.

Рыбак тот часто старца вспоминал,
Его советы, просьбу лодку утопить...
Теперь, чтобы успешным быть, он знал:
Не нужно рухлядь ветхую спасать, чинить.

Как часто все боятся перемен,
Латают то, что рвётся не по швам.
И в горестях не могут встать с колен,
И не дают надуться счастья парусам.

* * *

Смиренно и тихо стоят обелиски,
На них имена всех погибших солдат,
И память живёт навсегда и так близко –
Нельзя позабыть тех отважных ребят.

В селе или городе, даже в деревне –
В любом уголке необъятной страны
Обелиски хранят эту память так верно,
Не давая забыть о тропинках войны.

Прикасаясь к холодному мрачному камню,
Возлагают потомки к подножью цветы,
Память в сердце, она не за мраморной гранью,
И живут имена, живут средь темноты.

С жаждою к жизни ушли те солдаты,
Сделав в вечность последний свой шаг,
Кто с винтовкой, а кто с автоматом,
Но с отчаянной верой в глазах.

С неба падают звёзды, сгорают,
И за каждой ушедшей мечтой
Сердце будто опять замирает
В память тех, кто обрёл свой покой.

И склоняем мы головы низко,
В сердце трепет, глаза холодны,
Наша память есть в тех обелисках –
Часовых незабытой войны.

* * *

Хороших людей стало мало на свете –
Особых, душевных и добрых таких,
Живут своей жизнью, бегут по планете,
Но близких так мало, душою родных.

А всё же есть в мире хорошие люди,
Дающие сердцу свой тихий приют.
Не те, что мечтают о маленьком чуде,
А те, что его от души создают.

Есть люди, в которых надежда и вера,
Есть люди, что дарят улыбки и свет,

Как будто приходят из сказочной эры,
Которой названья разумного нет.

У каждого доброго разное счастье
И разный до счастья нелёгкий маршрут.
Хороших людей так используют часто.
И им же, как правило, лгут.

Хорошим так больно, но дальше упрямо
Хотят и несут свои искры добра.
И держится мир неспроста, как ни странно,
На тех, кто с душою и сердцем сполна...

И было, и есть, и потом это будет,
Что много приложат все сил,
Пока есть на свете хорошие люди –
Их полное право хранить этот мир.

* * *

От дружбы нельзя искать корысти.
Неважно, кто друг – бог или герой.
И пусть без денег будет, нищий,
Но только б был не с голою душой!

И важно то, чтоб друг был Человеком,
Чтоб можно было бы понять, всегда простить!
В минуты славы и одной победы
Не стал бы друг так гадко, сладко льстить!

Хороший друг даёт тебе защиту
И от врагов, и от напористых друзей.
Друг идёт рядом, он не даст в обиду
И даже отменяет пошлых, злых людей.

Во время горя и когда несчастье,
Приедет сразу друг иль просто позвонит,
И не надо слов слезливых и участия,
Судьба имеет надлежащий вид.

И перед верным другом в долгу нельзя
остаться,
Согрею, обниму, когда нужно помочь,
И друг такой мне станет только в радость!
И благодарность сыпать день и ночь.

«Минувшее меня объемлет живо...»

ЭССЕ

Ольга ДАРАНОВА

Знакомо ли вам чувство, когда, попав в незнакомое место, вдруг ловишь себя на мысли, что ты бывал здесь, жил или мог бы жить?..

Я люблю это странное чувство. Оно возникает в долгих прогулках по старым улицам и дворам, там, где присутствие волнует твою душу и рождает причудливые фантазии, и ты уже не разделяешь, где реальность, а где вымысел, потому что вымысел – это тоже жизнь твоей души, и он становится твоим бытием.

Это чувство возникает и тогда, когда неожиданный толчок в настоящем стирает вре-

менные границы, возвращает любимые тени прошлого, вызывая восторг и изумление от неразрывной связи всего сущего в этом мире, в едином потоке реки времени.

...В тот день мы встречали высокого гостя из Москвы, сопровождали его в двухдневном пребывании в нашем городе. В какой-то момент гость захотел отдохнуть, и у нашей маленькой группы выдалось свободное время. Была середина июня, жарко, зелено, хорошо дышалось. Хотелось кофе. «Поехали к Пушкину!» – неожиданно предложил наш коллега. Мы знали, что великую фамилию носит его приятель, и с удовольствием согласились.

Раньше улица Кирова представляла собой длинную вереницу деревянных домов, на задах которых буйно цвели сады, террасами спускаясь вниз, к Волге. Узкие переулки с домами, окна которых смотрели друг на друга, пересекали её, образуя несколько тесных, дружно живущих слобод. Сейчас уже не то... Старые дома вытесняются современными коттеджами, образующими свою замкнутую частную территорию с ухоженным искусственным газоном, вычурной плиткой, непременными туями, гара-

жами, фешенебельными мезонинами. Старина уходит, её нещадно вытесняет нахрапистое, равнодушное настоящее. Но всё же она ещё есть в нашем городе.

Наша белая «тойота» катилась к Волге, грузно пробираясь по узким спускам между ветхими деревянными постройками. Казалось, ей тут тесно и неуместно...

Остановились перед низким деревянным домом, сами открыли калитку и вошли во двор. Щеколда щёлкнула – и пыльный, суеющийся город остался позади. Длинная тропа вела нас в чьё-то живописное частное хозяйство.

«Шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды – я с трудом переношу их. Я предпочитаю Ваш чудный сад и прелестные берега Сороти...»

Это удивительное сочетание – «деревня в городе» – всегда изумляло меня. Всего лишь переулочек, скромная полоса земли разделили шумный город с несущимися по шоссе автомобилями и эту тихую, уютную пристань частных владений. Вроде ты в городе – но нет, другая здесь картина, другие пейзажи, другой ритм жизни. И воздух чище, и зелень гуще, и звуки земли ярче.

Мы попали в такое место, где трава и деревья растут вольно, естественно, растут как дышат; где покосившийся забор живописен проросшим сквозь него львиным зевом и люпином, где кроны деревьев заслоняют шатром половину поляны, а цвет чубушника осыпается и при дуновении ветра летит белой кисеей на тропинку, траву, скамейку, на всё вокруг. У старой части дома, в котором когда-то жили, а теперь использовали как летний дачный флигель, темнело высокое скрипучее крыльцо, перила с облупившейся краской, сквозь крыльцо проросла трава. Окна распахнуты, лёгкие тюлевые занавески на них дрожат. Каждая ступенька крыльца имеет свою мелодию и скрипит по-особенному. В комнатах тень, прохладно, пахнет травой. Солнце ещё не проникло в них, оно пока нежится на крыльце, пробивается дрожащими пятнами сквозь спутанные ветви нависших деревьев.

Во дворе деревянные хозяйственные постройки разного калибра: сарайчики, мастерские с садовыми инструментами и необходимой утварью, особенными, неповторимыми деталями, составляющими живописный мир имени своего хозяина. Лейки, ведра, бельё на верёвках, корзины, скамейки, тряпье, детские мячи и велосипед – всё дышит домом, солнцем, своей естественной, устойчивой правдой, миром и покоем.

Мои друзья стоят под деревом с задумчивым видом, наши мысли и чувства похожи.

...Здесь опять

*Минувшее меня объёмлет живо,
И кажется, вчера ещё бродил
Я в этих рощах. Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей...*

А хозяин уже ждёт нас, стоя поодаль на тропе. На нём лёгкое пёстрое трико, просторная блуза, на голове широкополая соломенная шляпа. Окинув нас быстрым приветливым взглядом, он обнимает своего приятеля и приветствует нас в своих пенатах.

Хозяйство у Пушкина живописно. Купив не так давно половину старого дома, он многое преобразил на его территории. По профессии архитектор, хозяин выстроил новый дом по своему вкусу и умению. Особняк стоит у самого ската к реке, фасад его обращён к Волге, а вернее, к её дальней голубеющей полосе, до которой террасами спускаются заросли старых фруктовых садов, ещё в старину посаженных здесь местными помещиками. Высокий цоколь держит просторный балкон с резными пилястрами, ажурными решётками и изящными арками под сводом для тенистости. Балкон открыт, сквозь густо перевитые ветви яблони, свисающие на чайный столик, видна Волга и её дальний берег. Рядом, на плетёном стуле, лежит связанный заботливой рукой хозяйки коврик. В углу балкона на деревянной этажерке ярусами сушится трава. Вокруг дома вьются густые заросли левкоя, аромат которого особенно хорош после захода солнца.

С балкона широкая дверь ведёт в гостиную. Посредине стоит большой овальный стол, вокруг – широкий диван и кресла, покрытые пледом, зеркало на стене, цветы на столе в вазе, приглушённый свет – всё создаёт уют и покой. Потолок в доме высокий, сводчатый, напоминающий крышу терема, что делает комнату зрительно выше и просторнее. В доме ещё несколько комнат с разными входами, соединённых между собой лестницами. Кругом лёгкий беспорядок и та обстановка, что удобна и мила своему обитателю: камин, кушетки, диванчики со множеством подушек и подушечек, этажерки с газетами, плетённые из соломки панно на стенах, напольные вазы с сухоцветом. В таком доме можно наслаждаться жизнью на природе и в то же время чувствовать комфорт в своих интерьерах.

...Хозяйка накрывает стол скатертью, раскладывает приборы, ставит вазочки с вареньем, молочник, рюмки с золотым ободком. В гостиной кроме нас ещё одна гостья, дама почтенных лет, миловидная, в платье с белым кружевным воротничком. Пахнет свежемолотым кофе, на блюде лежат пирожные. Присаживаемся к столу, едим бутерброды, пьём чай, кофе, кому что по вкусу. А вот и наливочка! Её приятный вишнёвый цвет мерцает в тонких рюмках. *«И полился мирный разговор помещика со своими гостями...»*

*О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне...*

Хозяин смугл, улыбчив, разговорчив. Черты лица его острые, мимика подвижна, когда улыбается – видны крупные белые зубы. Он пьёт чай вприкуску с кусочками сахара, рассказывает о давнем времени, когда поселился здесь, о старой Волге и пристани, о Симбирской горе и садах на её спуске. Вот он достаёт из старинного шкафа орехового дерева потрёпанные книги, журналы прошлых лет, листает, рассказывает о деревянном Симбирске, его прежних улицах, о минувшем.

А дальше мы проживали этот день жизни, каждый как хотел. К этому располагало всё: ра-

душие хозяина, привыкшего встречать гостей, тепло и уют дома, вся атмосфера этого живописного райского уголка. Хозяин показывал нам свою территорию, любовно дотрагиваясь до каждого куста, до каждой огуречной плети, молодой зелени перцев, кабачков. В помидорной ботве уютно грелись кошки, на покосившемся заборе сушились садовые вещи. Июнь – время пионов, их тут было много, целые кущи, аромат пионов плыл в воздухе. Ирисы вспыхивали фиолетовым и бордово-белым огнём, нежно трепетали бархатные петунии, тянулись к солнцу стройные оранжевые циннии. Вдоль изгороди росли кусты смородины, малины, крыжовника. Террасы разделялись между собой яркими кустами фиолетовых рододендронов с пышными соцветиями и глянцевыми, плотными листьями. Всё жило, дышало, колыхалось. В небе был виден крестик самолёта, а внизу синева небесная сливалась с синей гладью Волги. Присмотревшись, можно было увидеть маленький прогулочный пароходик, причаливший к берегу. Белый, конечно...

Ухоженный огород здесь чередовался с диким, буйно разросшимся садом, террасами спускавшимся вниз к Волге. Чем ниже спуск, тем были гуще деревья, темнее сумрак в них. Сквозь листву и спутанные ветви мелькали скромные деревянные домики с лёгкой паутиной на стёклах давно не открывавшихся окон. Хотелось рассмотреть здесь всё, постоять у каждого куста, заглянуть в каждое оконце, посидеть на тёплой земле, спуститься вниз по этим заросшим фруктовыми деревьями скатам. Каждая ступенька приглашала задержаться, взять в руки ветку, присмотреться к листочку, вдохнуть аромат цветка.

...Двери дома открыты, чувствуется дыхание летнего ветерка. Пахнет кофе, травой и ещё чем-то уютным, исчезающим. Хозяйка подливает чай, мои друзья ведут беседу, а я молчу и не тягочусь молчанием, а наслаждаюсь им, прислушиваюсь к звукам этого дня, впитываю каждую мелочь, стараясь всё удержать в памяти. Мне нравится это необъяснимое ощущение несуетной дружеской связи, тайного внутренне-

го родства, лёгкого взаимопонимания. Нравятся эти новые люди, не стремящиеся искусственно занимать тебя, естественно живущие каждую минуту. Нравится этот островок странного смешения старого и нового, умеренного достатка и очаровательной бедности. Нравится этот день, уже угасающий, который останется в моей памяти лишь лёгким ощущением «божественного лета»... Нравится эта жизнь на земле, в саду, на балконе, на террасах, на волжском берегу, в доме-тереме и просто под небом...

«Сестра моя Евпраксия, бывало, заваривает всем нам после обеда жжёнку... И вот мы из больших бокалов – сидим, беседуем и распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи... сопровождали нашу дружескую пирушку!..»

...О чём думал поэт, сидя в Тригорском у Вульфов, на берегу любимой Сороти? Там, где река спокойно несла свои вольные воды между жёлтых песчаных берегов, в небе отшельниками плыли облака, густая трава пестрела колокольчиками, быстроглазыми ромашками и нежными васильками?.. Там, где вечерами на Савкиной горке с одинокой часовней и каменным крестом на закате стояли, словно часовые, три сосны, а в гнёздах спали аисты... Там, где после жаркого дня воздух опьянял, а к рассвету туман накрывал реку сплошным полотном...

*И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роце скрытые дороги,
И дом, где пировали мы...*

Посмеём предположить, что в тихой прохладе розовеющего заката думал он о редких минутах счастья на родной земле, когда под стрекот ночных цикад и лёгкий плеск воды вольно дышится и вольно пишется. Он, наверное, скучал без друзей и радовался их внезапному приезду, звуку колокольчика, зазвеневшего у калитки. По приезду друзей поэт оживлялся, ходил с ними на ярмарки в Святые

Горы, слушал народные песни и предания. Как признавался он своему другу Пушину, «...в этих местах он отдыхал от волнения, с музой жил в ладу, трудился охотно и усердно». И Пушину недаром бросились в глаза разбросанные кругом в доме исписанные листы бумаги и обкусанные, обожжённые кусочки перьев.

«Он, как дитя, был рад нашему свиданию... Живость его во всём проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании, им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне...»

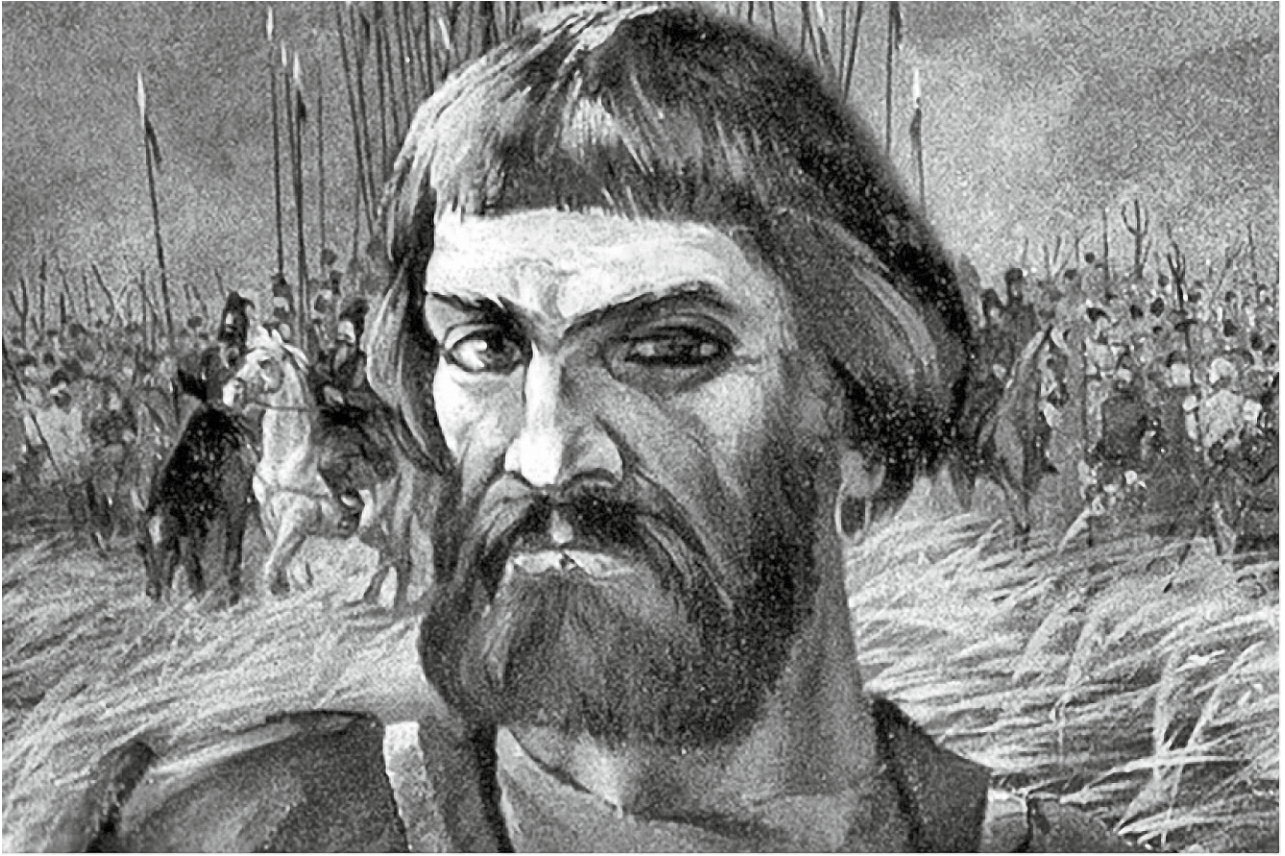
Всему начало было для него на родной земле. Земля дала поэту «часы трудов, свободно-вдохновенных», после которых для нас остались и «Евгений Онегин», и «Граф Нулин», и «Цыганы», и «Сожжённое письмо», и «Борис Годунов»... Там же, в Михайловском и Тригорском, родились замыслы «Маленьких трагедий», «Арапа Петра Великого», зародилась мысль об издании своего журнала, осуществлённая лишь в 1836 году.

Вечереет. Хозяин берёт лейку, включает воду, поливает свой райский уголок. Время сейчас хорошее для полива. Солнце уже не печёт, не обожжётся листва, а земля напитается, напьётся водицы и даст новые силы для роста.

Хозяйка радушно приглашает нас к ужину, предлагает закусить перед дорогой.

«Нам подали закуски. На прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, быть может, скоро свидеться...»

Настала пора отъезда. Небритое улыбочное лицо Пушкина было добрым, приветливым. Он что-то хорошее говорил нам на дорогу. А нам было светло и грустно. Грустно расставаться с этим краешком земли, где мы прожили день в настоящем и прошлом. Этот день подарил нам краски и воздух прошлой жизни, неожиданно позволил стать «отшельниками праздными» и услышать едва различимое, ветром донесённое сквозь века до волжских берегов отдалённое эхо светлой лиры поэта.

О. А. МАТВЕЙЧЕВ

ПУГАЧЁВЩИНА. ЧТО ЭТО БЫЛО?

К 250-ЛЕТИЮ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА

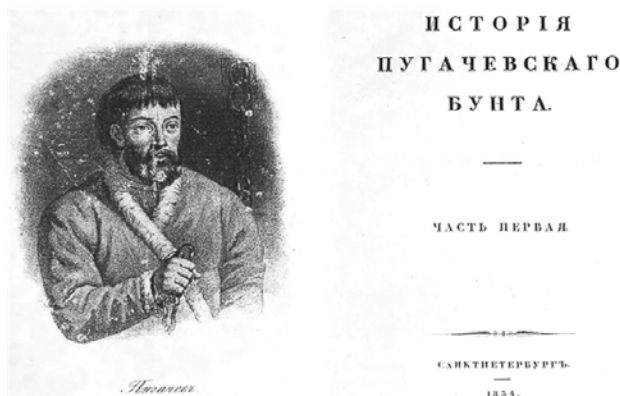
ЧТО ДЕЛАТЬ С «ИСТОРИЕЙ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА»?

До уральских исследований пугачёвщины мы близки были к пониманию официальному – что был бунт, самозванство; наш итоговый тезис полностью совпадал со знаменитым выводом Пушкина о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». И наша задача была антипутчевая – снять романтический ореол с Пугачёва и разоблачить тезис «крестьянская вой-

А. В. БОЛДЫРЕВ

на», чтобы пугачёвщина перестала работать на перевороты в России как постоянная агитка на уровне музеев, системы образования и общекультурных ассоциаций.

И мы были в плену соображений, что Пугачёв действовал по наущению, почти по импровизации или из грабительских соображений – вопросов было невозможное количество на каждом шаге. Объяснить поведение Пугачёва можно было только нервными реакциями, жадной золотом – иначе объяснить ничего было невозможно.

Титульный лист первого издания «Истории пугачёвского бунта». 1834 г.

Но именно эти вопросы привели к живому подробному изучению деталей, которые привели к сложной коллизии.

Несомненный авторитет Пушкин. Не вызывает сомнения его честность. Его записки по пугачёвщине были уважаемыми материалами. Были. Но сегодня, после наших исследований, принять конечный концепт Пушкина, увы, мы просто не можем.

С каждым шагом становится ясно, что из четырёх определений аутентично только одно:

1. Это – не бунт, а высокоорганизованная спецоперация по параметрам широкоформатного военного рейда.

2. Бунт – не русский, как минимум не только русский – по организации и главным движущим силам.

3. Не бессмысленный – а прошедший строго по плану, с высочайшей организацией.

4. Но беспощадный. Это верно.

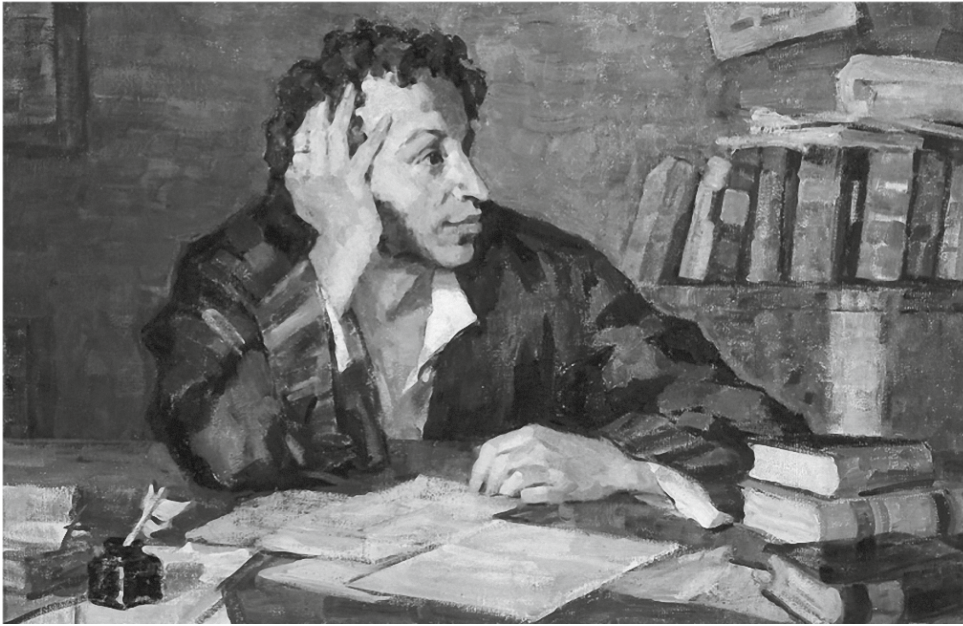
Это показывают наши исследования.

Тогда что делать с этой устоявшейся формулой, которой уже 150 лет?

Сначала нам придётся объяснить свою версию главного вопроса по Пушкину: почему он не поехал (его не пустил Николай Первый?) дальше Оренбурга, где ничего нельзя понять по сути вопроса? Пушкин либо не увидел, либо правильно понял заказ и сделал вывод, которого от него ожидали: о том, что пугачёвщина – русская проблема, и рассказать людям, что это был за бунт – это нам невыгодно, это кровь, это плохо.

В любом случае считать, что его поездка носила научный характер, невозможно. **Он не мог узнать главное – что открывается как раз по пути к внутреннему Уралу. А значит, поездка имела политический характер.**

Хотелось бы также высказаться по поводу путешествия Пушкина в Оренбург якобы по собственной инициативе, о чём нередко упоминают исследователи. Он-де озадачился историей Пугачёва и предпринял этакий моцион на другой конец страны. (Интерес к биографии А. В. Суворова как командировочное задание выглядит несерьёзно. Да, Суворов участвовал в подавлении пугачёвщины. Однако, при всём уважении к Александру Васильевичу, говорить о значительном участии, тем более о значительных победах не приходится. Екатерина II высказывалась об этом достаточно жёстко.) Кроме того, нужно помнить, что даже по нынешним трассам от Санкт-Петербурга до Оренбурга две с лишним тысячи вёрст. В условиях исключительно конной тяги и грунтовых дорог передвижение выходило очень дорогим. Поэтому на дальние расстояния ездили только купцы по своим коммерческим делам и служилые люди по служебным надобностям. Путешествовать ради удовольствия могли себе позволить только очень богатые люди, к каким Пушкин не относился. Обратите внимание на мемуары современников Пушкина – практически все ездили по миру либо к месту службы, либо по какой-то иной надобности. Туризма не суще-

Пушкин за рабочим столом. Художник Н. П. Ульянов. 1936 г.

нужно было сформулировать концепцию по отношению к Пугачёву. И Пушкин один в один её сформулировал и, судя по всему, настолько угодил, что концепция жила 150 лет, была частично принята в СССР.

Что делать с двумя вещами: 1) концепцией Пушкина, которая на слуху; 2) заказом Николая Первого, который очень ос-

ствовало в принципе. Дороги были опасными. Даже если не брать в учёт разбой (чего хватало), оставались хищники. Ещё довелось пообщаться с уроженцами тех мест, которые однозначно свидетельствовали: в начале XX века в оренбургских степях волки представляли серьёзную угрозу. Что уж говорить о начале века девятнадцатого? Напомним также, что с сентября 1826-го, после встречи в Москве (сразу после коронации) с Николаем Первым, Пушкин был освобождён от обычной цензуры. Его творчество контролировал лично Николай I*. Император сам изучал и хвалил «Историю Пугачёвского бунта» и выдал деньги на издание, о чём, кстати, свидетельствует Арсений Замостьянов.

Всё сходится к тому, что поездка в Оренбург была не творческим моционом, а командировкой. А где командировка, там командировочное задание и запланированный результат. И Пушкин выдал тот результат, которого от него требовал руководитель. В нашем случае – это мог быть только Николай Первый.

Чего хотел Николай Первый? Думается, ему нужно было закрыть вопрос, снять массу баек, легенд, которые жили в массах. И ему

мысленно подошёл к вопросу, – император решил две стратегические проблемы: а) проблему выдвижения претензий к своим европейским партнёрам и родственникам по поводу организации пугачёвщины; б) проблему внутреннего, для народа, определения, что это было?

Причин для того и другого было много. По первой мы дадим факты. А по второй было ясно, что Пугачёва начинают прибирать на свою сторону самые разные путчисты, революционеры, которые начали делать из него вождя, романтического героя, спасителя народа. А в резонансе с развитием мифа о Разине, таком же «народном вожаке», волна была настолько мощной, что с ней надо было что-то делать.

Из этого ясно, что концепция Пушкина «работала» 150 лет, но на сегодня она выглядит просто несерьёзно, как и всё, что мы знаем о Пугачёве и пугачёвщине. И – увы, при всём уважении к великому поэту – её ещё придётся дополнять и менять. Он не озвучил двух главных вещей.

Нам из научных соображений и новых политических контекстов придётся озвучить. Будем надеяться, что на репутации Пушкина это не скажется. Он тем более не заявлял себя как историк.

* Здесь можно спорить о нюансах. Но всё сходится к тому, что пространства для личной инициативы, особенно в вопросах, имеющих государственное значение, – таких как пугачёвщина – у Пушкина было немного.

Букет сирени

Детство Владика и Галочки прошло в небольшом городке. Ходили вместе в детский садик, учились в одной школе, всегда были такими неразлучными, будто брат и сестра. Болела Белка, так называли её в детстве, лежала с температурой, так Влад всегда оказывался рядом, то за лекарством в аптеку побежит, то вкусненьких маминых пирожков из дома принесёт. Порою, подолгу стоя у калитки, могли говорить и говорить, о чём, сейчас уже даже и не вспомнить.

Дружба крепла год от года, ребята заканчивали восьмой класс. Как-то засиделась Белка за уроками до самых сумерек и не заметила стоящего в палисаднике возле окна Влада, а он влюблёнными глазами смотрел на неё, не в силах отвести взгляд. Первая любовь, чистая, светлая! Утром, подойдя к окну, Галочка увидела на подоконнике букет сирени и лежащую рядом с ним книгу в зелёном переплете. Она сразу догадалась, от кого это всё.

– Ты читала «Трёх мушкетёров»? – спросил он её в школе. – Это я тебе вчера принёс. И твою любимую душистую сирень тоже, – немного смутившись, добавил он.

Какое чувство было между ними? Время шло, годы стремительно летели друг за другом, но детская дружба не ослабевала, она только крепла с годами. Когда на свет появилась дочка Галины, а супруг в это время был в командировке, встречать её с огромным букетом пришёл Владик, добрый и единственный верный друг. Он любил её, любил всем сердцем!

Судьба развела их в разные стороны, дороги разошлись, нечасто, но звонили, писали друг другу. Галина давно жила в Москве, Владик с семьёй – далеко от неё, не виделись уже несколько лет. От друзей она узнала, что Влад серьёзно болен. Как-то так случилось, что Галя оказалась именно в том городе, где он жил. Она набрала знакомый номер телефона:

– Это я. Ты узнал меня? Я буду на вокзале часа два, жду тебя,

– Белка, я болен. Наверное, ты всё знаешь о моей болезни. Мне трудно ходить, я постоянно лежу, по ступеням не подняться, да и надеть мне особо нечего... Хотя... Рядом с вокзалом есть небольшой сквер, подожди меня на лавочке, я постараюсь приехать.

– Если тебе трудно, не приезжай, я рада тому, что мы можем поговорить по телефону.

– Нет, я приеду, я должен увидеть тебя, кто знает, возможно, в последний раз. Жди меня...

Через час к вокзалу подъехала машина, остановилась, из неё вышел элегантно одетый мужчина. Опираясь на палочку, медленно направился в сторону сидевшей невдалеке на лавочке Галины, а в руках...

– Белка, вот, заехал в магазин, купил новые ботинки и костюм...

– Ты помнишь?

– Я не забыл, это тебе...

Влад протянул Галине букет душистой майской сирени...

Я помню чудное мгновение...

Вера Прокофьевна, учительница русского языка и литературы, наш классный руководитель, была немолода, строга, но справедлива, в необыкновенно лучистых глазах всегда светились озорные огоньки, а когда улыбка появлялась на лице, Вера Прокофьевна мгновенно преображалась, распрямлялась, нам казалось, становилась выше, мы обожали её. Дисциплиной класс не отличался, доставляя дополнительные хлопоты нашей классной, но на её уроках царил тишина. В восьмом классе мы знакомимся с произведениями Александра Сергеевича Пушкина: «Евгений Онегин», «Капитанская дочка». На предстоящие выходные Вера Прокофьевна задала выучить лирическое стихотворение по своему выбору.

В среду второй урок литературы. Звонок прозвенел. Держа в руках классный журнал, вошла, плотно закрыв за собой дверь, подошла к своему столу, села на придвинутый к нему стул, надвинула плотнее на нос очки и медленно, ведя пальчиком по алфавиту сверху вниз, изредка обводя взглядом класс, решала, кого вызвать к доске, никак не могла остановиться на нужной фамилии. Все затаили дыхание. Кто тот счастливчик, который будет читать стихи перед всем классом? Все ждали.

Вера Прокофьевна подняла глаза и указательным пальцем показала на Женьку.

– Ну-с-с-с... – протянула она, – вот тебя-то мы давно и не слушали, прошу.

Женька постоял, переминаясь с ноги на ногу, вышел к доске. Надо отметить, что познаниями он не мог похвастаться ни по одному предмету, второгодник, учиться не хотел, дисциплина на нуле, уроки регулярно прогуливал, но, несмотря на всё это, Веру Прокофьевну уважал, твёрдую тройку по её предметам имел.

Класс замер в ожидании, и вдруг Женька проникновенно начал читать «Я помню чудное

Александра МАЗУРКЕВИЧ

Художник, писатель. Родилась и выросла в городе Ногинске Московской области, по образованию педагог. Член Союза писателей России, Союза художников Подмоскovie, Союза дизайнеров России, Евразийского союза художников, член Российского творческого союза работников культуры. Принимает активное участие в выставках, международных конкурсах и проектах, проводимых как на территории России, так и за рубежом.

В настоящее время пишет рассказы для детей среднего и старшего школьного возраста, в основе которых – занимательные истории из повседневной жизни, зарисовки о братьях наших меньших. Автор шести сборников: «На улице детства», «Родники добра», «Секретники счастья», «На крылышках мечты», «Весёлый калейдоскоп», «Калейдоскоп чудесных историй». Печатается в литературных альманахах: «Российский колокол», «Русские сезоны», «Родина», «Природа и животные», «Сказки народов России» и др. Герои её историй – обычные люди, живущие рядом. Сюжеты историй не выдуманные: рассказы друзей, наблюдения, необычные случаи из жизни.

Награждена орденом Святой Анны «За достижения в искусстве», медалью «350 лет со дня рождения Петра I», медалью Льва Николаевича Толстого «За воспитание, просвещение и наставничество», памятной медалью «25 лет Московской областной организации Союза писателей России», медалью «За заслуги в области культуры и искусства» Российского творческого союза работников культуры. Финалист конкурса на медаль и премию Льюиса Кэрролла, лауреат Московской литературной премии-биеннале – 2020–2022 в номинации «Детская литература», Российской литературной премии в номинации «Лучший детский писатель 2022 года».

мгновенье...». Читал с неподдельным чувством, изредка останавливаясь, делая небольшие паузы. Ни разу ни сбившись, дочитал до конца.

В классе повисла гробовая тишина, такого от Женьки никто не ожидал. Вера Прокофьевна, глубоко вздохнув, посмотрела на своего ученика и произнесла:

– Ты только представь себе, Женя, пройдёт ещё немного времени, я встречу тебя с идущей рядом девушкой, которой ты читаешь стихи! Как мне будет приятно на душе, значит, есть в тебе что-то хорошее и ты вырастешь нормальным человеком. Отлично! Пять!

Ребята тотчас же хотели выразить своё отношение к его выступлению, но урок ещё не окончен. Все эмоции на перемене!

Тайная муза

Джалиль ловко запрыгнул на плоскую железную крышу вагончика в дальнем углу сада. Почти вплотную к нему стоял небольшой домик с открытой летней верандой, увитой виногра-

дом. В жаркий день, когда воздух наполнялся зноем, здесь, в его тени, было прохладно, сладкие гроздья висят так низко, что можно разглядеть мелкие косточки внутри каждой ягодки, искрящейся на ослепительном солнце. В комнате, рядом с окном, невысокая широкая кровать, покрытая самотканым ковром, шкаф, другая комната служила кухней, здесь же выбеленная печь, вдоль которой разместились металлические тазы и глиняные кувшины разных размеров, на стене висели полки для посуды и продолговатое зеркало в деревянной резной оправе. Юноша замер в ожидании.

Вскоре послышались лёгкие шаги, и в дом вошла молодая светловолосая женщина невысокого роста, прошла на кухню, задернула занавеску, разделяющую её на две части. Принесла таз, наполненный прохладной водой, встала босыми ногами в другой, большего размера, лёгким движением скинула одежду, небрежно бросив её на стоящий табурет, и с нескрываемым наслаждением начала медленно лить на себя из маленького ковшика живительную влагу. Вода скользила по бархатистой загорелой коже, падала каплями к ногам, волосы струились по плечам. Женщина любовалась собой, звонко смеялась, глядя в зеркало. Ей было так хорошо! Джалиль не в силах был отвести взгляд. Как зачарованный, он с восхищением смотрел на свою тайную музу, изгибы её тела, тонкая талия волновали его. Громкий вздох вырвался из груди юноши. Он мгновенно поднёс ладони к губам. Только бы не услышала, не увидела его! Сердце бешено стучало!

Неожиданно женщина заметила в зеркале отражение молодого человека, во все глаза смотревшего на неё. Ковшик выпал из рук. Она успела разглядеть лицо, даже узнала его, это был соседский паренёк. Тот, сообразив, что обнаружен, тотчас же исчез. Прошёл час. Наконец успокоившись, одевшись, женщина всё-таки решила навестить соседей.

– А где Джалиль? Мне он нужен, – спокойно спросила она, войдя в дом.

– Да он уже два часа как спит, – бойко ответил младший братишка.

Ольга, так звали молодую женщину, взглянула в небольшую комнату. На топчане, накрывшись тонкой простынкой, лежал Джалиль. Она огляделась. Стены были увешаны рисунками, Ольга подошла ближе, начала внимательно их рассматривать.

Юноша любил рисовать. Всё, что видел, переносил на бумагу. Пейзажи, портреты друга, старика в национальной одежде, бегающей по двору собачки. На столе лежала папка с набросками, краски, кисточки, карандаши.

Среди всех работ одна привлекла внимание. На листе большого формата была изображена стоящая спиной обнажённая девушка. Руки непринуждённо держали над головой небольшой глиняный кувшин с падающими каплями воды. Людмила слегка смутилась, но виду не показала.

– Зачем ты подглядывал? Я ведь узнала тебя, а этот рисунок?! Убери его, пожалуйста, или порви, чтобы никто больше не видел. Учись тебе надо, художник ты прирождённый, и так больше не поступай, плохо это, сам понимаешь, – произнесла Ольга и вышла.

Джалиль всё слышал, но что-то ответить не мог, молчал.

Прошли годы. Людмила вышла замуж, давно переехала в большой город. В начале сентября в картинной галерее открывалась новая выставка. Она и сама не могла объяснить себе, почему именно на неё так захотела пойти. Стены зала украшали картины художников. Посетители останавливались то у одной, то у другой, о чём-то тихо говорили, не мешая другим, делились впечатлениями, и вдруг среди многочисленных полотен Людмила увидела картину, на которой был изображён знакомый силуэт молодой обнажённой девушки с кувшином над головой. Людмила замерла: она узнала в ней себя. Как же это было давно! Женщина подошла ближе к картине, под ней висела табличка «Тайная муза», ниже – фамилия автора.

В этот момент послышался лёгкий негромкий шум, и в зал вошёл элегантно одетый молодой мужчина. Присутствующие поспешили ему навстречу, окружили плотным кольцом.

Посыпались вопросы. Он охотно отвечал на них, рассказывал о картинах, планах на будущее.

Людмила повернулась в его сторону. Это был он, но уже не застенчивый, тайно влюблённый и подглядывавший когда-то за ней Джалиль – перед ней стоял молодой художник. «Тайная муза» была одной из лучших его работ, ею восхищались, любовались. Она не стала подходить к нему. В глубине души она радовалась за него. Он стал тем, кем и должен быть!

Золушка

Любимая всеми девочками «Золушка» Шарля Перро, сказка на все времена! Кто не читал эту трогательную, полную волшебства историю, не смотрел в сто первый раз сказочный фильм! Наверное, таких не найдётся.

Да, в детстве все девочки мечтают быть принцессами, и, конечно, мы не были исключением. Посмотрев «Золушку» в кинотеатре «Мосфильм» (он находился на нашей улице), мы, детвора с Рабочей улицы, собравшись в очередной раз вместе, решили поставить сказку и показать постановку родителям, бабушкам и дедушкам, одноклассникам и соседям. Учительница Эмилия Александровна идею поддержала. Наша неразлучная четвёрка приняла самое активное участие в этом событии.

Книжка с текстом сказки была у всех девочек. Злую мачеху доверили сыграть Людочке Бабиной, Лариса Высотина и Лида Глебова должны были изображать сестёр. На роль принца претендовал, конечно, только Юра Королёв. Главная героиня?.. Как вы уже догадались, эта роль досталась мне. Остальные роли распределили между ребятами нашего класса. Текст сказки должна была читать наша любимая студентка-практикантка Ольга Александровна. Мы её обожали и между собой звали Снегурочкой, до того она была хорошенькая – невысокая, с густой пшеничного цвета косой почти до пояса.

Каждому артисту Эмилия Александровна написала на отдельном листочке большими буквами текст, который нужно было выучить наизусть.

Всё складывалось наилучшим образом, но нет костюмов и, главное, хрустальных туфель. Где всё это взять? Подумав, я предложила: а давайте каждый герой сам сделает себе костюм, с помощью родителей, конечно. В конце недели учительница собрала наших родителей, сообщила о предстоящем спектакле и попросила помочь с костюмами и декорациями. Все были в восторге от этой затеи. Премьеру спектакля назначили на май. Времени на подготовку достаточно.

Самый красивый наряд должен быть у главной героини сказки. В бабушкином старом комодике я нашла платье, которое она уже давно не носила. Нежное, бледно-розовое, с оборочками внизу и рукавами-фонариками. Бабуле пришлось изрядно потрудиться. За вечер платье было перешито. Из остатков получился широкий пояс, который завязывался на талии большим бантом. Я так радовалась! Кружилась в этом прекрасном платье перед большим зеркалом, читая вслух заученные слова и представляя себя принцессой! Только без хрустальных туфель, и это так печалило меня... Пришлось папе купить мне новые белые туфли на небольшом каблучке. В тот же день я хотела надеть их и прогуляться в обнове, но бабуля, зная меня, спрятала их подальше до назначенного дня.

Наступил май, приближалась дата премьеры. На первом этаже Ногинского педагогического училища, где располагались начальные классы, наша Снегурочка повесила на доске объявлений красочную афишу о предстоящем спектакле. И вот наконец долгожданный день! Маленький зал, одновременно спортивный и актёрский, наполнялся гостями. Пришли папа с бабушкой, родители одноклассников, тётя Люба с дочкой Валею из соседнего дома... Эмилия Александровна в первом ряду.

От охватившего нас волнения мы боялись забыть свой текст. На импровизированной сцене, которая отделяла нас от зрителей не более чем на два метра, уже расставлены подготов-

ленные декорации. Правая сторона пока закрыта тёмной занавеской (там расположились участники спектакля). Ольга Александровна, наша Снегурочка, рядом, если что, подскажет и поможет.

...Мы играли вдохновенно, по ходу спектакля не раз звучали аплодисменты. И вот заключительные сцены. Бал, король на троне наблюдает за танцами... И тут случается непредвиденное: Золушка, убегая, роняет туфельку, и та отлетает в первый ряд. Я чувствую, что лицо заливается краской, не знаю, что теперь делать. Все слова сразу забыла. «Беги, туфельку найду!» – кричит мне принц, хватая деревянную шпагу, покрытую серебрянкой, и направляется в сторону, куда она упала. И смех, и плакать хочется!..

Наконец спектакль закончился. Все в зале хлопали в ладоши. Взявшись за руки и выстроившись в одну линию, мы кланялись, как настоящие артисты!

А платье Золушки я ещё не один раз потом надевала вместе с белыми туфельками, и мы с папочкой по воскресеньям гуляли в городском парке. На летней веранде играл оркестр, работали аттракционы, карусели, в воздухе пахло молодой зеленью, слышалось чириканье птиц. Так было весело и беззаботно... Счастливей меня не было никого на свете!

Необыкновенный концерт

В восьмидесятые годы все старшеклассники общеобразовательных школ, с седьмого класса по девятый, летом отправлялись поочередно в ЛТО – лагеря труда и отдыха. Школа № 2 имени В. Г. Короленко, где я тогда работала, была прикреплена к трудовому лагерю «Романтик» совхоза имени В. И. Чапаева. Находился он в селе Ямкине Ногинского района. Рядом с лагерем небольшое болотце,

поросшее камышами, напротив – заброшенная церковь со старым кладбищем на её территории. Вот и все достопримечательности. В лагере домики дощатые, удобств никаких, всё по-спартански.

Всего в «Романтике» трудились ребята из пяти школ города. Наш заезд был в августе. Моими подопечными оказались девятиклассники нашей школы. Вместе со мной воспитателем была Галина Ивановна, учитель русского языка и литературы. Вставали рано, в семь часов. Утро начиналось с общей зарядки, подъёма флага, разрядки на рабочий день и похода в столовую на завтрак. Кормили хорошо. Самыми счастливыми считались дежурные по кухне. Никаких тебе норм выработки по прополке свёклы, ходи да расставляй тарелки по столам. Бывало, что и картошку приходилось чистить, но это не на солнце жариться. Остальные дружным строем с отрядными песнями выходили на необъятные совхозные поля. Начало грядки мы видели, а где она заканчивалась, трудно было рассмотреть. Нам казалось, где-то за горизонтом. И так изо дня в день. Вечером раз в неделю крутили кино в совхозном клубе или смотрели его в столовой. Волейбол, шашки, шахматы, других развлечений не было. Пели песни, на вечерней линейке подводили итоги дня. И так нам скучновато стало... Я предложила ребятам устроить необыкновенный концерт для всех. Идею восприняли с воодушевлением.

Готовиться начали без промедления. Первым делом пошли на болото. С директором мы договорились, под мою ответственность, что все будут целы и невредимы. Когда лагерь погрузился в сон, мы отправились за камышами. (Директор, конечно, наблюдал за нами издали.) Камыши принесли в лагерь и спрятали в нашем домике. Никто не знал о нашей ночной операции, никто ничего не видел. За два дня мы смастерили из камышей наряды, точь-в-точь как у племени тумба-юмба, обсудили и подготовили номера. Сценарий помогала составлять Галина Ивановна. Предводителем дикого племени была, конечно, я, переводчиком с тарабарского языка – Юля. Мы

написали объявления, где было указано, что такого-то числа в такое-то время в столовой лагеря состоится единственный и неповторимый, необыкновенный концерт племени тумба-юмба. Объявления повесили в столовой и на совхозном клубе.

Как все волновались! В назначенный день и час в столовой натянули занавеси из белых простыней, расставили стулья. Мы нацепили на себя юбки из камышей, лица раскрасили красной краской, так что видны были только глаза, да ещё ступни босых ног сверкали. На шеях бусы из рябины, головы украшены куриными перьями... Весь лагерь собрался в столовой, ждёт начала концерта. Но такого, видно, никто не ожидал. Под собственные истошные завывания на неведомом языке и скрежет по батарее ложками (это было наше музыкальное сопровождение) мы появились перед зрителями. Грянул хохот, директор вытирал слёзы от смеха...

Концерт начался. И уже неважно было, что неслось с импровизированной сцены на непонятном языке. Переводчик объяснял происходящее, факир показывал фокусы, племя пело и плясало под звуки батарейного скрежета и льющейся из чайника воды. Заключительным номером было балетное выступление – танец маленьких лебедей. Четверо мальчишек появились перед собравшимися в пачках из белых простыней (их натянули на обручи и прикрепили к телу), лица выкрашены белой краской, головы обмотаны белыми полотенцами в виде чалмы. Артистизм зашкаливал, удивительный танец вызвал бурные эмоции с овацией. Все остальные, кто не танцоры, «исображали» музыку. В заключительной части балета неизвестно откуда прилетел чёрный ворон и унёс самого маленького лебедя. Зал плакал.

Концерт под громкие аплодисменты был завершён. Мы раскланялись и удалились отмыться от краски. В тот день нам даже затопили баню. После нашего необыкновенного концерта были и у других школ попытки что-то показать. Но нашего успеха никто не смог повторить. Видно, не хватало фантазии и экспромта.

Владимир ИКОРСКИЙ

Лариса ПОПОВА

ЯБЛОЧНЫЙ АККОРД

Сад из яблок – это радость,
Для хозяина награда.
За сезонные труды –
Ароматные плоды.

Мякоть белого налива
Созревает торопливо.
Этот сочный ранний сорт
Мы съедаем, словно торт.

С ним китайка золотая,
Летним солнцем налитая.
Вся прозрачная она.
Видно даже семена.

А московская грушовка
В нежно-красной рубашонке!
Вкус чарует на все сто,
Вызывая сладкий стон.

К сентябрю готов коричный.
Для варения отличный.
И антоновкою горд
Спаса яблочный аккорд.

ЯБЛОКИ В САДУ ПОСПЕЛИ

Яблоки в саду поспели,
Смотрят в небо и на нас
Сквозь листву, от солнца жёлты,
Золотые – напоказ.

Ветки клонятся от груза
Сочных, наливных плодов.
Протяни с любовью руки,
Принимай дары богов.

Кружит в воздухе адажио
Яблочно-медовый дух.
Дни осенние наряжены.
Яблоко упало – бух!

Соберём в корзину нежно.
Урожай янтарный чист.
Пастила для сладкоежек
Цветом как осенний лист.

Ольга ОФИЦЕРОВА

Ольга Владимировна Офицерова – поэт, литератор, член Союза писателей России с 2006 года, член ЛИТО им. Д. Кедрина (г. Мытищи), руководитель клуба авторской песни «БардЭКЮ» (г. Королёв).
Образование высшее (МГУ им. М. В. Ломоносова, биолого-почвенный факультет), кандидат биологических наук.

СОСЕДСКИЕ ЯБЛОКИ

*Посвящается поэту, художнику
Наталии Абашиной*

Соседских яблок яркие шары
Пленительны и бесподобны.
В них отражаются миры
И тихий, тёплый лик Господний.

Вновь украшают октябрь
Замёрзших яблок ожерелья.
В них отразились свет зари
И разноцветье крон деревьев,

Твой сад наполнен тишиной,
Туман качнётся вправо, влево...
Похож он на ручей земной
И шлейф за платьем королевы.

Ты медленно проходишь в дом
К своим стихам, картинам, прозе,
И отражает водоём
Прекрасный вздох осенней розы.

А ты смеёшься и поёшь,
Твой голос – колокольчик нежный...
Похож он на весенний дождь
И полон веры и надежды.

ЯБЛОЧНЫЕ ШАГИ...

Яблочный урожай в этом году выдался
роскошным...
Была у подруги в конце июля на даче...
в будни...
Поздно вечером присела на скамейку на
звёзды посмотреть...
Слышу: в саду у соседа кто-то ходит, а я знаю,
что соседа нет здесь...
Было немного страшновато...
Только утром я поняла,
что я за шаги приняла звук падающих яблок
и шелест по траве при их прокатывании...

АВГУСТ НА ДАЧЕ

А в саду запах яблок,
Запах трав и цветов,
Август, солнце как зяблик
Посреди облаков.

Мягче летнее солнце,
Осень в прядках ветвей...
Серебристым оконцем
Пруд застыл меж полей.

Вечер дарит нам свыше
Звёздный, пламенный душ...
Сад роняет на крыши
Россыпь яблочных душ.

В деревне у бабушки

Николай МАКАРОВ

КАРТОШКА

Мама покупает картошку в магазине, дедушка достаёт картошку из погреба. Погреб – яма такая с крышей и дверью. Бабушка в нём хранит всякую еду зимой. Про погреб расскажу осенью.

Сегодня дедушка достал из погреба картошку, чтобы её сажать. У дедушки и бабушки огород маленький. Дедушка лопатой копает ямки. Бабушка бросает в эти ямки картошку. Потом дедушка засыпает ямку землёй и копает другую. Я помогаю бабушке. В одну ямку картошку бросает она, в другую бросаю я. Осенью буду помогать дедушке и бабушке собирать картошку. Убирать урожай.

ЕЩЁ РАЗ ПРО КАРТОШКУ

У нашего соседа, дяди Пети, огород большой. Дядя Петя со своей семьёй сажает картошку в длинную-длинную ямку во весь огород. «Борозда» называется. Её лошадь сохой делает. Соха – такой плуг, который крепится к лошади. Лошадь тянет эту соху, за сохой остаётся борозда. Вся семья дяди Пети бросает в эту борозду картошку. По очереди бросают. Когда лошадь возвращается обратно, соха роет другую борозду. И сразу зарывает старую. Так соседи и сажают свою картошку.

На огромных полях картошку сажает трактор. Сам пашет. И сам сажает. За трактор цепляют специальную сажалку. Эта сажалка и сажает картошку. Уф, устала и сажать, и рассказывать про картошку.

СЕЯЛКИ И САЖАЛКИ

Картошку сажают и на огороде, и на колхозном поле. А зерно, которым я с бабушкой кормлю кур, сеют. На нашем огороде бабушка зерно не сеет. На больших полях за трактор цепляют прицепы – «сеялки» называются. Они и сеют зерно. Сеют пшеницу: для белого хлеба и манной каши. Сеют рожь: для кваса и ржаного хлеба. Хотела хлеб назвать «чёрным». Но дедушка сказал, что правильно хлеб надо называть «ржаной». Ещё сеют овёс, чтобы лошадок кормить. И сеют ячмень, которым можно кормить разных домашних животных и птиц.

Вот сколько всего можно сажать из сеялок. Я хотела сказать, сеять из сеялок.

ЧТОБЫ МЕНЬШЕ БОЛЕТЬ

Чтобы не простужаться и меньше болеть, дедушка меня обтирает холодным полотенцем. Полотенце он окунает в родник, который находится за огородом в овраге. Там вода холодная-холодная. Я даже пить её сразу не могу. Дедушка приносит воду в дом. В доме вода нагреется – тогда я и пью её. Вначале я капризничала. Не хотела, чтобы дедушка меня холодным полотенцем обтирал. Потом привыкла. И теперь каждый день дедушка меня обтирает холодным полотенцем. Утром и вечером. Ещё дедушка говорит, что к концу лета я буду холодный душ принимать. Закаляться буду.

НОВАЯ ПРОЦЕДУРА

Дедушка приучил меня и нос полоскать. Вначале я так боялась, так боялась... Но бабушка

и сам дедушка каждое утро промывают себе нос. Потом только чистят зубы. И меня приучили. Чтобы меньше болеть, когда гриппом все болеют.

Бабушка насыпает в стакан воды соль. Всего-навсего половину чайной ложки. Потом она размешивает эту соль. И наливает из стакана в руку. В ладонь, как в маленькую чашечку. Носом из ладони солёную воду втягивают в себя. Эта солёная вода в горле соберёт всех микробов и выльется через рот. Ничуть не страшно и не больно. Немножечко только солёненько во рту. Зато простужаться не буду. И болеть гриппом не буду. Бабушка с дедушкой никогда не болеют. И папа с мамой тоже не болеют.

КОЗЫ

Рядом с домом стоит сарай. В сарае живут куры, козы и маленькие козлята. Одну козу зовут Катя. У неё очень большие рога. Я её чуть-чуть боюсь. Она родила недавно двух козчиков и двух козочек. Целых четыре ребёнка. Какая Катя молодец. И молока она даёт много. Бабушка говорит, что больше пяти литров. Вторую козу зовут Маня. У неё нет рогов. И она не боится. Я ей даю сухарики. У неё такие мягкие губы. Когда она берёт сухарики из моих рук, то своими губами щечочет мои ладошки. И совсем не кусается. Бабушка говорит, что козы имеют только нижние зубы, а сверху у них какая-то костяная пластинка вместо зубов. Это для того, чтобы удобнее было щипать травку, а зимой кушать сено. У Мани ещё нет козлят. Она скоро тоже родит. Ой, не родит – неправильно я сказала. Бабушка говорит, что и козы, и овечки, и кролики, и кошки, когда появляются у них дети, то все они котятся. Значит, и наша Маня скоро окотится. А сколько будет у неё козлят, мы скоро узнаем. Денёчка через три-четыре.

КОЗЛЯТА

Маня окотилась двумя козлятами, и оба оказались козочками. Всего у нас стало четыре маленькие козочки и два козлёнка. Вначале малышкой держали в доме. В моём детском мане-

же. Но они к вечеру стали из него выпрыгивать. И дедушка – я ему помогала – отнёс маленьких козочек в сарай. Посадил их в специальную большую клетку. Рядом в другой клетке жили Катини козлята. Кормили козлят, как настоящих детей, из бутылок с сосками. Бабушка надоит молока, теперь от двух коз, разольёт по бутылкам, и мы с ней идём кормить козлят. Козлята наперегонки спешат к бутылкам с молоком, думают, что это их мама-коза кормит. Мешают друг другу, толкаются, а возьмут соску в рот и быстро-быстро сосут молоко. Как будто наперегонки, как будто у них кто-то отнимет бутылки с молоком.

Молоком бабушка кормит козлят, пока они маленькие. Потом в молоко бабушка добавляет жидкую манную кашу. Дедушка в это время на лугу для козлят сделал специальный загон. Отгородил железной сеткой кусочек луга, поставил в одном углу небольшую крышу, и мы стали туда выпускать всех козлят. Они и травку к этому времени стали щипать. И крошки хлеба кушать. И соль специальную стали лизать. Большой такой кусок соли – «лизунец» называется. Все домашние животные этот лизунец любят. И наши козлята – тоже.

К осени козлята выросли, и дедушка стал их выводить и привязывать к столбикам, как больших коз. Чтобы не убежали в лес.

ПАРНОЕ МОЛОКО

Дома, в городе, я пила кипячёное молоко. Мама покупала молоко в магазине в бумажных пакетах. Приносила домой. Открывала пакет и выливала молоко в кастрюлю. Затем кипятила молоко на газовой плите. Молоко остывало, и я его пила.

В деревне я так бабушке и сказала, что пью только кипячёное молоко. Бабушка улыбнулась:

– Хорошо, но вначале попробуй парное

молоко.

– Это которое кипятится на пару?

Бабушка рассмеялась:

– Вечером узнаешь.

Наступил вечер. Дедушка привёл коз с луга, где они паслись на травке. Завёл их в за-

гон. Чтобы козы не разбежались и не поели растения на огороде и в саду. Загон – эта такая ограждённая площадка.

Бабушка выводит одну козу – Катя всегда идёт первая, – даёт ей в чашке еду. Вкусненькое для козы: сухарики, морковку, свёклу, яблоки, другое что-нибудь. Пока Катя ест, бабушка садится на маленькую скамеечку рядом с ней. Моет козе тёплой водой вымя. Вытирает. Смазывает вымя специальным маслом. Как же оно называется, это масло? Вспомнила – оливковое. Смазывает и начинает доить в ведёрко.

Из ведёрка бабушка переливает молоко в пузатенькие глиняные горшочки. «Махотки» называются. На горлышко махотки бабушка привязывает марлю. И через марлю льёт молоко. Марля привязана для того, чтобы соринки не попадали в махотку. Но я ни разу не видела на марле никаких соринок. Так чисто бабушка доит коз.

Вот из этой махотки сразу после дойки коз бабушка и наливает мне целый бокал молока. Молоко в бокале тёплое-тёплое, вкусное-превкусное, душистое-предушистое.

– Это – парное молоко. Самое целебное и самое полезное молоко, – сказала мне бабушка. – Теперь каждое утро и каждый вечер будешь пить такое молоко.

Я и пила всё лето. Утром и вечером – бабушка два раза в день доила наших коз.

ЗАПАХ МОЛОКА

К нашим соседям из Москвы приехали гости. И попросили у бабушки для своего мальчика Шурика козьего молока. Бабушка дала стакан молока маме Шурика попробовать. А мама Шурика говорит, что молоко плохо пахнет.

– Наше молоко не может плохо пахнуть, – отвечает ей бабушка. – Наши козы чистые, и сарай, где живут козы, тоже чистый. Перед каждой дойкой вымя у коз промывается тёплой водой и смазывается оливковым маслом. Запах у козьего молока не плохой, а своеобразный. Конечно, он отличается от запаха коровьего молока. Магазинное же молоко вообще без

запаха, из порошка сделанное. У некоторых хозяек и коровье молоко плохо пахнет – когда за коровами плохо ухаживают.

Шурик слушал, слушал мою бабушку, протянул руку, взял стакан молока и выпил до дна.

– Ещё хочу! – Немного подумал и сказал: – Спасибо!

ПОГРЕБ

В деревне у дедушки и бабушки есть погреб. Такая большая яма, которая накрыта досками и засыпана землёй. Сверху погреба стоит небольшой сарай. В крыше погреба проделаны две дырки. В эти дырки вставлены трубы для вентиляции.

В погребе хранятся разные овощи и картошка. Картошку дедушка раскладывает по большим ящикам. В ящиках, только других, хранятся яблоки. Морковку, свёклу (и для коз, и для нашей еды), репу и редьку дедушка насыпает мокрым речным песком. Ещё в погребе стоят деревянные бочки, кадушками называются. В одной кадучке бабушка солит огурцы. В другой кадучке солит помидоры. В третьей кадучке квасит капусту. В четвёртой – замачивает антоновские яблоки. Грибы рыжики и чернушки бабушка солит в разных больших эмалированных кастрюлях. Сверху всех солений в кадучках и кастрюлях бабушка кладёт марлю, на марлю кладёт деревянный круг, сверху круга – тяжёлый камень. Камень – под названием «гнёт» – нужен для того, чтобы овощи и грибы находились всё время в рассоле и не пропали.

В погребе стоит большой металлический стеллаж. На стеллаже стоят банки. Банки с другими солёными огурцами и другими солёными помидорами и банки разных размеров с вареньем и компотом. Банки с кабачковой и баклажанной икрой. Банки с маринованными грибами – маслятами, белыми и лисичками.

Всё это хранится до следующего лета и не портится. Потому что в погребе прохладно, когда на улице и жарко, и холодно.

В сарайчике над погребом дедушка развешивает веники. Веники для бани и веники для коз. Бабушка в этом сарайчике хранит разные

целебные растения, которыми лечит круглый год всех, кто к ней обращается.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

В доме в деревне стоит большая печка. Занимает почти половину комнаты. Называется «русская печка». Эта печка похожа на печку, на которой в сказке про «щучье веление» разъезжал Емеля.

Бабушка печку топит дровами, сухими сосновыми шишками и иголками, соломой. Дрова для печки дедушка с папой готовят ещё летом. Вначале наберут сухих деревьев в лесу, привезут домой и пилой с двумя ручками пилят эти брёвна на чурбачки. Потом топором разрубают чурбачки на поленья. Получаются дрова, и этими дровами топят и русскую печку, и баню. Дрова лучше всего получают из сухих дубов, сосны, берёзы.

В русской печке бабушка печёт вкусный ржаной хлеб, в чугунных горшках варит кашу и щи. В печку эти горшки чугунные (бабушка их называет «чугунки») ставит рогатой палкой – рогачом. Рогач – это как вилы. Только с двумя рожками.

В русской печке еда получается вкуснее, чем на газовой плите. И тепло в доме от печки стоит какое-то другое, чем в нашей квартире от батарей. Зимой Мурзик только и лежит на этой печке. И я с бабушкой днём отдыхаю на этой тёплой печке.

РАССАДА

Ещё зимой бабушка в ящики с землёй сажает разные семена. Вначале сажает семена перца, затем семена баклажанов, помидоров, огурцов. Последними сажает семена тыквы, кабачков, капусты. Как только прорастут маленькие росточки, бабушка поливает их тёплой водой с удобрениями и золой. Ящики с рассадой у бабушки стоят на подоконниках, где много солнца.

К весне рассادا вырастает большая, и дедушка выносит все ящики в парник. В парнике ящики с рассадой дедушка ставит в один ряд

и над ящиками из проволоки делает дуги. На дуги на ночь и когда холодно бабушка кладёт большую плёнку. Чтобы рассادا не замёрзла.

Потом, когда становится совсем тепло, бабушка пересаживает из ящиков рассadu в землю. В один парник она сажает огурцы, в другой парник сажает помидоры, в третий – баклажаны и перец. В землю, без парников, бабушка сажает кабачки, тыкву, капусту и отдельно специальный горький перец.

Огурцы у бабушки в парнике созревают очень рано. И если за Мурзиком не уследить, то он первым съедает огурцы прямо на стебле. Он их очень сильно любит.

ШАМПИньОНЫ

В этом году на грядках, где растут баклажаны и перец, появились какие-то белые комочки. Я так бабушке и сказала:

– Смотри, бабушка, какие-то камешки белые из земли вылезли.

Бабушка посмотрела и тоже удивилась:

– Это не камешки. Это шампиньоны растут. Наверное, когда твоя мама зимой привозила шампиньоны, то она воду после мытья грибов вылила на навозную кучу. В этой воде оказались семена шампиньонов – «споры» называются. Дедушка с этими спорами и вносил навоз на грядки. Поэтому в парнике и выросли грибы.

Мы эти шампиньоны ели всё лето. Бабушка аккуратно срезала грибы острым ножом почти каждый день. Так быстро они росли. Интересно, вырастут шампиньоны на следующий год? Надо будет маму попросить, чтобы на Новый год, когда мы поедem к дедушке и бабушке, она купила шампиньонов.

ПАРНИКИ

В деревне у бабушки и дедушки на огороде стоят три парника. У парников стены все стеклянные и даже двери стеклянные. Дедушка сам парники делал. А крышу у парников дедушка с папой каждую весну накрывают плёнкой. В марте накрывают, когда ещё снег не растаял. Под плёнкой на солнышке снег тает

быстрее, чем на улице. И земля быстрее прогревается. Когда земля совсем высохнет, бабушка копает вначале землю в парниках, а потом на всём огороде. Прежде чем копать, бабушка на все грядки носит навоз. Чтобы урожай вырос большой-пребольшой. Навоз – это удобрение, которое получается от кур и наших коз. В магазине бабушка никогда никакие удобрения не покупает.

Бабушка в парниках каждый год сажает разную рассаду. Вначале в один парник сажает огурцы, на следующий год в этот парник сажает помидоры, на третий год – баклажаны и перец. И так каждый год она меняет в парниках растения. Поэтому и урожай каждый год получается в разных парниках большой и вкусный.

ТРАВЯНЫЕ УДОБРЕНИЯ

Вместе с полезными растениями на огороде и в саду растёт много сорняков. Бабушка эти сорняки рвёт каждый день, а они всё растут и растут. Часть сорняков бабушка отдаёт козам и курам. Другую часть она кладёт в большие железные бочки и заливает их водой. Через неделю, как говорит бабушка, в бочках получается очень и очень хорошее удобрение. Экол... Экологически чистое. Не сразу и выговоришь-то. Правда, удобрения получаются с каким-то вонючим запахом. Но запах прошёл – и нет его, а растения от такого удобрения растут ещё быстрее и вкуснее.

Вот какое удобрение придумала бабушка.

ГРЯДКИ

Грядки на огороде бабушка делает ещё осенью. Под зиму. Копает землю, приносит навоз, речной песок, насыпает золой и извёсткой. Потом снова копает и ровняет грядки граблями. Грядки получаются красивые, ровные, одно загляденье, как скажет бабушка.

На две большие грядки бабушка под зиму сажает чеснок. На одну грядку, тоже большую, под зиму бабушка сажает лук.

На другие грядки бабушка сажает весной. Морковку сажает, свёклу сажает, горох сажает.

Что ещё? Петрушку сажает, сельдерей сажает, лук сажает. Другой лук – не какой сажала осенью. Салат сажает. Что ещё-то? Забыла совсем. Сейчас вспомню. Ага – на новые грядки бабушка пересаживает кустики клубники и земляники. Нет, нет, вспомнила ещё раз: бабушка молодые кустики клубники и земляники пересаживает осенью. А весной она ещё сажает разную пахучую траву.

Чуть не забыла: бабушка всё лето сажает редиску, целых пять раз сажает на разные грядки. Поэтому мы едим редиску всё лето. И редьку бабушка сажает, и репу, и свёклу для коз сажает. Для еды свёкла вырастает красная, а для коз вырастает большая-пребольшая. На всю зиму козам хватает.

Вот сколько бабушка делает грядок. Под каждое растение. А укроп у нас растёт по всему огороду. Его бабушка не сажает. У него семена сами падают на землю, когда он созревает. И хрен бабушка тоже не сажает. Он растёт тоже по всему огороду. Когда укроп и хрен нужен, мы с бабушкой идём на огород и рвём, сколько нам нужно.

ДОРОЖНЫЙ ЗНАК

Дорога в деревню к бабушке и дедушке проходит через лес. В лесу живёт много разных зверей. И эти звери часто выходят на дорогу. Поэтому в лесу на дороге стоят дорожные знаки, на которых нарисован олень. Они предупреждают водителей, чтобы они здесь ехали медленнее и внимательнее. И не задавили случайных диких животных.

Однажды летом к нам в деревню приехал мой двоюродный брат Тёмка. Из Москвы приехал. Ему всего три годика. Ему в деревне всё интересно. Он ни разу не был у бабушки и бабушки. Ни разу не видел живых домашних животных. И когда он первый раз увидел рогатую козу Катю, я у него спросила:

– Тёма, как называется это животное?

Тёмка посмотрел на козу, вспомнил дорожный знак в лесу, о котором ему рассказывал его папа, и уверенно так говорит:

– Это – олень!

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ САДОВОДСТВА НА ПОЧТОВЫХ МИНИАТЮРАХ

Анатолий ТРУБА

Идея организации садов в Санкт-Петербурге, Москве и других городах Российской империи принадлежала Петру I. Дальнейшее развитие садоводство получило во время царствования Екатерины II, в этот период оно стало носить государственный характер.

В первой половине XIX века действовало Российское общество любителей садоводства, не имевшее статуса императорского. Президентом общества являлся князь С. И. Гагарин.

Летом 1857 года в Санкт-Петербурге состоялось совещание, которое предшествовало образованию общества садоводства. Руководство страны понимало важность деятельности такого общества и постановило оказывать ему поддержку, а великий князь Николай Николаевич принял решение взять общество под своё покровительство. 25 марта 1858 года Устав общества получил высочайшее утверждение, и эта дата считается официальным началом деятельности Российского императорского общества садоводства.

Первым президентом общества садоводства был Н. И. Железнов. Президентом общества в 1894–1914 годах был С. И. Сперанский. Под его руководством общество провело более 80 выставок цветов и организовало 50 садовых питомников, что способствовало развитию садоводства в разных регионах Российской империи, где создавались как самостоятельные общества садоводства, так и отделы. Была организована библиотека общества, комиссия для работы на выставках, разработаны правила организации кассы общества и распределения премий. Весной 1900 года при обществе садоводства была образована комиссия для выработки правил организации народных

праздников древонасаждения по всей России, и общество брало на себя субсидирование таких праздников. Издавались периодические печатные издания, как в Санкт-Петербурге («Вѣстникъ Россійскаго Общества Садоводства въ С.-Петербурѣ», с 1870 г. – «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства»), так и в других российских городах.

В 1892 году, в период президентства М. Н. Раевского, из состава общества садоводства выделилось Российское общество плододства (в 1895 году оно получило статус императорского). В 1918 году работа Императорского Российского общества садоводства была приостановлена.

Весной 1858 года ИРОС провело в Санкт-Петербурге первую выставку, разместившуюся в экзерциргаузе Гвардейского штаба на Миллионной улице. Художественное оформление экспозиции было выполнено по эскизам петербургских архитекторов Г. А. Боссе и А. Х. Пеля. В этом же помещении прошли выставки 1859, 1860, 1861 и 1862 годов. Начиная с 1865 года выставки стали проводиться в помещении Михайловского манежа, находившемся в ведении военного ведомства. Последняя выставка Императорского Российского общества садоводства состоялась в мае 1914 года под покровительством Николая II и располагалась в недостроенном здании ИРОС и в Таврическом саду.

Императорское Российское общество садоводства проводило в Санкт-Петербурге и международные выставки, первая из которых состоялась в 1869 году. На открытии выставки присутствовали Александр II, члены императорской семьи и главы дипломатического корпуса. Эта выставка считается первой международной выставкой, проведённой в России.

К филателистическим материалам (почто-

вым маркам, почтовым карточкам, конвертам первого дня, почтовым блокам, малым листам, картмаксимумам) можно относиться по-разному. Кто-то видит в них лишь коллекционный материал в виде красочных картинок («маленьких плакатиков»), окаймлённых мелкими зубчиками, кто-то собирает почтовые марки ещё с детства и пытается до сих пор удивить своей коллекцией друзей и близких, а кто-то, например, выстраивает почтовые марки в хронологическом порядке и пишет о них исторические статьи, связывая с выпуском почтовых материалов различные события политического и социально-экономического характера в той или иной стране. Одним словом, подходы к использованию филателистических материалов весьма различны.

В отдельных странах мира (Испании, Португалии, КНР, США, Франции, Греции и др.), особенно в последние годы, исследователи всё чаще стали использовать филателистические средства в научных изысканиях. Здесь помимо учебных выпускных квалификационных работ активно защищаются магистерские и докторские диссертации.

В Российской Федерации филателистические исследования проводятся в МГУ им. М. В. Ломоносова, Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, Государственном университете управления, Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета, Высшей школе приватизации и предпринимательства. В этих образовательных учреждениях подготовлены и защищены с использованием филателистических материалов бакалаврские и магистерские работы. Первая кандидатская диссертация в России была защищена в 2021 году на тему «Дизайн почтовых марок Сирийской Арабской Республики в XX веке».

Изучение различных источников позволило установить, что первая марка, напрямую посвящённая плодоводству, была выпущена в 1913 году. Речь идёт о марке, которая мало чем отличается от обычных почтовых (которые мы привыкли видеть), она имеет линейную перфорацию, традиционный размер, но не имеет значка номинальной стоимости.

Марка непочтовая, многоцветная, с перфорацией. Снабжена надписями: «1613–1913», «Состоящая под высочайшим покровительством Государя Императора юбилейная Всероссийская выставка плодоводства в Санкт-Петербурге», «Императорское Российское общество плодоводства». Выставка приурочена к празднованию 300-летия дома Романовых

Эта марка была посвящена юбилейной Всероссийской выставке плодоводства, проходившей в Санкт-Петербурге под высочайшим покровительством государя императора Николая II. Выставка приурочена к празднованию 300-летия дома Романовых. Согласно уставу Императорского Российского общества плодоводства (от 11.06.1891), основная цель создания общества – содействие развитию и усовершенствованию отечественного плодоводства.

Отделения общества более двадцати лет весьма активно пропагандировали необходимость и целесообразность развития российского плодоводства и огородничества, практически по всей стране устраивали показательные питомники и сады, читали лекции, издавали и распространяли специальную литературу, организовывали специализированные выставки.

Несмотря на то, что марки в России вошли в почтовое обращение в январе 1858 года, впервые тематика плодоводства была отражена на почтовой миниатюре в 1939 году. Ею стала марка Почты СССР из серии «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве», она была выпущена 1 августа 1939 года. Марка имеет линейную перфорацию, отпечатана способом фотогравюры, номинальной стоимостью 60 ко-

пеек. Почтовая миниатюра сине-фиолетового цвета, на её переднем плане художники (Н. Соколов и А. Любимов) разместили садоводов – женщину и мужчину с огромными корзинами, наполненными различными плодами: яблоками, грушами, виноградом и др.

Марка СССР. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве. № 598 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 1 августа 1939 г. Размер: 26 x 37 мм. Цвет: сине-фиолетовый. Перфорация: линейная 12¼. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 60 копеек. Художники: Н. Соколов, А. Любимов. Тираж: 2 000 000 экз.

Эта пара тружеников изображена на фоне герба Советского Союза и флагов союзных республик, под фигурками садоводов авторы марки разместили широкую ленту с надписью «Всесоюзная с.-х. выставка 1939». В верхней части марки идёт надпись «Почта СССР», она помещена между двумя одинаковыми числами, обозначающими номинальную стоимость, – «60 коп.». Марка органично вписывается в 10-марочную серию «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве» и легко запоминается. Нельзя не сказать и том, что марка демонстрирует изобилие продукции садоводства.

Филателия периода СССР не обошла своим вниманием и такую тему, как возделывание цитрусовых культур. 17 апреля 1951 года в почтовое обращение вышла многоцветная марка «Сбор цитрусовых».

На переднем плане автор марки изобразил женщину в широкополой шляпке, снимающую плоды мандаринов с ветки, обильно ими усыпанной. Вдалеке просматриваются склоны гор, а по тропинке движутся три сборщицы цитрусовых с корзинами на плечах. В центре миниатюры изображена большая плетёная корзина,

доверху наполненная мандаринами. «Оранжевый рай» – так в Грузии называют период созревания мандаринов (декабрь).

Марка Почты СССР. Сбор цитрусовых. Грузинская Советская Социалистическая Республика. № 1514 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 17 апреля 1951 г. Размер: 37 x 26 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: линейная 12¼. Печать: фототипия. Художник: В. Завьялов. Номинальная стоимость: 25 копеек. Тираж: 1 000 000 экз.

А в июне этого же года (25 июня 1951 г.) выходит ещё одна марка, связанная с данной тематикой, но заметно проигрывающая предыдущей по своей художественной выразительности. Марка вышла в почтовое обращение под призывом «Дадим стране больше лимонов, апельсинов и мандаринов!». Она изготовлена на тонированной бумаге, имеет жёлто-коричневый цвет, номинал 1 рубль. На марке изображены сборщицы цитрусовых. Художник поместил их в центр композиции в специальный овал, по краям которого нарисованы плоды – лимоны, апельсины, мандарины. В верхней части почтовой миниатюры размещён лозунг, в нижней – название почтового ведомства «Почта СССР» и номинальная стоимость «1 рубль». Почтовая марка имеет линейную перфорацию 12¼, изготовлена тиражом в 1 миллион экземпляров.

Почтовая марка СССР № 1533 (по каталогу В. Загорского). Вышла в почтовое обращение 25 июня 1951 года. На марке размещён

лозунг «Дадим стране больше лимонов, апельсинов и мандаринов!». Печать: глубокая. Бумага: тонированная. Перфорация: линейная 12¼. Тираж: 1 000 000 экз.

В декабре 1954 года под лозунгом-призывом «Выращивайте больше овощей!» выходит в почтовое обращение многоцветная перфорированная марка, на которой изображены две труженицы в процессе работы над овощными культурами. Марка красочная, с изображением конкретных овощных культур (капусты, огурцов, помидоров и др.), которые и дополняют лозунг-призыв почтовой миниатюры, связанный с увеличением в стране овощной продукции. Марка имеет линейную перфорацию (12½), её номинальная стоимость 40 копеек. Она была отпечатана тиражом в 2 миллиона экземпляров. Марка красочная и запоминающаяся.

Марка СССР.
«Выращивайте больше овощей!»
№ 1709 (по каталогу В. Загорского, Россия).
Дата выпуска:
13 декабря 1954 г.

Размер: 40 x 30 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: линейная 12½. Печать: офсет. Номинальная стоимость: 40 копеек. Тираж: 2 000 000 экз.

Как же выполнялся такой призыв, обозначенный на почтовой миниатюре? Следует привести некоторые цифры. В тот период развития отрасли овощеводства население Советского Союза потребляло в среднем овощей и бахчевых культур по 66 килограммов в год на 1 человека. Картофеля потребляли гораздо больше – по 153 килограмма. В настоящее время обеспечение овощами и бахчевыми культурами заметно улучшилось, но вместе с тем следует отметить, что потребление этих культур не соответствует нормам Минздрава Российской Федерации (рекомендованная норма – 140 кг на душу населения в год, потребление составляет 109 кг).

«За изобилие плодов и ягод!» – под таким лозунгом в почтовое обращение 3 февраля 1961 года вышла марка Почты СССР. Почтовая миниатюра входит в серию марок, объединённых замыслом обеспечить в стране изобилие сельскохозяйственных продуктов. В каталоге

В. Загорского марка номиналом в 10 коп. значится под номером 2453, изготовлена с применением способа глубокой печати, снабжена рамочной перфорацией 12:11½. Тираж составил 10 миллионов экземпляров. Миниатюра выполнена художником А. Завьяловым.

На переднем плане миниатюры изображена симпатичная девушка в косынке и кофточке, расшитой национальным узором, собирающая яблоки в плетёную корзинку. Художнику удалось передать настроение героини сюжета – она улыбается, как бы позируя (можно сказать, рекламируя сорванные плоды), придерживая левой рукой переполненную корзинку с крупными сортовыми яблоками. Фон марки представляют зелёные деревья яблоневого сада. Такую почтовую миниатюру можно отнести к категории «миниатюрный плакат СССР».

Почтовая марка СССР. «За изобилие плодов и ягод!» Марка № 2453 (по каталогу В. Загорского) вышла в почтовое обращение в 1961 г. (3 февраля –

31 июля). Она входит в почтовую серию из четырёх марок «За изобилие сельскохозяйственных продуктов!». Печать: глубокая. Перфорация: рамочная 12 x 11½. Тираж: 10 000 000 экз. Художник: А. Завьялов

В период выхода в почтовое обращение этой замечательной миниатюры общая площадь плодово-ягодных насаждений (без цитрусовых) во всех категориях хозяйств СССР составляла около 3 миллионов гектаров, в том числе в плодоносящем возрасте – 1,2 миллиона гектаров. Валовой сбор плодов и ягод по итогам 1960 года составил 3 036 тыс. тонн при урожайности плодово-ягодных насаждений 25,7 центнера с гектара. Государственные закупки плодов и ягод составили 836 тыс. тонн.

Через десять лет после выхода миниатюры, посвящённой овощным культурам, выходит серия из семи марок «Сельскохозяйственные культуры». Здесь для садоводов-любителей и филателистов особый интерес представляют две марки с изображением картофеля и гороха.

Марки СССР. Картофель «Лорх». № 2973 (с гребенчатой перфорацией 11½ x 12), № 2966 (без перфорации) по каталогу В. Загорского. Дата выпуска: 10.07.1964 – с перфорацией, 25.06.1964 – без перфорации. Размер: 26 x 37 мм. Цвет: многоцветные. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 4 копейки. Тираж: 3 000 000 экз. и 1 000 000 экз. (без перфорации)

Эти две замечательные миниатюры были выполнены профессиональными художниками Е. Анискиным и Н. Кругловым. Так, на марке с коричневым фоном номиналом 4 копейки представлена кустовая часть с бледно-красно-фиолетовыми с белыми оконечностями цветками и округлые, слегка овальные клубни старейшего сорта картофеля «Лорх». Он внесён в Госреестр в 1931 году и является самым распространённым из отечественных сортов картофеля. Этот сорт назван именем выдающегося учёного Александра Георгиевича Лорха (1889–1980), одного из зачинателей селекции и сортоиспытания картофеля в стране.

Марки СССР. Горох «Рамонский-77». № 2974 (с гребенчатой перфорацией 11½ x 12), № 2967 (без перфорации) по каталогу В. Загорского. Дата выпуска: 10.07.1964 – с перфорацией, 25.06.1964 – без перфорации. Размер: 26 x 37 мм. Цвет: многоцветные. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 6 копеек. Тираж: 3 000 000 экз. и 1 000 000 экз. (без перфорации)

Весьма убедительно и правдоподобно художникам удалось изобразить на марках (с зубцовкой и без неё) номинальной стоимостью в 6 копеек стручки гороха. На почтовой марке № 2974 и № 2967 (по каталогу В. Загорского) на светло-коричневом фоне изображены стручки гороха (зелёный и сухой) сорта «Рамонский-77». Авторам марки удалось передать особенности этой культуры, нарисовав не только стручки, но и травянистый стебель с перистыми листьями, заканчивающимися ветвистыми усами, а также белые цветки с венчиками мотылькового типа. Этот сорт считается скороспелым, высокоурожайным, устойчивым к болезням и вредителям, к неблагоприятным погодным условиям.

В том же году, но гораздо позднее – 25 декабря 1964 года – в почтовое обращение выходит яркая серия почтовых марок под общим лаконичным каталожным названием «Ягоды». В серию вошли марки с изображением клюквы (6 млн экз.), черники и рябины (по 5 млн экз.), ежевики и брусники (по 4 млн экз.). Марки поступали в продажу листами – 10 x 5 шт. (50 экз. в листе).

Марки Почты СССР «Клюква», «Черника». № 3048, 3049 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 25 декабря 1964 г. Печать: глубокая. Перфорация: рамочная 11½ x 12. Номинальная стоимость: 1 коп. и 3 коп. Тираж: 6 млн (№ 3048) и 5 млн (№ 3049) экз. Художник: В. Завьялов

В современной России уже давно научились не только культивировать дикорастущие ягоды в промышленных масштабах на ягодных плантациях Архангельска, Ханты-Мансийска, Карелии, но и выращивать лесную ягоду на садовых участках (речь идёт о садовых сортах

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

черники, клюквы, ежевики, брусники, сладко-плодной рябины). О целебных свойствах этих ягод известно с древних времён.

Марки Почты СССР «Рябина», «Ежевика», «Брусника». № 3050, 3051, 3052 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 25 декабря 1964 г. Печать: глубокая. Перфорация: рамочная 11½ x 12. Номинальная стоимость: 4 коп., 10 коп. и 16 коп. соответственно. Тираж: № 3050 – 5 млн экз.; № 3051, 3052 – по 4 млн экз. Художник: В. Завьялов

Некоторые садоводы-опытники и садоводы-любители выращивают не только лесные ягоды, но и лекарственные растения. Почта СССР не оставила без внимания и это направление. Стоит напомнить читателям, что в сентябре 1973 года в почтовое обращение вышла серия марок «Лекарственные растения»: «Заманиха высокая», «Женьшень обыкновенный», «Ятрышник пятнистый», «Арника горная», «Ландыш майский» (художник Н. Шевцов). Тиражи этих марок составили от 4 200 000 до 5 700 000 экземпляров.

В 1980 году увидела свет ещё одна миниатюра, относящаяся к категории лекарственных, это «Облепиха крушиновидная» (художник А. Куртенок). Она изображена на марке № 5055 по каталогу В. Загорского, изданной тиражом 6 100 000 экземпляров.

1982 год был ознаменован серией «Ягоды». Миниатюры выполнены на чёрном фоне, замечательно изданы. В серии пять марок, посвящённых морошке, голубике, костянике, кизилу, землянике лесной. Это талантливая работа, выходящая далеко за рамки обычного знака почтовой оплаты. Удачное сочетание лаконичной композиции и контрастной расцветки марок принесло этой серии большую известность.

Марка Почты СССР «Облепиха крушиновидная». № 5055 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 29 октября 1980 г. Размер: 42 x 30 мм. Цвет: многоцветная. Печать: офсет. Перфорация: гребенчатая 12½ x 12. Номинальная стоимость: 10 копеек. Тираж: 6 100 000 экз.

В 1983 году почтовое ведомство страны выпускает серию марок (из трёх миниатюр), посвящённую выполнению Продовольственной программы СССР. Одна из них, с плакатным лозунгом «Обеспечим рост производства плодов, овощей, картофеля», напрямую связана с тематикой настоящей статьи.

Рассматривая эту марку, следует отметить, что на переднем плане, в центре миниатюры, изображён водитель автопогрузчика, гружёного ящиками с яблоками. Художнику удалось передать движение, кажется, что паренёк рунлит, а погрузчик движется.

Марка СССР. «Продовольственная программа – всенародное дело. Обеспечим рост производства плодов, овощей, картофеля». № 5374 (по каталогу В. Загорского, Россия). Дата выпуска: 10 октября 1983 г. Размер: 40 x 28 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 11½. Бумага: мелованная. Печать: фотогравюра. Номинальная стоимость: 5 копеек. Тираж: 3 600 000 экз.

В верхнем правом углу композиции показана сцена сбора с плодовых деревьев яблок и погрузка их в ящики, которые отправляются в хранилище в специальных тележках трактора «Беларусь». Марка четырёхцветная: светло-зелёный, зелёный, красный и белый цвета. Номинал и год выпуска с надписью «Почта СССР» на всех марках этой серии размещены в левом нижнем углу миниатюры.

Следует напомнить читателям, что в Программе была поставлена задача по увеличению потребления овощей и бахчевых культур на душу населения с 97 (в 1980 г.) до 127 кг (в 1990 г.), а фруктов и ягод – с 38 до 68 кг. К сожалению, как известно, установленные рубежи по данным видам продовольствия достигнуты не были.

Несомненный интерес у читателей вызовет и серия ароматизированных марок «Дары природы», вышедшая в почтовое обращение в августе 2003 года. В ней пять миниатюр: яблоки, земляника, груша, ананас, дыня. Небезынтересно, что марки пахнут так же, как и изображённые на них фрукты. Это стало возможным благодаря современным технологиям печати. Ещё одна особенность – впервые в стране выпущены марки круглой формы. Что касается почтовых марок, то следует заметить, что впервые ароматизированные марки были изданы в Королевстве Бутан в 1973 году (речь идёт о серии из шести марок, источающих нежный розовый запах).

Ароматизированная марка. Груша. № F 882 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 27 августа 2003 г. Размер: 44 x 44 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 13½. Печать: офсет. Номинальная стоимость: 5 рублей. Автор серии: художник-марочник П. Жиличкин. Тираж: 630 000 экз.

Ароматизированная марка. Яблоки. № F 885 (по каталогу В. Загорского). Дата выпуска: 27 августа 2003 г. Размер: 44 x 44 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 13½. Печать: офсет. Номинальная стоимость: 5 рублей. Автор серии: художник-марочник П. Жиличкин. Тираж: 630 000 экз.

Весьма богатым на почтовые миниатюры, посвящённые плодам и ягодам, стал и 2020 год. Благодаря знакам почтовой оплаты – маркам – и другим филателистическим материалам мы узнаём много нового, укрепляем свои ранее полученные знания, задумываемся о новых возможностях как в коллекционировании, так и в развитии садоводства и своего дачного участка.

Флора России. Ягоды (2020). № 2807–2810 (по каталогу Михель). Дата выпуска: 17 января 2020 г. Размер: 100 x 75 мм. Цвет: многоцветный. Перфорация марок: серпантинная 11¼. Печать: офсет. Клей на марках: самоклеящийся. Художник: В. Бельтюков. Номинальная стоимость: 50 руб. x 4 шт. Тираж: 60 000 экз.

Ценность марок и других филателистических материалов состоит в том, что они не только помогают оказать ту или иную услугу почтового ведомства, но и неподвластны времени, защищённые коллекционной логикой. Почтовые миниатюры – это и фиксация того или иного исторического события, и презентация конкретного вида деятельности, и реклама определённых потребительских товаров и продуктов питания (овощей, фруктов, ягод), информация о памятных датах в области экономики, культуры, искусства и др. Иными словами, прекрасный источник новых знаний, в том числе и в сфере садоводства и огородничества.

Очарование ФОРОСОМ

13 августа в санатории «Форос» состоялось мероприятие, посвящённое 10-летию юбилею Крымского и Севастопольского отделений Союза писателей России, а также выходу в свет нового издания «Форосская тетрадь-2. Очарование Форосом». В нём опубликованы стихи и проза не только писателей – членов СП России, но и сотрудников санатория. А также работы художников, которые ежегодно с 2022 года приезжают на пленэры в Форос.

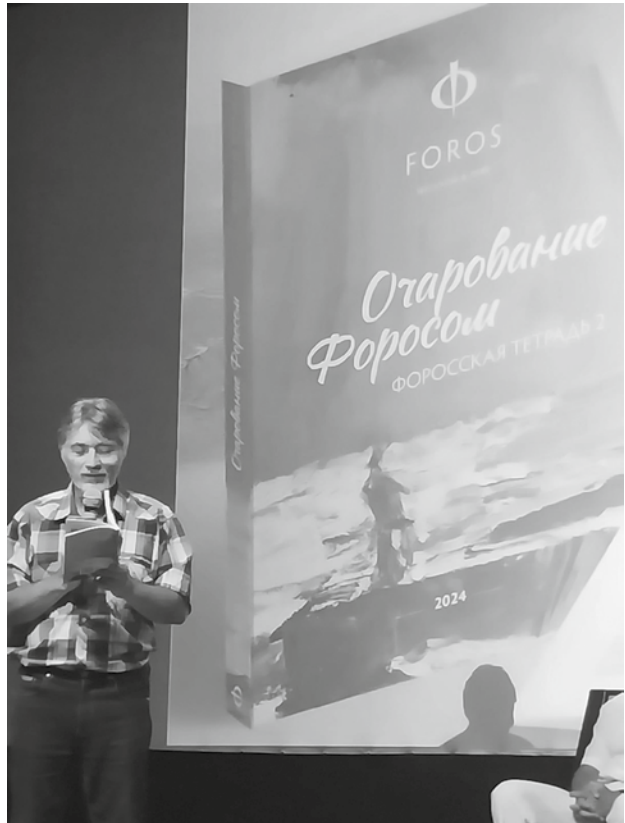
Торжественная часть праздника прошла в Главном корпусе Foros Wellness&Park, в киноза-

ле. Т. И. Клименко, заместитель директора по коммерции ООО «ПАРК ФОРΟΣ», доктор экономических наук, лауреат премии РК, заслуженный экономист РК, приветствовала присутствующих писателей и поздравила их с 10-летней годовщиной вхождения в состав Союза писателей России. Затем своё дружественное слово произнесла искусствовед, директор ООО «ПАРК ФОРΟΣ», заслуженный работник Татарстана в сфере обслуживания населения, лауреат Государственной премии РК Э. Ф. Шрша. На правах хозяйки она поздравила писателей с юбилейной

датой, с выходом совместного сборника: «Идея этого сборника диктовала особые требования к выбору произведений и литературного творчества. Задача заключалась в отражении любви к Форосу».

Затем наступил черёд писателей. Т. А. Воронина, председатель Севастопольского отделения СП России, главный редактор республиканского издания «Литературная газета + Курьер культуры: Крым – Севастополь», рассказала о становлении Союза писателей России в Крыму и Севастополе, раскрыла историческое значение этого события для литераторов полуострова Крым. Напомнила писателям о достижениях и успехах отдельных художников слова, проведённых мероприятиях, фестивалях, изданных коллективных сборниках и журналах. Присутствующим были представлены 1-й заместитель председателя правления СП России, генерал-лейтенант, действительный государственный советник РФ 1-го класса, доктор политологии К. Б. Пуликовский, а также, член правления СП России, доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Александръ» А. С. Труба. Именно им руководством Союза писателей России было предоставлено право поздравить и наградить своих коллег, особо отличившихся в нелёгкие дни становления организации, грамотами и медалями СП России. Так, Золотой медалью «Василий Шукшин» были награждены писатели Ирина Тюняева (Грин) и Олег Азарьев. Пушкинской медалью – Лидия Огурцова и Нина Лещинская. Группа писателей была отмечена почётными грамотами СП России: В. К. Беспалов, А. Н. Федосеев, Т. М. Гордиенко, Т. И. Халаева, В. В. Пискайкин, С. Д. Нитков, Л. А. Обуховская, И. В. Сотникова, Н. Ищенко, Г. Овчаренко, А. И. Зенченко. Получили награды и председатели Крымского и Севастопольского отделений В. И. Сорокин и Т. А. Воронина, К. Б. Пуликовский вручил им знак-орден «За вклад в устойчивое развитие городов СНГ» от Международной ассамблеи столиц и крупных городов России. В своём выступлении председатель Крымского отделения СП России, генеральный директор Крымского центра творчества, науки и культуры В. И. Соро-

кин отметил плодотворную деятельность крымчан, успехи в работе с детьми и молодёжью. В частности, рассказал о фестивале «Крымский Первоцвет», который организовала член правления КРО СПР Л. В. Огурцова. Затем слово взял сопредседатель Крымской организации СП России А. В. Воронцов, стоявший у истоков СП России в Крыму. Он представил слушателям фотографии учредительной конференции 2024 года, рассказал о тревожных моментах и подвехах со стороны недружественных лиц, ставивших палки в колёса для торможения процесса регистрации и деятельности писателей в Крыму и Севастополе.

Особенно интересно прозвучали видеозаписи поздравлений, которые представил А. С. Труба – от Героя России, известного космонавта-испытателя, на счету которого восемь выходов в открытый космос, Олега Артемьева. Именно он поздравлял писателей с созданием первой книги «Форосская тетрадь» прямо из космоса! А теперь послал свой земной привет и пожелания. И от заслуженного и народного художника РФ, действительного члена Российской академии художеств Никаса Сафронова.

Во время презентации сборника «Очарование Форосом», куда вошли произведения 20 членов СП России, некоторые авторы сборника прочитали свои стихи, явив слушателям непревзойдённый аромат и колорит Фороса. В частности, выступили Н. И. Ильченко,

М. О. Орлова, Е. Ф. Осминкина, В. Ф. Фесенко, В. В. Воронин. Прозвучало и авторское чтение стихов Т. И. Клименко.

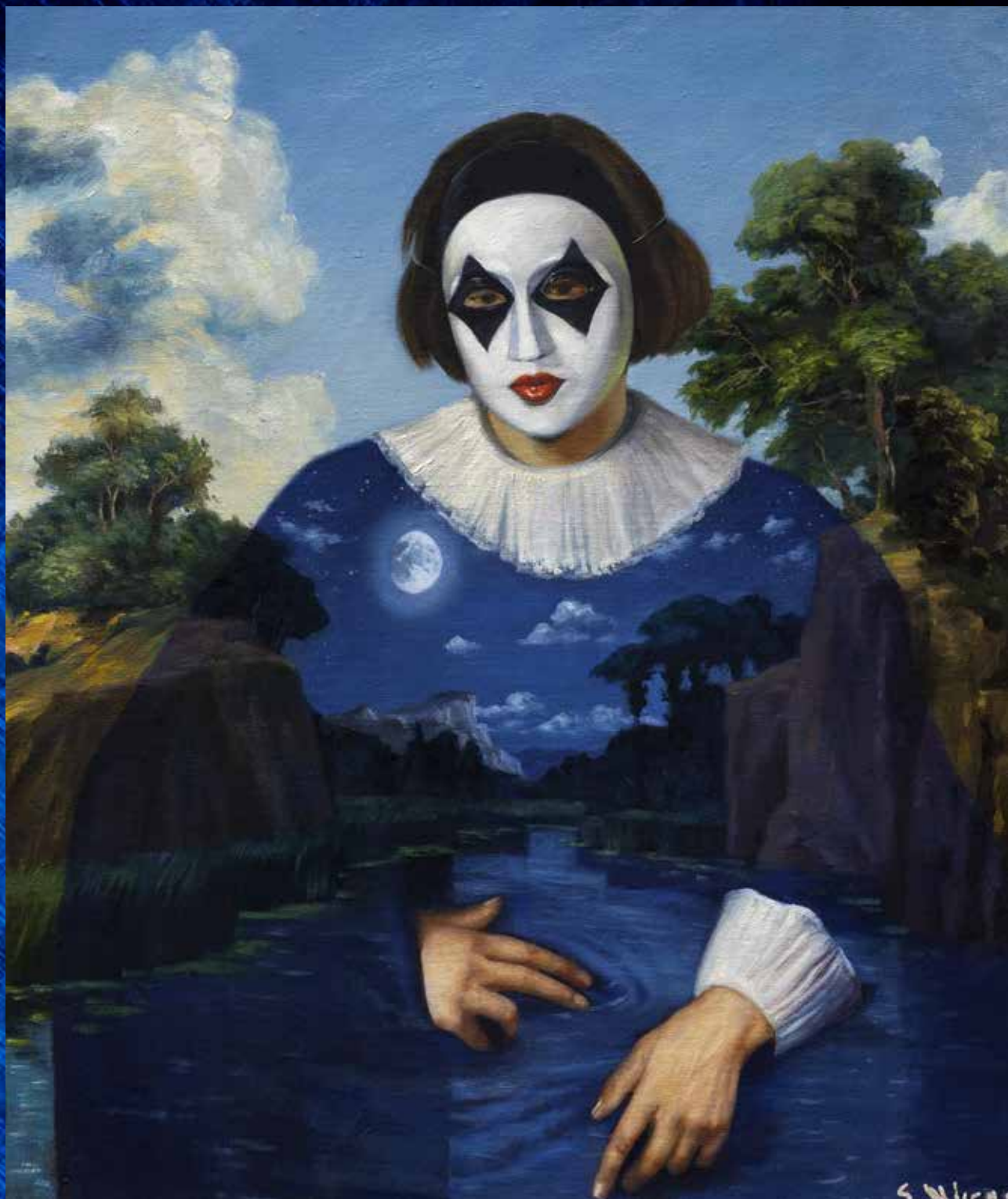
В мае 2023 года на одной из аллей форосского парка был высажен саженец атласского кедра. И теперь писатели пришли провести зелёного питомца. Сотрудники санатория предоставили писателям возможность подкормить своего друга, который у своих корней хранит мечты писателей в надёжной капсуле. Перед писателями выступил представитель РО Российской экологической партии «ЗЕЛЁНЫЕ», который поблагодарил писателей за очень важную деятельность в охране зелёных насаждений, их высадку повсеместно во время культурных акций. И вручил некоторым писателям грамоты. На память о торжестве в Форосе сотрудники санатория подарили присутствующим именные веточки розмарина и сфотографировали гостей у подросшего кедра.

А закончить хочется словами А. С. Трубы, опубликованными в книге: «Ну и, конечно, особые слова благодарности хочется сказать руководству санатория "Форос" Эльвире Фирдинатовне и Татьяне Игоревне, за покровительство искусству и творческим людям».

Татьяна ВОРОНИНА

Никас Сафронов. Мир – это театр, и люди в нём актёры. Х., м. 50 x 42. 2013

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru